РПСр I 18/1839.1

P II 1079
1839

332

ГОЛУБИЦА

СЪ

ЦВЕТОМЪ

КЊИЖЕСТВА СРБСКОГЪ.

I.

1839.

(Добыти се може за 3 цванцика.)

РП 1079 РПС РТ 18/1839.1

ГОЛУБИЦА

СЪ

ЦВЕТОМЪ КНЬИЖЕСТВА СРБСКОГЪ.

I.

1839.

ГРИГОРІЄМЪ ВОЗАРЕВИЋЕМЪ

КНЬИГОВЕЗЦЕМЪ И КНЬИГОПРОДАВЦЕМЪ.

У БѢОГРАДУ,

ПЕЧАТАНА У КНЯЖЕСКО - СРБСКОЙ ТУПОГРАФІИ.

ВИБЛИОТЕКА "ДОСИТЕЈ ОБРАДОВИЋ" БЕОГРАД

Бив. бр. 52.733

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

Сложно, браћо, на высину!
Доћи ћемо на чистину,
Гди се свѣтле неба знаци,
Лію с' красни ума зраци.

М. Светићь.

I.

ОРИГИНАЛНА СОЧИНЕНІЯ У ПРОЗИ.

1.

САНЪ ЄДНОГА МЛАДОГА СРБИНА.

Єданъ младый Србинъ, ходаюћи у лепъ єсеньій данъ са кньигомъ у руци, седне подъ гранатый растъ, занесе се по обычаю своме у родолюбиве мысли о срећи, изображенію и напредку кньижевномъ народа Србскогъ, сведе очи, и ту сладко заспи. На єдампутъ или по тишини и шуштаню равномѣрномъ лишћа, или по подобности мыслій, коима є зажаренъ заспао, укаже се предъ ньимъ у сну єданъ старацъ: седа му є брада до пояса таласала се, а власи су му беле као снегъ исподъ капе зимне плећа покрывале; савъ у белу медвећину обученъ бияше, као да є найвећа мећава на земльи; у левой руци држаше велику путничку палицу, коя се учини наликъ на Нептуновъ трезубацъ, у десной пакъ имаћаше кньигу повелику на полакъ заметнутымъ прстомъ забележену. Лице му се показивало здраво и свѣтло, а очи пуне живости.

Я се у првый мах, преповедаше истый младый Србинъ, ужаснемъ, но наскоро повративший се одъ прве забуне ослободимсе, и запытамъ га: „Ко си ты, и шта ћешъ са мномъ?“ А онъ ми на то одговори благимъ и тихимъ, пунымъ повѣреня гласомъ: „Не бойсе ништа младый умниче! Я видећи кодъ тебе књигу, познао самь, да смо мы душомъ сродни, ако се и налазимо отечествомъ преко света єданъ одъ другогъ удалѣни. По томе добыо самь повѣренье, да ти се приближимъ.“ После стоећи тако настави беседу свою овымъ начиномъ: „Моє є отечество не далеко одъ сѣверна полуса, гди єстество у вѣчномъ леду почива. Много є протекло векова, да мы о южним' странама и народима ништа знали нисмо, и доцніе само су кадъ и кадъ до насъ допирали гласови о найзнаменитіима дѣлима, найизображенінма народима и поєдиним найславніима людма южны страна', тако да смо мы то као нѣку светиню држали, и одъ рода на родъ спомену вѣковѣчитомъ предавали. Случайно єданпутъ догоди се, да єданъ мударъ човекъ изъ овы страна' после велики' претрплѣны' бѣда' и неволя' до насъ допре, кои намъ се чиніо, као да є изъ неба међу насъ пао. И кадъ се мало съ њимъ познамо, почнемо га о различитим' вѣстима, коє су до насъ допрле быле, испытивати, и како се зачудимо, кадъ одъ нѣга дознамо, да смо мы понайвыше наопако извѣштени, и тако крива и неоснована понятія о овима земляма имамо. То се свима моима земляцима срамота учини, и одъ онога часа науме и заключе, сваке године по єдногъ свога поузданога човека у южне стране шиляти, да о дѣлима, народима, и людма овдашньима праву истину искуси,

забележи, и у отечество ради яснога и истинитога понятія и вечитога спомена однесе. И тако ево има већ неколико година', како є та срећа на мене пала, те я идемъ одъ землѣ до землѣ, све што є знатно и славно бележећи, и у мое отечество носећи. Него ми кажи ты младый човече, ко си ты и одъ кога народа и племена, и незнашь ли ми што знатно и велико казати?“ На кое му я одговоримъ: Да самь Србинъ и Србскога рода, кои є юначствомъ и отважностю знатанъ, и садъ већ и кньижествомъ напреданъ. И ту му по нешто о Србскомъ успѣху, како ми є на паметь у онай паръ дошло, чега се ясно садъ већ неопомынѣмъ, и преповедимъ. На кое ме онъ замоли, да му кое знатно име у Кньижеству Србскомъ кажемъ, да га спомена ради у кньигу забележи и своима земляцима понесе. Я незнамъ одкуда ми измећу други на єданпутъ дође на єзыкъ Божко Маленковићь, те нѣга изустимъ, чудећи се и садъ єднако, како ми таково име у сну на умъ пасти може, о коме на яви никада мыслio нисамь. И онъ то забележи; па ме онда запыта: „Є, кажи ми садъ, чимъ се тай Божко Маленковићь у кньижеству нарочито прославio, и шта управо важность нѣговомъ имену дає? Я се ту мало у забуни нађемъ, немогући му ясна одговора дати. И онъ настави беседу, желећи ми као изъ недоумѣнія мога помоћи: „Да ли се Богословскима наукама отликовао, показујући истине вѣре и закона, или толкујући науку велики' црквены' учителя?“ То ниє, одговоримъ. „Да ниє у лекарству особыте начине лакшега леченя опасны болестій изнашао, и Ипократу уподобio се?“ Ни то ниє, одговоримъ. „А да ниє Мудролюбі-

ємъ у дубоке тайне духа и ума човеческогъ проникнувши особыта правила природе човеческе за срећу рода свога открыо, и тако са великима Мудролюбцима Грчкима или Немачкима изравніо се?“ Ни то ніе, одговоримъ. „Да ніе са Коперникомъ и Невтономъ на небеса умомъ пеняо се, и путове сунцу и планетама прописивао?“ То ніе, одговоримъ. „Да ніе споменъ народны дѣла' художнымъ перомъ у Повѣстници сачувао?“ Ніе ни то, одговоримъ. „А да ніе правду и правицу народа и людій земляцима своима за праваць поступака' свои назначіо?“ Ни то ніе, одговоримъ. „Да ніе, испытавши силу и свойства єстества и природе тварій особыту ползу роду човеческомъ принео?“ Ни то ніе, одговоримъ. „Дакле да ніе єзыкоиспытаніемъ основе єзыка свога открыо, и тако найблагородніе чедо ума човечіегъ у своіой природной красоти роду своме показао?“ Ни то ніе, одговоримъ. „Да ніе особытымъ даромъ ума и силе воображенія одаренъ, небо са земльомъ сроћаваюћи и животомъ духа природу задунююћи, производима стихотворнима отликовао се?“ Ни то ніе, одговоримъ. „Кажи ми дакле, настави, чимъ се тай твой Божко Маленковићь у кньижеству прославіо; єръ иначе непринадлежи у мою кньигу спомениицу.“ А я тражећи и мыслећи на то замуцамъ и заћутимъ. И кадъ онъ подуго одговора недобыє, баци важанъ погледъ на мене, и осмѣнувшій се превуче черту преко записаного имена Божка Маленковића, и пресече сметню мою овыма речма: „Мой сынко! Тако смо се мы неколико векова варали. Празанъ є гласъ безъ высока ума, сяйны' производа' и велики' дѣла'. Пустословіе остає пустословіе, и хвала є

таква само една человеческа суета, коя изчезава, као дымъ и санъ. — На ове речи падне жиръ єданъ съ раста, и нашъ се младый Србинъ тргне и пробуди, размышляюћи о овомъ необычномъ и знаменитомъ сну, кои є после пріятельима своима преповедао. И кадъ измышлѣне басне могу за науку служити, зашто не бы санъ, кои се ако не чему другомъ, заиста басни и нѣной истини уподобити може.

2.

ДѢВОЙКА И СТЫДАКЪ.

Єдно ютро, као обычно, отиде Милица са своіомъ матеромъ у башчу, да обиђе цвеће свое, и заліе зелье на леяма. Кадъ є већ свршила была радъ свой, падне іой у очи малый цвѣтъ стыдакъ, кои устргне, и стане бою нѣгову сматрати, овако матери своіой говорећи: „Зашто люди овай цвѣтакъ стыдкомъ зову, кадъ є савъ тако бео, да се єдва у среди мало црвени види? Небы ли приличніе было, да се безстыдкомъ назива, кадъ самъ я свагда слушала, да є онде стыдъ, гди црвень белоћу лица преузме, а гди стыда нема, онде ни образа нема, єръ за таковога кажу, да є образъ подъ ноге баціо? —

Ты право имашь, кћери моя, одговори мати. Доиста само жаркость и црвень приличи стыду и стыдльиве душе лицу. И тако бы и требало, да се и стыдакъ, отликуюћи се именомъ, црвеню као боіомъ стыда украшава, или кадъ то ниє, да се баръ тако неназива. Но я самъ слу-

шала одъ мое бабе, кадъ самь твои' година' была, да овай цвѣтъ у старо време ние такавъ быо, као садъ. На нѣму є слабо што белоће видити было, него се савъ скоро црвеню обливао; зато су га и назвали стыдкомъ. И то се одъ овогъ времена води, докъ є іоштъ стыда на свѣту было. Но како стыда изъ свѣта нестаяти поче, таки и она црвень стыдка стаде изчезавати, и цвѣтъ бледити, тако, да се садъ већ єдва мало румени на нѣму, као стыда на свѣту, видити може. Али ако Богъ да, веляше она, те наше кћери подране у срдцу и души стыдъ, овай прекрасный златнога вѣка цвѣтъ, кои є као истинный вѣстникъ небеснога плода невиности, безазлености, чистоте срца и доброте нарави, онда се надати можемо, да ће мало по мало бледость она изчезавати и зрачна црвень опетъ стыдакъ преузети и украсити.

Ево видишь, кћери моя, настави мати, колико и само бездушно цвеће одъ покварене природе човечіе трпити мора, да се и саме природне свое сяйне боє лишава. А да како немора цвѣтъ безстыдне єдне душе кодъ вышнѣга благога Творца, кои све зна и види, мрачанъ изгледати?.. На то Милица оборивши очи своє доле, сва порумени према тихомъ сунцу ютренѣмъ, коега зраке одбивши се одъ нѣнога красотомъ стыда зажаренога лица падну на стыдакъ, и найлепшомъ га свѣтломъ руменю обасяю и украсе.

Погледай садъ твой стыдакъ, продужи мати, па ћешь и сама видити, колику силу стыдъ у срдцу подранѣнъ има, и како онъ младо лице украшава, како ли се миловидно са сунчаним' зрацима меша, и саму бледость неодушевлѣнога цвѣтка у руменозрачный видъ преображава! . . . На

кое іошть силніи жаръ преузме красно Миличино лице, и малый цвѣтакъ у руци нѣной по другій путъ сине ономъ руменю, коіомъ се нигда руменіо ніе, и коіомъ ће се онда непрестано украшавати, кадъ у невинним' грдцама милы' наши' кћерій стыдъ, овай миловидный небеснога дара цвѣтъ, у своіой нѣжной красоти узрасте, и преоблада.

М. Светићь.

3.

ПЕТКО ЛИРИЋЪ.

Онъ є быо нашъ стіхотворацъ и — отъ неволѣ писаръ кодъ єдногъ „Правдослова.“ Желянъ, да се и нѣгово име, као списателя, часъ пре прослави, а мож'да и да узъ то іошъ и до мало ситна трошка дође, узме онъ єдномъ, іошъ у врло младо своє време, єдну Оду „на тезоименитый данъ“ некаквога „высоко и благороднога Господина, великогъ у роду Патрона и Мецената“ саставляти. Свакій є првый посао тежакъ; и Лирићъ є дакле морао млого главу разбіяти, докъ є ону свою прву Оду начиніо, „тимъ выше“, као што самъ казываше, „што є отвећъ тежко было, отъ онакогъ господина, кои готово ничимъ ніе болый быо, отъ обычны наши племића „„великогъ““ Патрона и Мецена изтерати.“ Но стална є ревность и выше што вредна начинити, а камо л' само єдну Оду; ньомъ є

најпосле и Петко свој књижеванъ првенацъ „благополучно“ довршіо. Никакавъ отацъ ніе онако задоволянъ и весео прво своє чедо, кадъ му се родило, дочекао и угледао, као што є онъ оне прве нѣгове стіхове, кадъ су му ій изъ печатнѣ, на лепомъ папіру лепо сложене, донели. Сузе обылне радости текле су му низъ образе, кадъ є првый путъ своє име, као „ауктора“, напечатано видіо, и — неколико дуката, као „великодушну“ награду за оноликій нѣговъ трудъ и зной, добыо. Отъ онда му дыванъ изгледъ „у милине безсмртне славе и отличне заслуге“ не даде выше, да се съ тогъ „светлогъ пута“ сврати. Онъ є свакій другій редъ посла и заслуге презрео и оставіо, па се сасвимъ, особыто у почетку, „ревностнымъ стіхотворцемъ“ и „сочинителѣмъ“ свакояки карміна и други таковы стварій начиніо, у коима се обычно „славнымъ и великимъ“ или „богатымъ“ людма знатни догађаи, као на примеръ „имена данъ“, честита и узгредъ іошъ и оно жели, што готово нимало не маю, а што бы имъ свакояко валяло имати.

Све, што є ново, осимъ новога віна и нове холере, има силу любителя и пріятеля. Па тако су млоги и Лирићеву „Музу“ съ почетка и докъ є іошъ нова была, пазили и плаћали. „Великимъ людма“, особыто оныма, кои се не уму сами разгласити и прославити, свакій путъ є мило, кадъ виде, да имъ Музе у Одама и другимъ такимъ безпослицама „венце славе“ плету. Нашъ є дакле Петко за неколико првы годиница често узъ свою лиру певао, и доиста прилично весео и задоволянъ певао. Но несрећомъ мало є, што на свету задуго трає, а особыто оно на врло слабымъ стубовима стои, што се на лакомъ

песку, или на іошъ лакшимъ речма зида и ствара. Лирићъ є дворацъ среће свога живота на цветномъ полю лепе Музе био основао; али є, на жалость, све оно нѣно полѣ само одъ речій, сладки истина и лепы, али опетъ свакояки лаки речій, сложено и саставлѣно. Онъ є, сирома, по томе скоро морао осетити, како се нагло онай нѣговъ дворацъ лепоте и радости квари и руши, па іошъ тимъ выше, што му є вечъ и судбина была пошла, да му штету чини, и да га брже болѣ у какву ядну колебу неволѣ стера.

Приликомъ некаквогъ торжества врло є разговетно казао Петко у своіой дугой Оди єдномъ своимъ Патрону, да є онъ: „Великій мужъ;“ првый Меценъ;“ крепакъ стубъ закона и народности“, и „милостивѣйшій благодѣтель.“ Лепе, красне тітуле! И доиста су се оне и нѣговомъ Патрону тако быле допале, да му є онъ на ньима онай часъ „признателно“ благодаріо; тимъ радіє, што нашъ Петко садъ вечъ ни отъ кога выше ніє млого ни захтевао ни очекивао. Но да ви'шъ срца и яда, кадъ му Патронъ после неколико дана „съ негодованіемъ“ дознаде, да светъ о нѣму сасвимъ другоячіе мысли, него што є онъ изъ сличне Оде нѣговогъ „съ страхопочитаніемъ“ подписаногъ „понизнѣйшегъ“ певца „пунъ радости и задовольства“ было разабрао! Єданъ отъ нѣговы ласкателны гласоноша, кои му є кадшто, а особыто онда истину казывао, кадъ є когъ у нѣга опасти ктео, улучи згодну прилику, па му овако поѣе говорити: „Мени є жао, милостивый господине, што вамъ све по реду, као што є было, морамъ казати; али вы вечъ знате, да мени ваша честь и ваше славно име тако на срцу лежи, да я никадъ веће жалости

не осећамъ, него кадъ чуемъ, да ко за вама неповольно говори. За чудо вамъ данасъ млого невалялы и безобразны людій има; али я опетъ мыслимъ, да намъ є овомъ приликомъ само єданъ Петко Лирићъ крывъ: онъ є све мого другоячіе казати; мало „высоко и дубоко“, да свакій одма не разуме, што чита. Но што се єдномъ учинило, оно се выше повратити не може; я ћу вамъ само приповедити, шта су се Славко и Ранко о вама разговарали, кадъ су ону последню Петкову Оду на васъ читали; вы добро познаєте оне безобразнике, кои мысле, да су они свакояко больи и паметніи, него мы остали, кои умемо, учтиви быти и честь таковы велики и славны людій, као што сте вы, господине, чувати и штедити. Ово су дакле быле ньине речи; али я васъ опетъ молимъ, да ми опростите, што ћу вамъ искрено голу истину казивати. —

Славко. Знашъ ли ты, Ранко друже, шта є она будала, Лирићъ, мысліо, кадъ є овде написао, да є нћговъ Патронъ „великій мужъ“? —

Ранко. У насъ, гди самъ се я родіо, мужъ друго ништа не значи, него „супругъ“ или човекъ венчанъ єдне жене. Но Петко, као поета и ученъ човекъ, мого є и друго што у томъ мыслити; али я, съ моє стране, опетъ бы реко, да се нћгова Муза само ту око нашега правога мужа задржавала: єръ ко, до Бога милога, іошъ међу нама зна, да є нћговъ Патронъ икада іошъ што друго быо, него човекъ своє жене, или да є онъ кадгодъ онаково што учиніо, чимъ бы име „мужа“ и одъ друге струке мого заслужити? Међутимъ я ты и о „мужу“ поуздано мо-

гу казати, да є и нѣгова „жена“ слабо кадъ имала прилику искусити, да є онъ баремъ за ню „великій мужъ.“ Но ты си, брате Славко, млого вештіи, него я; ты ћешъ мени, а и свакомъ другомъ, болѣ умети казати, шта ће у овой Оди рећи: „првый Меценъ“ и „крепакъ стубъ закона и народности?“ —

Славко. Безъ сумнѣ є и Петко Лиријећъ оне истините догађае, кои су и нама познати, чуо, да є нѣговъ „великодушный“ Г. Патронъ дао єдномъ ђаку, кои є свагда првый у своіой класси бывао, петъ, или десетъ, садъ управо не знамъ, ал' све ми се чини, петъ форинты на поклонъ, што се свагда лепо учіо и добро владао; после да є онъ нѣкомъ другомъ ученику милостиво био обреко, да ће кодъ „благочестивогъ“ общества учинити, да му се съ временомъ мѣстный стіпендіумъ да, а найпосле, да є іошъ и „торжествено“ у некаквомъ дружству свою господску речь дао, да ће тестаментално „после своє смрти“ и „Србской Матици“ єдну знатну сумму новаца оставити; па, ето, по томе га є онъ „првымъ Меценомъ“ начиніо. —

Ранко. Лепо; кадъ су у насъ такви „први Мецени;“ а да какви мораю они одъ другога или крайнога реда быти! —

Славко. А што се тиче онога: „крепакъ стубъ закона и народности“, о томъ ти то могу казати, да є онай Лиријевъ Патронъ правый племићъ данашньи лаки времена, па дакле да онъ ни о чемъ ніє манѣ у животу своме главу разбіяо, него о томъ, да дозна, какавъ є управо старый Законъ нѣговы юначки и честиты праотаца, и шта у нѣму добро и полезно, или свето, има? А колико онъ и за

„народность“ мари, то се и отудъ види, што онъ болѣ зна Маджарски говорити и читати, него Србски, и што се обычно само међу Србима Србиномъ каже, а иначе є свуда: „Маджаръ грчкога закона“. Деца ће му млого манѣ, нег' и онъ, знати, какво су управо и она чудо на овомъ свету; єръ є съ ньима већъ дотле дотерао, да му она ни речице Србске не уму изговорити.

Ранко. Какавъ є онъ „милостивѣйшій благодѣтель“, ніє нуждно, да ми ты кажешъ. Сви нѣгови, гнѣтани и мучени млаѣи и поданици свѣдоче, да му є Петко ту тітулу само зато дао, небы л' се єданпутъ баремъ према нѣму єдномъ „милостивъ и жалостивъ“ показао.

Ето, та є красна історіа найпре и найвыше учинила, те се лаганый дворъ Лиријеве среће тако наєданпутъ залюляо, да се одъ она' доба већъ никако выше ніє могло мыслити о дугомъ траяню нѣгове целости. Онай є нѣговъ Патронъ, у зао часъ, доста великій и врло богатъ господинъ быо; зато су у Смешнићима млоги, а особыто отъ углаѣенога реда, люди обычно све опо чинили, што су виѣали, да онъ найпре чини. Онъ се єданпутъ тврдо быо увериo, да є нѣга, Петко Лирићъ тимъ зло увредіо, што є своіомъ несрећномъ Одомъ злобномъ свету повода дао, да о нѣму, онакомъ господину, коєшта мудрує и філософіра. Зато га є онъ отъ садъ не само као єдногъ гладника и ученогъ просяка презырао, него га є іошъ и као каквогъ безобразногъ човека, кои свакій часъ поштенымъ и одабранымъ людма досаѣує, свойски и гоніо. За ньимъ є цела поворка нѣговы ласкателя и обвезаны шупляка одма то исто чинила; а и осталый є светъ у нашимъ Смешнићима скоро

врло лепо мого доказати, да є Петко Лирићъ права будала, коя не зна, шта ради, и сметенякъ, кои ништа паметно и честито не уме написати и саставити. Све коєшта; само да што изпроси. Али се, Богъ ме, нѣгове Оде и Гратулаціе не могу выше трпити, а іошъ млого манѣ плаћати. „Сирома човекъ! тако ће опъ свакояко морати пропасти, а найпосле можда и одъ глади умрети! Што му драго; а онъ нек' остави перо, па нека што друго ради, чимъ ће моћи болѣ и паметніе кору леба заслужити.“ Тако є єданпутъ у поноћи духъ наше обштине надъ Смешнићима говоріо; али Петко, сирома Петко Лирићъ, кога су се оне жалостне речи найвыше тицале, онъ га єданъ ніе выше мого чути! Онъ се ону ноћь, іошъ съ вечера, и жеданъ и гладанъ, преставіо.

4.

ПАЛИСЛАВЪ СТАРОВОЉА.

Найвећій и найчудніи нашъ Славено-Сербинъ.“ Нѣгова дружина, коя є іошъ яко мыслила, да є старый Славенскій єзыкъ“, нашъ правый „кньижеванъ єзыкъ“, или нашъ „Хохсербишъ“, у томе є іошъ коєкако милостива была, што є баремъ съ нама „простацима“ прилично добро „Србски“ говорила, и што є трпила, да имъ се у кући, међ' млађима, рођеный србскій разговоръ води. Али онъ є, особыто у почетку, тако „ревностанъ и великій Старославя-

нинъ“ было, да є зактевао и терао, да му и сирота жена съ неякомъ децомъ мора у дому „славянски“ знати и говорити. Не нашавши га єдномъ кодъ куће, назове єданъ младый странъ господинъ жени му: Бомоз' Богъ! и запыта є, наравно просто пучки, гди бы іой „господина“ мого наћи? а она му одма славенски одговори: „Службеница, господинъ мой; азъ радуюся зѣло вашему пришествію. Обаче мой супругъ єсть сей часъ тамъ во вертѣ.“ У оно време онъ ніє ни за какву другу радость на овомъ свету знао, до оне єдне, кою є осећао, кадъ є што „на славянскомъ языку“ читао, или кадъ є мого чути, да се кои Србинъ „Славянства“ држи; нити му є икадъ већа жалость ядно срдце цепала, него кадъ му є какавъ „простъ“ или „неотесанъ“ Србинъ съ опакомъ ревносћу и любови за рођено и свойско „Србство“, или съ каквомъ „безполезномъ“ србскомъ кньигомъ на очи излазіо. Тако є онъ онда за нѣгово „Славянство“ дуго време и живіо и мрео. Но видивши найпосле, да све залуду „тріумфъ Славянства“ у нашемъ, особыто новіемъ, кньижеству очекує, и да нашъ драгій и милый Србскій єзыкъ, како кою годину, а оно све выше и выше свою преполезну силу и владу у нѣму разпространява, толико се єдномъ было налютіо и озловольіо, да се одма живо, али и немилице, заклео, свакояко учинити, што ће и Србскомъ єзыку и душевномъ напредку свега нашегъ народа найвећу штету моћи нанети. У ярости є човекъ на зло нагао. Староволя дакле у кратко време скупи свою красну дружину, па іой одма овако, отъ прилике, почне говорити:

„Драга моя дружино! Мы смо, као што

вамъ є познато, већъ одавно по зреломъ нашемъ испыту нашли, да є старый Славенскій єзыкъ онай готовъ и урађенъ єзыкъ, кои є на свакій начинъ найзгодніи и найудесніи за књижество саданѣгъ нашегъ Србскогъ народа, па смо се по томе сви братски и сложили были, да само тимъ старымъ и славнымъ єзыкомъ пишемо и радимо за наше Србље. Трудъ є нашъ и зной познатъ, и доиста смо мы у нашемъ великомъ послу већъ єдномъ дотле были дошли, да смо доста поуздано могли помыслити, да ћемо найпосле съ нашимъ Славенскимъ єзыкомъ доиста на яку даску стати. У школама по народу славенскій є Букварь становань; већа и боля часть Списателя књиге є славенске издавала, и млоги свештеникъ читао є предъ своимъ овцама слова „славенски.“ То видећи сви смо се мы већъ лепо радовали и веселили, и мыслили смо, да є храмъ нашега драгогъ ідола већъ готово сасвимъ довршенъ. Но уви жалости! уви опаки времена!! „Деца се изродише, гора отъ свои отцева, да имъ іошъ гору унучадь на светъ поставе!“ У новія времена нови се люди появыше, да у народу новость уведу, а нашу древность изкорене. Они, они нови люди, живо су и ревностно непостояной светини показали и доказали, да є старый Славенскій єзыкъ истина и лепъ и изображенъ, али поредъ тогъ да є онъ данасъ сасвимъ мртавъ и іошъ само за єдну свету науку Закона добаръ и полезанъ; после, да є и нашъ народный Србскій єзыкъ не само векомъ такође честанъ, него іошъ и врло лепъ и сладакъ и живъ, и за изображенѣ народа єдиственo добаръ и полезанъ, а найпосле, да само они искрено и

родолюбно мысле и желе, да се и нашъ народъ, као што и оће и може, свойски изобрази и просвети, улюди и облагороди, кои живый Србскій рзыкъ выше свега на свету любе и ньимъ самимъ науке ума и срдца и свега осталогъ живота предаю и по Србскомъ свету разпространяваю; а сви други, кои Србство у єзыку презиру и гоне, и у томъ само мртво Славенско наречѣ за наше народно кньижество препоручую, бране и уводе, сви су они люди, кои нимало не знаю, што мысле и што чине. Та ньина отровна наука, кою су они наши црни непріятельи, и устмено и писмено, у различнымъ ньинымъ кньигама, свакояко препоручивали и предавали, тако є већь у целомъ народу любовь къ Србскомъ єзыку побудила и ужегла, да онъ садъ выше нинайманѣ не мари, да іошъ види ил' къ срдцу прійми, што му изванъ дома Божѣгъ на Славенскомъ єзыку на очи излази. Мы смо дакле съ седла дигнути, и выше се овако држати не можемо. Но, браћо и дружино! кадъ већъ єданпутъ ништа выше не'ма, нити што выше може быти отъ нашегъ Славенскогъ єзыка у кньижеству Србскомъ; а оно дай, да се мы потрудимо и постарамо, како ћемо учинити, да се не може ни воля наши непріятеля навршити, да се ни правый, чистый и живый Србскій єзыкъ за кньижеванъ єзыкъ не прійми и не уобычаи. Ако є игди іошъ, овде є доиста света освета!“ Кадъ Славенскогъ не'ма, нек' не буде ни Србскога єзыка у нашемъ кньижеству! Запыта'ћете, на кои бы се начинъ могло то учинити? Я самь га, мила дружино, већъ пронашо, и мыслимъ, да ће се онъ свима вама морати допасти. Само бы желіо, да га сложки

одобрите и пріймите, и да се у напредакъ само по нѣму, као списатељи, владате и свету указуете; тріумфъ нашъ после небы никако изостао! Чуйте дакле!! Славенскій се єзыкъ у насъ, надамъ се, изъ преважногъ и доброгъ узрока іошъ задуго, можда нигда, неће укинути: нѣга ће дакле и отъ садъ, као и до садъ, сви књижевни люди, манѣ или выше, учити и знати; Србскій є єзыкъ понайвыше іошъ само у народу, и у различна наречя разделѣнъ: нѣга дакле учени люди іошъ нису добро и основно испытали, научили и на высину књижевногъ єзыка дигли; зато ће и у напредакъ, баремъ іошъ за неколико година, врло мало люди у насъ быти, кои ће правымъ путемъ умети нѣи, кои ће знати и моћи, старый оковъ сбацити и не само право, но и лепо и удесно србски за Србљѣ писати. Зато дакле време мы треба да се пожуримо и потрудимо, да начинимо єданъ трећій єзыкъ за књижество, коимъ ће се вкусъ за Славенскій іошъ одржавати, Србскій кварити и отбіяти, у књижеству сметня производити и разроявати, и нашимъ непріятелыима, любителыима и бранителыима Србства, пакость и досада чинити. Тай трећій єзыкъ нек' буде Славено-Србскій єзыкъ, то єсть, такавъ єзыкъ, кои ће, безъ свакогъ правила, реда и духа сложенъ и саставлѣнъ быти отъ старога Славенскогъ єзыка и отъ Србскогъ, како ко оће, по єдной, или по свима разликама у нѣговомъ изговору и образу; по томе єзыкъ, каквогъ нигди на свету нема и каквогъ нигди неће моћи ни быти, докъ годъ у народима здравъ разумъ узцаруе!“

„Ето то є онай мой начинъ, о комъ самъ вамъ отоичъ спомена учиніо! Я се надамъ, да сте ме вы сви, добра моя браћо, како валя разумели, и да сте по свему, што самъ вамъ говоріо, већъ и наумили, свойски ме и послушати. На посао дакле, и освета нек' намъ свуда на застави свои!“ —

То є было страшно Старовольино слово, кое є верна нѣгова дружина одма, као што є желіо, и ослушала и послушала. Но ако се Палиславъ Староволя ньимъ „Чарнибогомъ“ или „Непогодомъ“ у нашемъ кньижеству начиніо, то се и въ оне нѣгове дружине и Вуіо Миловановъ одъ Равнобратића као првый зао Демонъ међу нашимъ списательима появіо. Вуіо є онай нашъ кньижевникъ, кои є найболѣ умео показати, како се славеносербски пише, и на кои се начинъ, прекимъ путемъ зло и руга и нашемъ миломъ народномъ єзику чини. Нѣгове су кньиге нашу младежь отровале, и научиле, да кньиге пише безъ сваке умне преправности и готово безъ свакогъ основногъ знаня у стилу и єзику. Ньимъ є попайвыше у насъ кньижество постало, кое є тимъ горе и сиромашніе, што се выше славеносербски кньига у нѣму брои; єръ єзыкъ, кои се у ньима налази, тако є опакъ, да се никако не може разумети и знати, каквогъ є онъ народа єзыкъ, и какво се ньимъ добро за нашу културу учинити може. Онъ є главанъ образацъ и поводъ дао, да нашъ кньижеванъ єзыкъ сву свою народность изгуби, и онай типъ узме, кои му є найнеприличніи и найнеприроднїи. — Некадъ є Немачкій єзыкъ имао типъ и образъ Француского єзыка; нашъ — не Србскій,

но — Славено-сербскій єзыкъ садъ є изгледомъ и кроємъ правый Немачкій. Клопштокъ є првый Спаситель народногъ Немачкогъ єзыка быо, а ко ће нашъ Клопшкокъ быти?! Старовольина се грешна изла намера средствомъ Вуя Милованова и нѣгове уде дружине подпуно навршила! Старовоља є одъ радости умр'о, кадъ є видіо, колика се штета и несрећа нашемъ миломъ народномъ єзыку за кратко време учинила!

Изъ имена: „славено-сербскій єзыкъ“, родило се и ново за Срблѣ име: „Славено-Сербскій народъ.“ Чудне излишности! „Славено-Сербскій народъ зато валя казати, да се одма разуме, да су Србльи єдно племе големе Славенске фамиліс; єдна грана на великомъ Славенскомъ стаблу; роћена браћа осталы Славена!“ Али има ли гди на свету іошъ Срба, кои нису Слави него Немци, или Енглези, или Калмуци, или Мароканци? Србъ, Србинъ, Србльинъ, како се тако зовне и каже, већъ є Славенинъ, и нико другій. Руссъ, Чехъ, Лехъ, само се тако просто зове и пише, па по томе само већъ свакій зна, да є и єданъ и другій и трећій Славъ. Само мы єдни оћемо, да смо найпаметніи! Само мы єдни оћемо, да чинимо, што є онай Апеллесовъ живописацъ учиніо; но изподъ лепо и добро ураћеногъ єлена ніе нуждно написати: „то є єленъ!“ Будимо мы само добри и врстни Срби, па ће и савъ светъ знати, да смо и мы Славени, да смо Славено-Срби!

Єданъ се отпре явно лютіо, што смо се мы и Иллири прозвали! Да, мы смо толико Иллири, колико и Србльи! Име: Илиръ є слав-

но, и заиста свакояко наше! Мы ћемо, и при томе, остати и звати се Србльи, па іошъ садъ и отъ садъ млого живлѣ и радіє, него икада до яко; єръ мы садъ выше узрока имамо, Србскимъ се именомъ поносити и дичити, него што смо ій икадъ за неколико последньи векова имали. Али и име Илиръ є нама на свакій начинъ драго и важно име. Та ако ни зашто друго, ако не и за любовь оне наше миле браће, коя се онако радо Іллирима съ нама заєдно зову, — а оно баремъ зато валя да држимо и да бранимо то име, што є сва слобода, како црквена тако и земальска, Србскогъ народа съ именомъ: Илиръ, по свима нѣговымъ прівілегіама, овде, у овомъ славномъ Австрійскомъ царству, неразлучно свезана и скопчана.

5.

РАДИСАВЪ СЛАВКОВЪ.

Трговацъ, членъ благочестивогъ общества и „любитель кньижества.“ Нѣгово любительство кньижества тимъ се найвыше указывало, што се онъ готово на сваку нашу кньигу пренумерирао — не управо да є чита, но само да види, како лепо и нѣгово име, као „любителя кньижества“ међ' пренумерантима напечатано стои. Но ништа зато, што є онъ редко кадъ, выше што у нѣговымъ кньигама читао, осимъ имена пренумеранта, коя су се предъ нѣговымъ и за нѣговымъ и-

меномъ налазила; онъ є зато опетъ врло жестоко знао и мого, о нашемъ кньижеству, а особыто о ономъ, што є у нѣму найважніє, умствовати и мудровати. О кньижеству „вообще“ онъ є „родолюбиво“ желіо, да се само све пише; па было оно, како му драго, зло или добро, само да се може рећи, да и „мы, ябуке, пливамо“, или да и мы млоге кньиге имамо. А о важности у нѣму нѣгове су мысли заиста єдинствене быле. „Важно є“, говораше, „кодъ мене оно у нашемъ кньижеству, прво, што се мени найвыше допада; друго на што я найвыше мрзимъ.“ Но за ово двадесетъ и мало выше година нико живый ніе мого чути и разабрати, да се нѣму икадъ друго што допало, осимъ єдногъ ъ (дебелогъ ера), нити да є онъ на што друго іошъ мрзіо, окромъ на сирото и злоудо j (іота). Писме ъ є, по нѣговой памети, быо главанъ стубъ свега нашегъ благочестія и слеме целе наше народности; а j нечастивогъ српъ, коимъ су зли люди у роду наумили были, све до корена изсећи и упропастити, што є нама до садъ, по примеру наши старіи, мило и драго было. Те дакле две особыте важности у нашемъ кньижеству свакій су путъ быле найвећій предметъ нѣговогъ родолюбивогъ срца и разума, и доиста се онъ о ньима тако ревностно умео разговарати и препирати, да є свакій лако мого и видити и разумети, да є и онъ безъ сваке шале єданъ отъ наши редки любителя народногъ кньижества.

Др. І. Стеић.

6.

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ, ВЫСОКОДОСТОЙНѢЙШІЙ И ВЫСОКОИСКУСНѢЙШІЙ ГОСПОДИНЕ ЕПИСКОПЕ,

Господине милостивый!

Єже ли кто, братіє, нечистъ здѣ между нами, вонъ єго изведите! Часъ сей святъ намъ!

Ваше Преосвященство намъ сіяетъ яко заря, яко солнце, яко весна весела и плѣняюща. Мы благополучни паче всѣхъ прочіихъ Сербовъ! всякъ предѣлъ, идѣже Сербство обитаетъ, со жаркостію желаетъ Васъ; и мы сподобилися преимущества, отъ Васъ пріимити Перво-Пастырскую пищу духовную, всѣмъ же иностраннымъ драгимъ Сербомъ сказати: Божественный Мушицкій вашъ єсть, обаче вящше нашъ єсть. Качества, имиже Вы себе, Преосвященнѣйшій Владыко, снабдѣли, безсмертными дары толь богатѣютъ, яко да весма достаточна суть, єже мощи служити за украшеніє, и умножити честь и славу самому первѣйшему престолу Патріаршескому. Вы съ дивною тонкостію вся вещи проницаете, безсравненія болше неже иногда прилѣжнѣйшій вещеиспытатель Публіусъ Нігідіусъ. Вы селячествуете, яко же Ѳеокрітъ образецъ Віргіліа. Вы гордо летящему Піндару соревнуете безбѣднымъ вознесеніемъ въ горнихъ облаковъ предѣлы. Вамъ любимъ и побѣжденъ єсть Флаккъ многочисленный, углажденный, прелестный, пресладкій. Васъ обожаютъ любителіє Славенства, и явно у Васъ просятъ удовлетворящія и глубокія ѳеоріи языка Славенскаго;

сирѣчь таковыя ѳеоріи, яковую Вы предавали во время Вашего Професссрства въ Карловцѣ Сремстѣмъ, и яковую Нѣмцемъ написали Майнеръ и Аделунгъ, которіи не были перво-и самодѣлатели. Вы присвоили пространство вѣжествъ и познаній Теренціа Варрона, єму же во всей Греціи, и во всемъ Римѣ равна въ книжномъ ученіи древность не имѣетъ. Вы во Іерархіи Сербской такъ первый, яко да втораго лишается. Что же реку о вашей любви къ роду, о вашемъ жертвованіи и забвеніи Вашея собственыя корысти за любовь рода, о вашей ревности въ православія благочестіи? Нѣжнѣйшая мати менше любитъ чада своя, нежели Вы любите Вашъ сербскій родъ. Ваша любовь сія крѣпша любве къ жизни вѣка сего, и силна яко смерть есть. Ваша ревность горитъ яко пламенный огнь, и попаляетъ вся препятствія на пути водящемъ къ мѣтѣ спасенія рода. Вашихъ дѣлъ общеполезность, ваше кроткое снисхожденіе, вашея ревности растворенія и благодать не дозволяютъ мнѣ, яко же хотѣлъ есмь, уподобити васъ славному Иліи пророку- Чесо ради аще мнѣ возбраняете рещи яко Вы Геніи сербскій есте, не вѣмъ, како Васъ назову, поне сіе невозбранится мнѣ, зане знаємая истина есть, въ слышаніе всѣмъ возгласити, яко токмо Вы Генію подобно трудилися за родъ, во время плача и рыданія, єгда о єго преливаніи потомцы Рима силнѣе начели совѣщатися. Ха! нуждею ли мы въ чуждь родъ преліемся? Погибнетъ ли сербская церковь, сербскій языкъ, сербское имя? Вы Преосвященнѣйшій Благодѣю, множайше, и аки паче силъ человѣческихъ доселѣ старалися о томъ, да не погиб-

нутъ, да существуютъ, да процвѣтутъ и успѣваютъ во вѣки. Вы по чину Генія, вопросили родъ:

Босанацъ добрый зна л' за Сремица, зна ли
Тай за Черногорца тал'?
Прадѣда стара вѣра тверда л' свуда?
Є л' илъ єзыкъ сладакъ, чистъ?

Вы додали причину вашего вопроса, и попеченія:

У туѣъ мы Народъ да с' не прелiемо!

Вы обнародили способъ, имже спастися можно:

Пенати, Лари, сваколъ Роду мили;
Радо лiю за ньи кровь.
Быт' жиеъмъ сало, а изгубит' оно,
За што живишъ, срамно естъ.

Ваша любовь все тое повторила, и явнѣе изяснила:

— — — — кои оставля
Самъ себе, туѣе данасъ нiе
Помоћи достоянъ. Много може
Родъ храбрый, зашт' му с' чини да може онъ.
Познайте найпре Сербљинолъ Сербљинъ чилъ
Є, пакъ своль снаголъ духа, серца,
Слож'те с', да Светыню обдержите.
Чрезъ мене знате! Та валъ є прадѣдній
Єзыкъ и вѣра; свети и граѣански
Оцева стари обычаи.
Стара безъ основа зла є новость.

Єгда Вы по сихъ трудѣхъ о рода просвѣщенiи и охрабренiи, о удержанiи его отъ всеконечнаго паденія и сохраненiи бытія его, сѣмо къ намъ въ полузапустѣвшыя страны поспѣшити и пріити не отреклися, вси мы судили, яко вы утрудилися до зѣла, и яко покоя требуете.

Обаче съ удивленіемъ, съ радостію и съ величайшимъ удовольствіемъ вскорѣ узрѣли мы, яко вы еще и не согрѣялися были въ преждемъ употребленіи силъ вашихъ. По томъ о горести! страхъ и трепетъ завладѣли сердцы вашихъ послѣдователей; ибо вы много противу царствующыхъ инородныхъ введеній, премного безъ готовыхъ средствъ дѣлали, и когда вы дѣлали и все ваше вниманіе употребили въ дѣлѣ, тогда самолюбцы уловити васъ, вся дѣланія ваша и васъ уничтожити, себѣ же мнимую честь и корысть такъ заслужити беззаконно умыслили. Вѣмъ человѣка, иже толико боялся вамъ, яко да изъ Срема васъ писменно опомянути хотѣлъ, и нѣкоего учителя всякимъ образомъ просилъ есть, да онъ пришедъ въ Новый-Садъ первою поштою васъ опомянетъ, вниманіе и опаство противу врагомъ обратити. Но васъ незнали мы. Се родопродателіе, и созаклятія ихъ и лесть, и худость, и слѣпая суета, и неситое корыстолюбіе въ срамотѣ, въ прасѣ, въ попранін лежатъ! О дывныя промѣни! о радостнаго успѣха! Еже въ половинѣ столѣтствія Епіскопи не начали, ниже мыслили начати, тое Преосвященный Алкідъ нашъ чрезъ краткое время своея Адміністраціи съ побѣдою надъ скудостію, надъ противностію положенія и надъ враги домашними въ совершенство торжественнѣ привелъ! Невидимо здѣ присущая тихая сѣнь Даніила Якшиѣа, Епіскопа иногда Плащанскаго, вѣщаетъ Вашему Преосвященству сицевая: Чадо, брате, сподвижниче, наслѣдниче мой превосходный! Преосвященный, премудрый ирою Мушицкій! Ты много доселѣ въ родѣ трудился, и немалъ успѣлъ еси. Ты всему роду пѣлъ истину предо

Царемъ, и не убоялся, ниже устыдился, ниже смутился єси. Тебе внутреннее Твоє высокоблагородіє услаждаєтъ, ублажаєтъ, награждаєтъ. Тебѣ Господъ Саваоѳъ мзду готовитъ. Виждь како ліютъ слези, слези радости чувствителнѣйшія. Прослезися сомною! Сладко єсть плакати по злощастія измѣненіи во благополучіє. Но єще великъ Брате, подвигъ Тебѣ предстоитъ. Помни, яко Махіавелизмъ присно имѣти будетъ поборники, и начала єго въ мірѣ неоскудѣютъ никогдаже. Бренная съ духовными, земная съ небесными, силы и вожделѣнія со правдою и праведными въ борбѣ пребудутъ во вѣки. Истину сію начертаетъ природа, вѣщаютъ ю дѣйствія и явленія силъ человѣческихъ, повѣствицею вѣрно хранимая*). Когда бы вѣдали владѣтеліе собственную свою корысть, подкрѣпляли бы паче разная вѣроисповѣданія въ пространныхъ Державахъ своихъ, ниже бы возрадовалися соєдиненіемъ ихъ. Лучше Ты брате вся сія и симъ подобная вѣси, неже ли азъ; но какъ спасешися, вѣдяй, яко искушенія и борби въ храненіи правъ и правоты неизбѣжими никогда же? Знаютъ ли, чувствуютъ ли Серби, по чему Серби суть? Аще всегда не будутъ готови умрети за вѣру свою и языкъ свой, колико успѣлъ єси? Прочеє заклиняю Тя Богомъ, въ моємъ отечествѣ, идѣже съ ревностію потрудился єси, въ моємъ отечествѣ дѣлай, и не остави є преходящія коєя корысти ради. Єже ли Тя двигнетъ отъ сюду нужда и должность, содержи сихъ въ любви отеческой; не имѣютъ бо источниковъ просвѣщенія, ниже ограды отъ

*) Овде паводи примѣре нѣке изъ свемирне Исторіе.

волковъ. Отселѣ будутъ отечественицы мои дѣло рукъ Твоихъ; не презри дѣло рукъ твоихъ. Тако да Господь нашъ Іисусъ Христосъ, человѣколюбія своєго ради распныйся волею за насъ, Тебе въ день страшный одесную зрѣти благоволитъ, и наградитъ! Аминь.

Дерзайте, братіе, и радуйтеся! Взыграйте, пойте, веселитеся: яко съ нами Богъ!

Савва Меркаль.

7.

РУЖИЧНЫЙ БОКОРЪ.

Живіо є у селу нѣкомъ старацъ єданъ, са своіомъ доста млогочисленномъ фамиліомъ, не башъ у изобилію: но опетъ у свакомъ задовольству; єръ є омлаѣина нѣгова нѣму послушна, а онъ ньой, збогъ свога благогъ, разборитогъ и паметногъ поведенія, міо и любимь быо. Савъ ужитакъ ньинъ состояо се, осимъ осталы незнатны прихода, у малой нѣкой башчицы, кою су сви служно и добровольно, мало и велико, што ій є у куѣи было, обдѣлавали. Сосѣди ньини завидили су испрва ньиномъ напредку, а после су се и дивили, да они, тако млогочислени будуѣи, могу се одъ оне башчице раанити и са нуждныма къ животу снабдѣвати, па да су при томъ іоштъ у свако доба веселога лица и срдца, и да играюѣи и пѣваюѣи на посао излазе, и вечеромъ опетъ весели са посла се свога куѣи враѣаю.

Ово є тако дуго времена траяло. Мало

и велико чудило се и завидило є њиномъ напредку кућевномъ, и млогій бы, одъ проницателніе младежи сосѣдны домова овога домаћина, у срдцу своме зажеліо, а гдикои бы и изустіо. „О! да ми є Богъ дао, да самъ макаръ найманя граница срећнога дома Божидарева, па бы се онда, чини ми се, найсрећніимъ човекомъ на свету овоме брояо.“

Божидаръ у пословима своимъ, као што га є Богъ створіо, неутрудимъ приповѣдао є више пута дѣцы и унуцыма своимъ, да бы ій на посао и радъ ободріо, — када се они око нѣга скупе, — да є онъ у младости своіой одъ стары людій чуо, гди є отацъ нѣкій на смртной своіой постельи сыновима своимъ слѣдуюће рекао, кои су око нѣга стояли, да му очи заклопе, када онъ издане: „Дѣцо моя! после толикогодишньи моій трудова и зноя нисамъ вамъ могао, самъ радећи, ништа приновити, да вамъ по смрти моіой оставимъ: но опетъ трудіо самъ се свакояко, да вамъ баремъ овай єданъ єдиный виноградъ у цѣлости остане, кои самъ я одъ отца мога, а дѣда вашегъ, наслѣдіо. Онъ ми є при смрти своіой казао, да у нѣму има закопанога блага: зато вамъ, дѣцо, препоручуємъ, да виноградъ сложно радите, па ћете несумнѣно на сокровиште то нанѣи.“ Сынови се овога покойника, поведе Божидаръ далѣ, упну своимъ снагомъ, виноградъ копати, не бы л' на речено сокровиште како наишли: но прве га године не нађоше, али су у єсень добру бербу имали. Друге године усилесе они іоштъ већма: но опетъ закопанога сокровишта не нађоше, берба пакъ была є млого боля, него прошавше године. Треће године поступе они опетъ овако, ако не живлѣ, и у єсень,

коя ій є за трудъ њинъ изобилно наградила, виде, премда закопано сокровиште и ове године не нађоше, да благо у труду и зною лежи; па су после, увѣрившисе собственнымъ о томе искуствомъ, сложно радили и до смрти своє задовольно и весело живили. Посао є и радъ зачинъ овога краткогъ на земльи живота, или као што србска пословица вели: „ко ради, Богъ не крати“. Зато валя радити, па ће свемилостивый Богъ труде наше благословити. Човекъ нерадинъ труне у себи и вене, као годъ што се и вода у бари, коя не отиче, квари и усмрди. Слѣдуйте дакле моме совѣту, па ћете свагда весели, задовольни и овога света срећни и благополучни быти.

Овако є често и овоме подобно, наводећи и выше други примѣра, Божидаръ омлађини своіой говоріо и приповѣдао, а послушной омлађини нѣговой увртесе совѣти и рѣчи нѣгове у уши и срце тако, да є она доброохотно и свойски послове своє, коє є извршивати имала, често и безъ заповѣсти нѣгове радила. —

Приликомъ єдномъ нађесе Божидаръ са млађимъ своима у башчи, и шушкао є нѣшто са њима око ружичногъ єдногъ бокора. Дѣца сосѣдны кућа, коя су бистрієгъ ума была, и што годъ чути и научити желила, гледала су крозъ плотъ, и чудила су се шта онъ, онако старъ, око руже ради, кадъ она итако никаквога плода за єло не приноси. А шта ће, рекну међу собомъ, дѣду Божидару ружа, те се око нѣ сагиба и обкопава є, када є онъ већъ старъ, а выше се съ цвећемъ и не кити?

Чувши старацъ ово, позове любопытльиву компійску дѣцу у башчу, и рекне имъ: „Чуємъ,

гди пытате, шта ће ружа мени? — Я самь, любима дѣцо моя! примѣромъ ове руже волю и жаръ къ послу у срдцама моій сынова и унука поджегао, те самь данасъ са њима срећанъ, а и сви скупа у кући задовольно живимо; єръ є Богъ послушльивость њину према мени, и насъ свію трудъ благословіо и благосиля, а благосиля ће и унапредакъ, само ако они овако добри, сложни и трудолюбиви буду, као што су дояко были. Чуємъ, гди се међу собомъ пытате: Што ће му ружа, те се око нѣ онако сагиба и обкопава є, кадъ она никаквога плода за єло не приноси, и кадъ се я, овако старъ, са њомъ већъ выше не китимъ? — Ружа, ако плода за єло не приноси: то є она опетъ цвѣтомъ своимъ и оку умилна и носу пріятна, а при томъ є и лишће цвѣта нѣнога людма у гдикоимъ стварма нуждно и полезно, када се онако уради, као што люди, кои су у томе вѣшти, знаю. Па зато бокоръ овай обкопавамъ, да неугине; но да ми опетъ, у своє по природи време, цвѣтъ донесе. Єръ єдно безъ другога тежко и мучно быва, или догодисе почесто, да башъ ништа, због несогласія содѣйствующи на єдну цѣль сила, и не быва. Обкопаванѣмъ овымъ старамъ се, да ружичномъ овомъ бокору коренъ или коя жилица за време зиме и мраза неугине; єръ и найманя жилица подъ земльомъ, као годъ и найманѣ на свакой овой шибльики око или листићъ приноси по своимъ силама понѣшто, да се бокоръ овай оддржи, и да намъ опетъ у пролеће милый, а и полезанъ цвѣтакъ донесе. Све, што на бокору овоме выше землѣ видите, и све, што є подъ земльомъ за нѣга скопчано, све то приноси по природи выше или манѣ, колико сирѣчь силе єд-

не или друге части достизаю, да се бокоръ одржи, и да живи. Тако дакле преко зиме раани коренъ, а и свака найманя жилица овай бокоръ; а када мило цѣломе єстеству пролеће сине, онда се развію изъ овы ока, посредствомъ благодѣтелне сунца топлоте, пупольцы, изъ коій се после лишће и заметцы цвѣта изроде. Лишће ово піє ютреню росу и оснажава по опредѣленію непостижиме природе свою стабльику, а тако исто купе и жиле у себе мокроту изъ землѣ, и оснажаваю све стабльике бокора, изъ коій су произишле. Зато, любима дѣчице моя, обкопавамъ ову ружицу, да ми и на пролеће цвета, и да се ньомъ увеселявамъ и ползуємъ на корысть моій домаћи и осталы моій сосѣда.“

Саслушавши ово дѣца даду старцу Божидару тврду рѣчь, да ће и она, чувши ову нѣгову приповѣдку, кодъ кућа своій онако радити, као што и омлаћина Божидарева ради, и благодарећи му пристойно на поученію нѣговомъ, разићусе своимъ кућама, а пре тога завѣресе међу собомъ тврдо, да ће се у напредакъ онако владати, као што имъ є старацъ Божидаръ у приповѣдки своіой препоручіо и казао.

Одрже дѣца рѣчь свога обећаня, и после нѣколико година доживи и старый Божидаръ, да домови нѣговы сосѣда успѣваю и напредую. Дѣца, а и сами родительи ньини посѣћавали су старога Божидара често, благодарећи му на добрымъ рѣчма нѣговымъ и на бокору ружичномъ, а старый Божидаръ пливао є до смрти своє у внутреньой срдца свога радости, што и сосѣде своє задовольне и срећне види и налази.

Вл. Стоядиновић.

II.

ПРЕВОДИ У ПРОЗИ.

1.

ПУСТЫНЬИКЪ.

(Свободно преведено са Нѣмачкогъ изъ Еберсберга.)

Скоро є већъ полноћи могло быти, када су лагано путујући кола нѣка узъ кућу єдну, усамљ-ног нѣкогъ и дубоко у горама лежећегъ сеоца, пролазила. Двоє дѣце, коя су у колима была, єдно мужскога пола, а друго дѣвойчица, скоче уплашено изъ кола, и замоле дрктућимъ гласомъ домаћина ове кућице, кои имъ є са свећомъ на сусретъ изишао, да се душе ради нещастногъ оца ньиногъ прiими, и да му, што брже може, помогне, казујући, да су iй у најближой онде шуми айдуцы напали; ньина два слуге, кои су iй бранили, живота лишили; а да су и оцу ньиномъ млоге смртоносне и люте ране задали, на коима онъ полумртавъ и у крви своiой у колы лежи. Домаћинъ позове таки своју кућевну омлаћину и заповѣди имъ, да што скорiє постелю за страннога овога, у ранама лежећегъ, човека приправе; по томе привеже му

одъ части са старымъ крпама дубоке ране, извиняваюћи се, што му пре неможе болѣ помоћи дати, докъ ютро незаплави; па ће онда, рече му, по пустыньика нѣкогъ, кои дублѣ у горама живи, и кои є у виданю рана доста вѣштъ и искусанъ, послати.

Лежао є изнемоглый на ранама отацъ на простой овой, но чистой постельи, и сматрао є жалостивымъ погледомъ дѣцу свою, коя су се около нѣга плачући савіяла, и нити су одмора нит' єла тражила, премда имъ є и єдно и друго одвећъ нуждно было, а ко овимъ ій є и домаћица любкимъ и сожалителнымъ гласомъ понуђавала.

„О, да жалостны и страшны времена, рекне домаћинъ, коя садъ настадоше! Тамо є доле на равницама ратъ и крвопролитіе; а овде у горама, коє су досадъ мирне и сигурне были, превладаше убійства и плячке.“

„Да, тако є, одговори му домаћица. — А заръ се чему другомъ и болѣмъ можемо и надати? Кад' ни у мирно доба човекъ ніе у Земльи своіой одъ айдука миранъ и сигуранъ: то има онда у ратно време непріятель лако у рукама већъ своимъ побѣду.“

„Не говори ты опетъ тако будаласто и неупутно, ступи іой мужъ у рѣчь, заръ нисмо одъ толико година дана овде у безопасности и сигурности живили?“

„За то имамо благодарити само овымъ непроходимымъ горама, и то за оно пропавше време, одговори она: али нека се сада кои одавде само помоли, па ће се таки покаяти, што є коракъ тай учиніо.“

„Ты, жено, ступи іой мужъ у рѣчь, све єдно, те єдно: чини ми се, да ћешъ опетъ на твога Боляра доћи.“

„Пакъ зашто не, заръ неймамъ право? поведе домаћица далѣ, заръ ніє онъ бio честанъ, поштенъ и паметанъ Господинъ? Я самь нѣга одъ дѣтинства мога познавала, съ ньимъ самь се играла и свагда се добро съ ньимъ слагала. Да є онъ овде, у овымъ горама, међу нама остао, заиста бы и сада іошть живіо; али отацъ є нѣговъ хтео са ньимъ што велико и высоко: а кои се на велико и высоко пенѣ, тай обычно низко и дубоко пада.“

Болестникъ є разговоръ овай внимателно слушао, и упыта напоследку изнемоглымъ гласомъ за име тога Боляра, о коме се разговараю.

„Я ћу Вамъ цѣлу исторію приповѣдити, рекне домаћица, ноћъ є и тако доста дуга, па ће намъ у разговору лакше и брже проћи.“ Примакнесе по томъ ближе къ постельи болника, и почне овако:

„Два сата одъ прилике одавде, а може бытн, да и выше има, лежи тамо (казуюћи рукомъ на ону страну) подъ планиномъ село Бѣлополѣ. Близу села тога виде се на высокой стѣни пусте и пламеномъ огореле развалине пѣкогдашнѣгъ старога замка постойбине Страшимировићеве. Я самь се у селу ономъ родила; и опоминѣмъ се іошть врло добро, као да сад' очима гледимъ, красны оны зданія и высоки кула, коє су кадгодъ величественно на сеоце то гледале, и, као да є іоче было, опоминѣмъ се, да самь морала свагда къ замку ономъ погледати, када є сунце сяйну свою главу къ мору прикланяло; єръ су се прозори нѣгови блистали и сяяли,

као жива жеравица. И онда нисамь никадъ могла ни помыслити, да ће кадгодъ пламенъ крозъ прозоре те продрети и излетити, и да ће се све у ништа преобратити.“

„Боляръ, кои є последньій замакъ овай обытавао, имао є єдногъ єдинца, именомъ Добролюба, доброгъ, и веселогъ дѣчка, коме се кадкадъ ніє свидило, да самъ у замку овоме буде; єръ браће и сестара имао ніє, па зато є често у село къ нама долазіо, да се ситъ са дѣцомъ наигра. И я самь се врло често са њиме играла, и онъ ми се тако омиліо, да самь често и онда, када у прозоре сунце ніе ударало, горе на замакъ погледала, не бы л' Добролюба видила,“

„Предцы нѣгови были су доста богати и отлични мужеви, и имали су притомъ доста велики добара тамо на равницы. Но сва та добра временомъ изгубише, и фамиліи овой ништа друго неостаде, нег' само тай єданъ замакъ, у коме є обытавала. Старый Боляръ хтео є притомъ, да сынъ нѣговъ чести, достоинства и богатства опетъ задобіе, и да знатнымъ и отличнымъ мужемъ постане; па зато га пошлѣ ускоро изъ овы усамлѣны гора у светъ. Онда самь истина горко плакала, што се выше са њимъ играти немогу; али доцніе, кадъ већъ выше нисамь на дѣтинску игру мыслила, и када самь судбину нѣгову дознала, іоштъ самь грдніе сузе за њимъ валяла.“

Метне при овымъ рѣчма кецелю на очи, да сузе сакрыє, а и болестникъ уздане горко изъ дубльине срдца.

„Я ћу садъ наставити, рекне домаћинъ, да житіе нѣгово приповѣдимъ; єрбо кадъ ты єдан-

путъ плакати почнешъ, онда незнашъ выше, шта є доста! Младый Боляръ Добролюбъ, поведе онъ рѣчь, задобые заиста велика достоинства, чести и богатства. Я самь башъ быо са домаћицомъ моіомъ наше бракосочетаніе уговоріо, када онъ наѣданпутъ у Бѣлополѣ дође, да остарѣлога оца свога пооди. Онъ є быо прекрасанъ, младъ Господичићъ, украшенъ и накићенъ орденима, и великомъ звездомъ на прсима!“

„Па и опетъ ніе быо гордъ, ни высокоуманъ! ступи му домаћица у рѣчь: Онъ ме є іоштъ добро познавао, и да ми лѣпъ даръ у оно доба, када самь се удавала. Одъ то доба нисамь га вечъ выше никадъ ни видила. — Я дођемъ са сунругомъ моимъ овамо, и слушала самь одъ други, гди ми жалостну судбу нѣгову приповѣдаю. Казываше ми люди, да га є младъ нѣкій човекъ, когъ є онъ за найболѣгъ свога пріятеля држао, и коме є неброєна добра чиніо, срамотно и чести и среће лишіо, и кодъ Краля га опао и оклеветао. Толико є у ствари овой извѣстно, да є старый Боляръ, чувши ову вѣсть, одъ туге и жалости свискао, и да су нѣки опаки люди чакъ овамо у Бѣлополѣ дошли, да бѣднога Боляра Добролюба и овде потраже, кои є морао, по свой прилики, у бѣгству спасеніе своє тражити. Но будући да га овде не нађоше: то опустоше све, што су годъ нашли, и туре угарицу и у старый овай замакъ, те га тако ватра пождере. И замакъ овай стои вечъ выше одъ петнайсть година тако, а бѣднога Добролюба одъ то доба нигди ни чути ни видити.“

„Али, судећи по правосудію Божіемъ, прихвати іой домаћинъ рѣчь, вальда ніе ни чемерный пріятель нѣговъ прокопсао. Єръ ко друго-

га честь и срећу дира, и тай се праведно крадльивцемъ нарећи може, и неће никада суду праведнога Судіе избћћи. За непріятелћ, кои сада Землю нашу опустошаваю, говорисе, да су велику награду обећали ономе, кои главу нћгову донесе, и као што насъ є юче путникъ нћкій увћравао, већъ га заиста они у рукама своимъ имаю. Я бы свакога другога жаліо и за ньимъ бы се заплакао, да, и саму бы крвь мою за соотечественика проліо, али за онога никадъ ни до вћка, кои є старый овай замакъ у пра' и пепео преобратіо!“

Дћца су разговоръ овай внимателно слушала, и на връ уста имъ є было, да за име овога невћрника упытаю; а отацъ ій къ себи позове, и яко сбунћнъ съ ослаблћнымъ ій рукама загрли, и на тужне прси свое притисне, говорећи имъ лагано: „О сирота дћчице моя! вы неймате никаковогъ пріятеля, никаковогъ обранителя!“

Мећутимъ и данъ већъ заплави. Домаћинъ є послао быо по пустыньика, и сада га къ постельи болника приведе.

Испредъ бледогъ овога и сувогъ човека, са дугомъ сћдомъ брадомъ, у худо одћло обученога уклоне се изъ почетка плашльиво дћца натрагъ: но када му болный ньинъ отацъ руку пружи, рекавши: „Добро ми дошли! Будите ми души моіой лћкаръ, она є млого болестнія, нег' ово у лютымъ ранама тћло!“ онда се дћца опетъ охрабре, приступе ближе и молила су плачући пустыньика, да бы имъ оца ньиногъ одъ смрти избавіо.

Пустыньикъ поглади по образима дћцу умилно, постарасе умирити ій, и изяснисе, када є

већъ ране оца њиногъ видіо и испытао, да се нада, да ће ій съ Божіомъ помоћу извидати.

Но отацъ заиста ніе само текъ лѣкарске помоћи, него іоштъ млого выше и свойскогъ и озбильскогъ утѣшенія потребовао; єръ є онъ онай истый злочинацъ быо, о коме се говорило, кои є због прекомѣрногъ славолюбія пріятеля свога кадгодъ у пропасть баціо, кои є домовину и постойбину пріятеля свога у развалине ватромъ преобратіо; а сада самъ одъ зло за зло враћаюће судбине гонѣнъ, коєкуда потуцасе и пребія, да бы се само гдигодъ сигурно станити и сачувати могао; єръ є непріятель за главу нѣгову велику награду обећао. Са свію страна гонѣнъ, побѣгне онъ са дѣцомъ своіомъ у ове горе; па и овде га є судба нѣгова, почемъ є животъ свой изъ руку айдука са великомъ мукомъ и трудомъ избавіо, у близкость онога мѣста довела, гди су му старе огорѣле зидине замка грозећи сведоцы невѣрства нѣговога были. Туга и раскаяніе парала су му срдце крозъ и крозъ, и мучила су га непрестанно; онъ намысли овде у крайнѣмъ очаянію животъ себи окончати, хтео се домаћину овомъ издати, тко є, и само за сиротну свою дѣцу защите и милости молити.

Пустыньикъ є све, да, и саму дѣцу, изъ собе уклоніо, те да тугу и неволю нещастнога овога човека безъ свакогъ сведока саслуша. При казываню болника быо є пустыньикъ яко тронутъ, клекне край постелѣ нѣгове на колѣна, и помолисе Богу. По томъ метне руку свою на срдце смућеногъ и безпокойногъ болника, и рекне:

„О смућеный и каюћійсе човече, Богъ ће дати, те ћешъ ты опетъ спокойство твое наћи

и добыти! Но не съ туженѣмъ, не съ очаяніємъ, него се са дѣлы учинѣне већъ єданпутъ погрѣшке могу опетъ поправити. Будите мирни и спокойни, утаите и прићутите Ваше име; єрбо є оно у предѣлу овдашнѣмъ свимъ мрско. Када се већъ єданпутъ ране Ваше са свимъ залече, и када се Вы на ноге подигнете: онда ћу Вамъ я у сигурной преобуки путъ къ войски нашега Краля показати. Тамо се Вы умѣшайте у редове войника, и борите се за отечество, Вашъ ће примѣръ велико впечатлѣніе учинити; помоз'те и Вы, да наша добра и праведна стварь побѣди, или падните и погините и Вы съ њомъ заєдно. А я ћу се међутимъ у Вашемъ одсуствію за дѣцу Вашу старати. Домаћинъ овай и домаћица честни су люди, они дѣце неймаю, мож'да ће се Ваше дѣце прихватити, а я ћу ій онда поучавати и наставляти, колико више будемъ могао."

Пустыньикъ є іоштъ и млогимъ другимъ рѣчма тѣшіо и ублажавао нещастнога Бранка (овако ћемо больника овога назвати); и као што му є ране нѣгове са лековитымъ мелемомъ привіо, тако му є исто и спокойство и волю къ животу утѣшителнымъ и снажнымъ рѣчма у срдце уліо. Бранко є испунявао охотно све, што му є годъ лѣкаръ нѣговъ приписао, и текъ што є са свимъ оздравіо и предигао се, занште се да у войску иде.

Домаћицы омилесе обоє дѣце, и Будимиръ и Босилька, у кратко време врло яко; єръ є она очевидный сведокъ за нѣколико недѣля дана нѣжне њине дѣтинске према оцу своме любови была, и гледала, како су дѣца ова, колико су имъ силе њине допуштале, оца свога неговала

и слушала, и благодарна на участію домаћице, ков имъ є она у куħицы своіой указывала, съ любвомъ су є предусретала. Изъ овога дакле узрока прошеніе оца было є одъ домаћина и домаћице таки и безъ свакогъ размышляваня пріимлѣно, ков се у томе состояло, да они дѣцу нѣгову узму, и да ій за време у куħи ньиной придрже, докъ онъ на войску отиде, и натрагъ се врати. Бранко се скорбанъ и жалостанъ одъ дѣце своє растане, заповѣди имъ іоштъ єданпутъ, да име нѣгово притаю, и да новымъ назови родительима покорни буду, па онда замоли пустыньика, огрнувшисе у єдну одъ нѣговы одежда, да му потайне путове преко планине къ войницыма свога отечества покаже.

Сирота дѣца остану дакле сада сама кодъ овы туђи людій. Смиляна, тако се звала домаћица, была є истина добра, и поступала є съ ньима као майка: но притомъ млого є мукаєтъ была и на строгій и добрый поредакъ, па є искала и зактевала, да дѣца трудолюбива буду, и да раде.

„Меке нѣжне ручице иевреде ништа! была іой є почесто рѣчь, оне се плаше кору леба заслужити, кою свакій данъ требамо, и боєсе за живо и голо твожѣе ухватити, гди дође до нужде. Окореле и рапаве руке, а притомъ мегко и благородно срдце! то є моє свагдашнѣ мнѣніе!“

Различити послови, ков су дѣца извршивати имала, были су имъ изъ почетка истина тежки; єрбо су дѣца ова нѣжно была воспитана. Но пустыньикъ, кои ій є често поодіо, тѣшіо ій є и ослађавао имъ посао, доказавши имъ ускоро, како посао быва увеселеніемъ, ако се само съ вольомъ и радостію предузме, и да є

посао зачинъ животу; єръ се само после зноя и труда човекъ сладко одмори.

„Судбина о Вами, моя дѣчице, врло добро мысли, ако сте вы, може быти, себе и за несрећне држали!“ рекне имъ пустыньикъ. „У убогой овой кућицы учитесе вы познати благословене плодове трудолюбія, при простоме и маломъ єлу увидити ћете цѣну умѣрености и при непрестаноме у свободномъ воздуху бавлѣню и животу научаватесе вы познати драгоцѣный даръ неоцѣнимогъ нашега добра, т. є. здравля. Єсте л' вы у изобилію вашемъ кадгодъ задовольніи и веселіи были, нег' што сте овде? Єсте л' вы на мегкимъ вашимъ душецыма слаће кад' спавали, него што овде на тврдой овой постельи спавате? — Када се отацъ вашъ єданпутъ побѣдоноснымъ вѣнцыма украшенъ съ войске натрагъ врати, и васъ мож'да опетъ међу великій свѣтъ помѣша: онда ћете се вы често са радостію на ово време опоменути, коє є за васъ велико поученіе было.“

Поучителне ове и златне рѣчи пустыньика падну на обдѣлану и питому землю. Дѣца се таки виде, гди су; и са охотомъ своє назови родителѣ у свакомъ послу и раду послушаю, а пазила су внимателно и на поученіе и наставленіе пустыньика. Узрасту тѣломъ здрава и духомъ весела, а пре тога су была све слаба и болешльива, и не заиска имъ срдце выше никада, да се изъ пустынѣ ове измакну, гди имъ се животъ омиліо.

Будимиръ и Босилька поодили су обычно у недѣлнѣ и празничне дане учителя свога у пустыньи нѣговой, и пробавляли су цѣлый тай данъ кодъ нѣга. Онъ ій є почесто узъ себе во-

діо, када є болне, и туђе помоћи требующе, посѣщавао, коима є свагда као утѣшителный геній долазіо; учіо є Будимира и Босильку познавати и разазнавати цвеће и траве, и водіо є кадъ и кадъ на оне стѣне, съ коій су се опали зидови замка постойбине Боляра фамиліе Страшимировићеве подъ облаке успињали.

„Погледайте опалѣно ово мѣсто, рекне имъ єдномъ пустыньикъ, како є оно са свимъ клонуло и пусто остало, као да никада у нѣму люди живили нису, и како се сада никакове стопе ни знака нѣговогъ нѣкогдашнѣгъ великолѣпія и цвѣта не види. Тамо, гди таванице оне видите, да су пропале, тамо є была у нѣко доба соба, у коіой су се дѣца древногъ овогъ колена чрезъ дуго столѣтія воспитавала; а са оны попуцаны и поразвальиваны прозора, кои су сада травомъ обрастли, гледала су надежде пуна дѣца истога тога колена у пространый и широкій свѣтъ съ нестрпѣніемъ, па слазила су са высина оны мужественно доле, и чинила су почесто знаменита и важна, добродѣтелна и юначка дѣла.“

„Па зашто є сада замакъ тай тако разоренъ? упыта Босилька.“

„А гди є сада юначко то колено? упыта Будимиръ.“

„Я ћу вамъ показати, одговори пустыньикъ. Имѣніе и собственность Боляра фамиліе Страшимировићеве разоре люди, али ньи саме немогоше дойтити; єрбо су они одвекъ сигурни и у безопасности были. Айдете замномъ, я ћу Васъ къ ньима одвести!“ И са тимъ одигне велику єдну каменну плочу, и уђе потайнымъ нѣкимъ басамацыма са дѣцомъ у пространый єданъ, подъ земльомъ ископаный, ходникъ. Кадъ су доста

дуго ходникомъ овымъ ишли, узме пустыньикъ изъ рупе нѣке, коя є у зиду урезана была, буктиню (лучъ), запали є кресивомъ, ков є узасе носіо, па тако, съ лучомъ у руцы напредъ идући, доведе дѣцу до нѣки велики гвоздены врата.

„Па заръ овде у тамнымъ овымъ сводовима живе нещастни тіи Боляри сакрывени? упыта Будимиръ, када є пустыньикъ застао быо, и извадивши ключь изъ цепа, гвоздена ова врата отварао.“

„Овде, любезна дѣчице! одговори онъ, садъ ћемо таки къ ньима доћи, немойтесе само плашити, овде ћете честне и мирне люде видити!“

По томе одключа онъ врата, и ступи са дѣцомъ у пространо нѣко на сводове иззидано обыталиште. Овде заиста и нађу све, и старе и младе Боляре скуплѣне; али имъ ни єданъ на суеретъ не изиђе, будући су сви у тихомъ покою санъ уснули. Дѣца сирѣчь видесе у гробницы, кою су имъ дуги редови мртвачки сандука показывали, кои су предъ ньима стояли.

„Вид'те, дѣчице моя! рекне пустыньикъ, ово є сигурно оно обыталиште Боляра фамиліе Страшимировићеве, притяжателя нѣкогдашньи пустога сада и опалѣнога замка оногъ. Овде почиваю тихо храбри юнацы, овде леже кости заслужены доста о Држави мужева, овде су се покою вѣчномъ предали оцеви са своимъ вѣрнымъ и честнымъ супругама, овде леже младићи и дѣвице, подмладакъ старе ове фамиліе, одъ оно доба у ненарушеномъ миру, одъ како ій є смрть у своя наручія узела!“ — И по томъ узме дѣцу за руку и проведе ій одъ сандука до сандука, прочита имъ изрезана на сребрнымъ плочама имена свію у гробницама лежећи, па имъ узъ ово

приповѣди и изъ живота свакога понаособъ понѣшто знаменито, похвале и подражанія достойно тако, као да є онъ све те люде лично познавао, или са њима живіо.

Дѣца су се съ почетка, тайнымъ нѣкимъ ужасомъ и трепетомъ обузета, плашльиво узъ учителя свога држала. Но што є живльіе онъ са њима о животу овы давно преминувши людій говоріо, предъ коій су костима они стояли: то се и у дѣцы изроди веће любопытство и одушевленіе, па напоследку и за савъ стра' забораве. Када къ последнѣмъ сандуку дођу, и пустыньикъ имъ рече, да у овоме сандуку кости последнѣга у фамиліи Страшимировићевой Боляра леже, и, казавши имъ ово, преко сандука падне, и грозне сузе проливаюћи горко заєца, онда дѣцы на єданъ ма' паде на умъ приповѣдка о Боляру Добролюбу, кою су прву ноћь кодъ своє назови майке чули, и Босилька яко тронута упыта: „Отацъ! ты по свой прилики плачешъ за Добролюбомъ, сыномъ овога покойника? майка наша Смиляна приповѣдала намъ є о нѣму; знашъ ли ты, гди онъ сада живи, и можемо л' му мы помоћи? Пустыньикъ погледи є любко ал' и сожалително, и да главомъ знакъ, да зна. Но, па я ћу за нѣга крвь мою пролити и боритисе! рекне Будимиръ, кажи ми само онога злочинца, кои є могао пріятеля свога изневѣрити и издати, и я се заклинѣмъ овде при пепелу овы покойника, да — — “

„За име Божіе дієте ћути! повикне пустыньикъ уплашенъ, ты не знашъ противу кога си се за освету хтео заклети! Ћути! єръ у овыма смрти обыталищама само миръ и тишина влада.“ — Пригрли по томъ обоє дѣце на тужне

прси своє, и почемъ имъ є заповѣдіо, да руке своє на сандукъ последнѣга овога Боляра положе, рекне онъ: „Старый покойниче! Твой є сынъ довольно посредствомъ ове дѣце освећенъ: и за любовь ньину опрости нѣговомъ непріятелю!“

Изведе ій по овоме пустыньикъ изъ домовине смрти на полѣ, положи ону каменну плочу на своє мѣсто, на сакрывеный сирѣчь улазакъ у гробницу, почемъ су му се дѣца завѣщава, да никоме живомъ о костурницы овой, за кою є онъ само досада знао, ништа приповѣдати нећею. Но онъ ій є морао опетъ честѣе тамо водити, и оно имъ о усопшимъ овыма приповѣдати, ков имъ іоштъ ніе было казао, и тако су дѣца свагда изъ тамне ове гробнице нове и добре за животъ свой и за побужденіе къ добродѣтельи науке износила.

Кадъ и кадъ извѣшћавао ій є пустыньикъ и о оцу ньиномъ. Онъ є было толико срећанъ, да є могао къ войски Кралѣвской допрети, гди є, съ радостію пріимлѣнъ, млогій крававый бой противу непріятеля издржао, и побѣду добыти своима помогао. Стигне отечественной войски нова помоћь, па сада се свакъ живый мужественно лати оружія, и тако мало помало силе гордога и надувеногъ непріятеля клону, и онъ, ако є и споро ишло, опетъ зато са свію страна буде натрагъ узбіенъ. Млоги бѣгунцы тражили су найпречій и найбезопаснїи путъ, да се до границе свога отечества докопаю, па зато су често и млоги чопори бѣгунаца крозъ усамлѣне путове непроходиме ове планине ударали. Тако се дакле и догоди єданъ данъ, да є велика єдна гомила овы светски протува у кућу назови роди-

деля наше дѣце насрнула. И жентурина єдна была є међу њима, коя є мало єдно, мож'да іошть ни пуну єдну годину дана старо дѣтенце у котарицы носила. Она є была превећъ люта; єръ се дѣте яко расплакало и иззове домаћицу Смиляну на страну, па іой рекне:

„Чуешъ майко, узми и задржи ово дѣте кодъ себе! Я нити га могу, нити хоћу выше узасе вући. Оно ће на путу овоме морати скапати, а мени є и тако на теретъ. Шта иштете да Вамъ дамъ, па да се погодимо.“

„Ты си ми мати! жалостна си ты мати, продересе на ню Смиляна, нећу ти никако твогъ дѣтета. На полѣ ћемо васъ изъ Земље наше протерати; али опетъ нећемо дѣцу вашу на ноге подизати. Торнайтесе одавде, и вуцыте съ вама заєдно и вашу изродчадъ!“ — Са овымъ рѣчма истура жену заєдно са дѣтетомъ изъ собе, и домаћинъ, кои є башъ у тай паръ у кућу улазіо, почне іой штапомъ претити, ако таки са осталымъ дружствомъ своимъ не поће, коє є због стра'а већъ измицати почело; єръ су се селяни са пушкама и моткама противу њи скупляли. Жена ова узяши као опарена на свога коня и оде, матерньимъ своимъ єзыкомъ мумлаюћи: „Добро! кадъ є тако, а я ћу дѣте тамо иза села оставити. Я самь моє чинила, а вы ћете Богу одговарати, ако дѣтету што буде!“

Само Будимиръ нашъ и Босилька, кои су очевидцы овога позорія были, разумѣше ове последнѣ рѣчи; єрбо су и єзыкъ знали, коимъ є странна ова жена говорила.

„Ахъ! то ће бездушно быти, рекне Босилька, ако жена та заиста дѣте иза села оста ви, и оде.“

„Да, морало бы дѣте умрети, рекне Будимиръ, єръ кад' се наша майка Смиляна ніє хтела на нѣга смиловати, како ће ко другій то учинити?“

„Айд' Будимире, айде да идемо за њима, рекне Босилька, да за зломъ томъ женомъ погледимо.“ Узму се по томъ подъ руке и оду крозъ село на полѣ путемъ, кои є у густу шуму водіо. Но жена є ова брзо одкаскала и изъ очію имъ се изгубила. У намѣренію быяу већъ дѣца натрагъ се вратити, ал' зачую на єданъ ма' изъ шушня дѣтиньій плачъ. „Ено дѣтета! то ће заиста быти то сирото дѣте! повикне Босилька и потрчи къ опой страни, одъ куда се плачъ чуо. — И заиста нађу у чбуну єдномъ котарицу, и у ньой оставлѣно дѣте.

Будимиръ и Босилька прињу къ дѣтету и подигну съ нѣга ћилимъ. Малый овай црвићъ быо се у тай паръ изъ сна пробудіо и престане плакати, како є око себе весела ова лица угледао, и почне се на ньи осмѣявати. Съ неописаномъ радостію миловали су они и любили ово дѣте, узму га изъ котарице на полѣ, люляли су га на своимъ рукама, и турали му у уста зреле ягоде: но дѣте ій ніє єсти могло. Али текъ што ій прва о томе радость проће, што су дѣте ово нашли: а, Будимиръ брижльиво упыта: „Шта ћемо сада са ньимъ, и куда ли ћемо?“ Нису се смѣли усудити, кући га своимъ назови родительима носити; єръ є майка нѣгова изъ куће истерана. Доћу дакле у велику сумню и бригу, шта ће са дѣтетомъ да чине? — Да га однесемо, рекне напослѣдку Босилька радостно, миломъ нашемъ оцу, пустыньику, онъ ће се нѣга заиста прихватити; єръ онъ све люде милуе и

люби, како пріятелѣ тако и непріятелѣ. Будимиръ согласисе у то, и сада дакле похите са нађенымъ своимъ богатствомъ къ усамљѣной колеби свога сѣдога пріятеля. Оба дѣтета утркивала су се рѣчма, те да му све приповѣде, и Босилька узме неяко ово дѣтенце изъ котарице, и положи га пустыньику у руке. Подуго га є старацъ гледао са сожалителнымъ, но опетъ любве пунымъ погледомъ, и рекне по томе: „Мати Смиляна имала є право, што дѣте ово узети нія хтела; єръ не треба ветренястой и лакомысленной матери на руку иѣи, када се она собственогъ своегъ дѣтета одриче: ал' и вы сте опетъ добро учинили, што сте га се прихватили и мени га донели. — Но вы морате себе сада за родителѣ овога дѣтета сматрати, вы га морате неговати и на ноге подиѣи; єръ я то све самъ чинити немогу."

Дѣца су таки на све готова была, само су текъ упытала, шта имъ треба чинити. Пустыньикъ нађе страпутицу. Онъ намѣри къ ньинымъ назови родительима у село иѣи, и молити ій, да му они допусте, да оба ова дѣтета у пустыньи кодъ нѣга за нѣко баръ време, а особито сада, гди войска по планинама овымъ люде обезпокоява, живе, те да тако у больой сигурности пребуду, докъ ватра ова не проѣе. — Будимиру се и Босильки планъ овай одвеѣъ допадне, я они су одъ радости около благодѣя свога скакали и рукама плѣскали.

„Не весел'те се тако іоштъ пре времена, рекне имъ пустыньикъ, вы не познаєте великій тай теретъ и бригу, коє вамъ є Богъ наложіо. Молитесе Богу за мужество и постоянство; єръ ће вамъ и єдно и друго быти одъ потребе."

По овоме оде пустыньикъ у село, и разговорисе са њиным назови родительима. Ови созволе радо у нѣгово представленіе, да сирѣчь дѣца кодъ нѣга живе; єръ они ни єданъ скоро часъ одъ бѣгунаца нису сигурни были, а кадкадъ су и псовки кыной и грди бывали изложени.

И тако дакле постане, празна дояко, колеба пустыньикова домомъ мале фамиліе. Дѣтенце оно, кое су Будимиръ и Босилька нашли, было є дѣвойчица, и Босилька надене іой име Милица; єръ є на свиленомъ єдномъ около врата дѣтинѣгъ налазеѣемъ се гайтану златанъ прстенъ нашла, на коме є ово име было изрезано; у котарицы пакъ, у коіой є дѣте было, ништа се друго не наѣе, до само нѣколико пелена и повой.

Пустыньикъ прегради у колеби своіой єдну собицу за Босильку, у коіой ће она са дѣтетомъ своимъ живити; а онъ и Будимиръ намѣсте постелѣ свое у преднѣмъ оддѣленію колебе. Садъ већъ ніе могла Босилька выше онако мирно ноћи проводити, као што є досадъ. Дѣте се често ноћу изъ сна заплакавало, и будило є; па онда є морала она устати и обућисе, и Милицы млеко да піе, давати, или є на рукама у санъ улюлявати. А и Будимиръ ніе могао спокоянъ быти, када є дѣте плакало: него устане и обучесе, па є на враты слушао и брижльиво сестру упыткивао, шта є дѣтету, и не бы л' га и онъ забавляти могао? Босилька му ово обычно ніе хтела допуштати, него є сама дѣте успавльивала: но кадъ є Милица кадкадъ неутѣшно плакала, онда ю є и Будимиръ на свое руке узимао и ношао, и лѣпе іой песме пѣвао, при коима є обычно неяка Милица заспала.

Братацъ и сестрица живили су већъ четыри године дана у усамлѣнымъ овымъ горама. Босилька достигне свою 14, а Будимиръ 16 годину; обоє су као струкъ босилька и снажни узрастли. Босилька є одправляла посао домаћице и око Милице посао матере, а Будимиръ є међутимъ башчу пустыньикову радіо, нѣгове козе чувао и нуждна за раану и препитаніе изъ оближньи мѣста доносіо. Смиляну, свою назови майку, походили су они скоро свакій данъ; но опетъ тайна о дѣтету остане іошть све єднако тайна. И пустыньикъ самъ често є одъ куће одсутствовао; єръ су млоги тражили нѣгове утѣхе и помоћи, а онъ имъ ово никада ніе одрыцао. Но опетъ свако вече скупесе они заедно, и седећи на чистой нѣкой лединицы предъ колебомъ, увеселявали су се чистымъ воздухомъ и прекраснымъ у долине изгледомъ, играли су се са неякомъ Милицомъ и слушали су пустыньика, кадъ имъ є млоге достопамятности изъ историе приповѣдао, и почесто имъ добра поученія къ добродѣтелноме животу давао.

Єдномъ упытаю дѣца пустыньика, єл' онъ, одкако себе зна, у усамлѣной овой пустыньи живіо? и замоле га дѣтскомъ према нѣму любвомъ, почемъ имъ се быо изясніо, да све єднако ту живіо ніе, да имъ житіе своє приповѣди. На молбу ньину ніе ій се никако могао отрести, да имъ не приповѣди. Овде дознаше они сада, како є пустыньикъ, пре него што се у пустыньи овой смѣстіо, весело и срећно у свету живіо; како є любведостойну супругу, милу єдну ћерку и врстнога пріятеля имао. Но онъ пріятеля изгуби, супруга му умре, а ћерка га изъ любови према лакомысленомъ нѣкоме човеку не-

пріятельскогъ народа потайно остави изъ узрока тога, што онъ дозволити ніє хтео, да она са човекомъ тымъ, у бракъ ступи. Одъ света гонѣнъ и одъ оны, кои су му наймиліи были, оставлѣнъ, тражіо є онъ напослѣдку спокойно каково мѣсто, и ову є пустыню себи за пребываніе избрао.

Пустыньикъ є питомцыма своимъ често приповѣдао о станю рата, кои се у то доба водіо. Чинило се свима у околини, као да онъ тайне нѣке вѣсти о рату овоме добыя. Єдномъ врати се онъ єднога вечера къ колеби прекообычайно весео и радостанъ, сазове сву свою фамилію око себе, и седне съ ньима на зелену траву, па рекне:

„Имамъ вамъ веселу нову вѣсть, дѣчице моя, сообщити; Богъ се смиловао, и миръ намъ є у Земльи нашой опетъ поклоніо! Праведна предъ Богомъ и предъ людма стварь є побѣду одржала, горди су непріятельи прогнани, и Краль се нашъ враћа сада вѣрноме своме народу натрагъ!“

„Па сад' ћемо мы и нашегъ почитаемогъ родителя вальда скоро видити, упыта радостнымъ гласомъ Будимиръ.“ — „Видићете га скоро мила моя дѣчице! и загрлићете га опетъ радостно, одговори имъ пустыньикъ; а и нѣму припада подобра часть ове срећне надъ непріятелѣмъ побѣде Онъ є сада похитіо, да Кралю своме на сусретъ изиђе, и да га у отечество свое испрати, а када ово сврши, доћиће онъ безъ свake сумнѣ, да и васъ одведе.“

Будимиръ и Босилька при овымъ рѣчма ућуте; єръ колико су се радовали, да оца своегъ виде, толико ій є опетъ обезпокоявала мысль,

што ће се одъ старога свога пріятеля разстати. Узму га дакле за руке, и погледаю га са сузама у очима. И онъ почне далѣ:

„Вашъ отацъ радоваћесе, кадъ васъ види, да сте здрави и тако велики узрастли. Али шта ће онъ рећи, кадъ ово туђе дѣте види? А вы га вальда нећете осимъ васъ оставити?“

„Нећу га оставити, рекне Босилька, нећу; а и отацъ нашъ то вальда одъ насъ неће зактевати! я ћу му приповѣдити, како самь текъ одъ оно доба, одкако дѣте ово раанимъ, упознала, шта самь и колико самь нѣму дужна. Єръ како годъ што я около дѣтета овога у дну и у ноћи лебдимъ и о нѣму се старамъ; тако є исто и отацъ мой око мене чиніо одъ оно доба, како ми є майка умрла; и као годъ што дѣте ово іошть любовь мою непознає, тако нисамь ни я отеческу любовь нѣгову къ мени познавала, него самь є сада текъ добро упознала и свечбала, одкако дѣте ово къ прсима моимъ пригрлятамъ.“

„Да, сестра моя Босилька има право, рекне Будимиръ, нашъ отацъ неће то одъ насъ зактевати, да ми Милицу оставимо.“

„Али ако се дѣтета овога прави родителы пронађу, и дѣте одъ васъ натрагъ заишту, рекне пустыньикъ, шта ћете онда чинити?“

„Натрагъ узишту? упыта Будимиръ. А заръ га ніе майка нѣгова одбацыла, и са свирѣпымъ тымъ поступкомъ своимъ праву своме на нѣга одрекла?“

„Тежко ће быти, ступи му Босилька у рѣчь, да му є оно права майка была; єръ како бы могла мати са роћенымъ своимъ дѣтетомъ онако учинити?“

Пустыньикъ да Босильки за право, и по дугоме са Будимиромъ и Босилькомъ разговору и договору, заключе сви єдинодушно, да о родительима овога дѣтета распытую и разбираю.

Одъ овога разговора протекло є было и више мѣсецій дана. Миръ распросте међутимъ новый веселый животъ по цѣлой Држави, и свымъ путовима крозъ ове, скоро непроходиме, планине врвили су одпуштени робови у своє отечество натрагъ. Нѣкій данъ седіо є пустыньикъ са маломъ своіомъ фамиліомъ на чистой лединицы предъ колебомъ, и гледали су оданде доле у долине, крозъ коє су се путницы, веселе песме радостно певаюћи, у отечество своє враћали. Гледаюћи овако усмотре, гди мужкимъ коракомъ човекъ єданъ у светломъ одѣлу и подъ оружіемъ управо къ ньима колеби иде. — — Ово є био Бранко! Дѣца познаду оца свога и полете му у наручія: но онъ є єдва очима своимъ вѣровати могао, како є изъ онако слабы и болешльивы Божіи створеня, коя є овде оставіо, могао красный тако младићъ и умилна дѣвойчица процветати.

Пустыньикъ є стояо мало подалѣ одъ ньи и сматрао є, утоплѣнъ у райско блаженство, како се отацъ и дѣца грле и любе, а ни єдно одъ ньи одъ радости проговорити неможе; па онда уђе лагано у колебу, и изнесе у наручіяма своимъ неяку Мнлицу. Она пружи мале своє ручице, проговараюћи име Босилькино, на свою младу воспитательницу, коя радостно къ ньой полети и, милуюћи є, на прсе своє пригрли, па є онда зачуђеномъ, и у удивленію укоченомъ, оцу своме донесе. — Онъ сада сву историю о дѣтету овоме саслуша, кою му накратко приповѣ-

де, и ускоро упозна, каквога су доброгъ учителя дѣца нѣгова имала, и да су она, усредъ најжестће ватре и крвопролитія, у миру, спокойству, любови и невиности дане своѥ младости у колеби пустыньика провела.

„Вы ћете, рекне имъ отацъ Бранко, то дѣте и одсада кодъ васъ задржати, ако му се прави родитељи непронађу, то ѥ ваше дѣте, вы сте га любвомъ и иегованѣмъ вашимъ задобыли. Но ено стои тамо другій вашъ отацъ, вы сте за све то нѣму дужни благодарити.“ — Са овымъ рѣчма загрли онъ пустыньика, и хтеде му најтопліѥ за учинѣно ово нѣму благодѣяніѥ благодарити. Но побожный овај човекъ одбіѥ му свако благодареніѥ, пригрли са топлымъ радости сузама и оца и дѣцу на своѥ груди, па упыта лагано првога на уво: „ѥси л' сада спокоянъ?“

„Ты си ми вѣштъ и проницателанъ лѣкаръ быо, рекне му Бранко, али срдце моѥ неможешъ никада са свимъ излечити; ѥръ ѥ гробъ Добролюба мога на вѣки затворенъ, и изъ уста нѣговы немогу выше рѣчи опроштенія чути!“

На ово уведе пустыньикъ Бранка у колебу, падне му у наручія' и рекне: „Теби ѥ све опроштено Бранко! я самь твой Добролюбъ! Твоя ова дѣца, дѣца су и моя! — Просто да ти ѥ све и предъ Богомъ и предъ людма!“

Међутимъ докъ су ови благополучни люди торжествовали у тихой овой пустыньи данъ срећнога опетъ вићеня и помиренія, имала ѥ мати Смиляна у селу велике главоболѣ и муке. Матора она жентурина, коя іой ѥ кадгодъ дѣте оно силомъ хтела наметнути, доће къ ньой съ младомъ нѣкомъ и красномъ женомъ, коя се из-

давала, да є дѣтету ономе майка. Стара ова жена укопистиласе и заклинѣсе, да є котарицу съ дѣтетомъ, кое бы иначе у бѣгству морало свиснути, на прагу Смиляниномъ оставила, надаюћи се поуздано, да человѣколюбіе нѣно неће допустити, да дѣте одъ глади угине; па сада є мати дѣтиня одъ Смиляне зактевала, да каже, гди іой є дѣте. Ово є была удовица непріятельскогъ нѣкогъ Капетана, и пратила є мужа свога на ову войску. У сраженію нѣкомъ, не далеко одъ овы гора, ранисе мужъ нѣнъ яко, и остане ранѣнъ на боишту. Она умираюћегъ супруга свога ніе хтела на боишту оставити: но тражила га є међу мртвыма, а дѣте є своє међутимъ старой овой жени вовѣрила, на кою є мыслила, да се слободно и поуздано ослопити може. Но гонећи побѣдители раставе ій, и жена ова са дѣтетомъ побѣгне преко гора, а мати са ранѣнымъ своимъ супругомъ падне у робство, гди іой мужъ ускоро на ранама своимъ и умре. По учинѣноме миру умѣла є она стару ову жену пронаћи, одъ нѣ вовѣреный свой залогъ тражити; па є поводомъ тимъ жена ова овамо доведе, те да гдигодъ овде дѣте нађу.

Смиляна є могла истина подпуно право увѣравати, да она о дѣтету томе ништа незна: но лако іой на умъ пало, да є дѣте морало вѣроятно гдигодъ угинути; па да сада лакомыслена она жентурина сву кривицу о смрти дѣтиньой на друге баца. А ели и сама она са свимъ права и чиста? Заръ не бы мож'да дѣте и сада живило, да ніе она онда онако тврдога срдца была, и дѣте одъ себе одбила. Она є признала, окрывлююћи сама себе, сву тужной майки праву и голу истину, и када є ова, саслушавши

є, сваку надежду већъ была изгубила, да ће дѣте своє гдигодъ выше видити и груваюћисе рукама у прси крозъ плачъ вриснула: „Несрећна кћери! тако ужасно испунява Богъ клетву родителя!“ Онда иза леђа своій зачує она тихій гласъ: „Милево!“ — Рѣчь ову изустіо є пустыньикъ, кои є съ разширенымъ дрктаюћимъ рукама и клецаюћимъ коленама къ ньой ишао; будући є ово была изгубљена она нѣгова кћерка, па када га она позна, и када очино срдце нещастной, а любимой при томе, своіой кћери учинѣну погрѣшку опрости, онда улети међу ньи Босилька и метне неяку, но веселу, Милицу майки на крыло. —

Краль є вѣрность и храбрость мужественогъ и благороднога свога Бранка съ поклономъ млоги добара хтео наградити: но Бранко на свему овомъ учтиво благодари, и замоли само за мало сеоце Бѣлополѣ.

Почемъ му є Краль молбу испуніо, и мало му ово сеоце драговольно поклоніо, обнови онъ старый овай на развалинама замакъ, и пресели се са фамиліомъ своіомъ, у нѣму живити. Добролюбъ, Милева и Милица живили су кодъ нѣга, и сочинявали су веселый кругъ мале фамиліе. Смиляна ій често пооди, и увеселявасе опетъ прекомѣрно, гледаюћи увече, гди се сунце у прозорима поновљѣногa веселогъ замка опетъ блиста и огледа; и будући да се Добролюбъ тврдо завѣштао, станѣ своє пустыньическо немѣняти: то є Будимиръ презиме Боляра Страшимировиѣевы на себе узео. Онъ є сада већъ до цветућега степена младића узрастао, одъ кога се отечество млого надати може, и избрао є себи Милицу за будућу свою заручницу.

На овай су начинъ старе и опустошене бывше стѣне сеоца Бѣлополя опетъ се у радостный и веселый животъ преобратиле, и изъ оны ће горды и великолѣпны прозора опетъ весела дѣчица, и добра за отечество подпора и обрана излазити! —

Вл. Стоядиновићъ.

2.

ЦАРЪ АЛЕКСАНДЕРЪ и ПОЛЬСКА СТАРОСТКА.

Пролеће важны догађая пуне 1812 године распростираше благослове свое по польима Европе. Како у томе, тако и у очекиваньима, страу и надежди было є оно богато. Великій део Европе, принуђенъ якомъ силомъ нападача света, спремашесе къ страшноме рату противу Руссіе. Колосъ Француске воєне силе довальивашесе све ближе и ближе — већь бияше прешо границе Царства кодъ Ковна. Нѣгова пропасть чиняшесе ямачна. Неверность и издайство равняше му путъ. Русско воинство тргнесе натрагъ.

У то време остави Царъ свой престолный градъ, да къ воинству дође. Благословенъ рукомъ найвышшега свештенства, спремашесе онъ къ циновской борби. Већь є био границе Старе Руссіе прешо и са своіомъ пратньомъ налазашесе у Польской, недалеко одъ воєнога позоришта, кадъ се єднога лепога, али съ ветромъ

ладнога пролећнога дана, близу єднога на друму лежећега добра, некога Польскога великаша, осовина царски кола сломіе и нѣга принуди, да чека докъ се осовина направи.

Царъ у єдной лакой, безъ икакова украшеня горньой альини, као какавъ обычный Чиновникъ обученъ, остави кола и замышлѣнъ одапе безъ икакове пратнѣ по прекрасноме одъ липа алеу, коє къ близу лежећемъ добру вођаше, и нѣга у своима заклонима добротворно заклоняше. У мысли упуштенъ, быо є сасвимъ близу дошо къ дворцу, кадъ му изъ єднога отвореног пенцера истога дворца тонъ єдне небесне музике, здруженъ са женскимъ узбуђеня пунымъ певанѣмъ, у уши удари. Онъ буде савъ уво, и пойти, да ту любку певачицу позна. Нико му не стане на путъ, што є лепо вече имаоца и већій део обитателя лепога дворца у полѣ извело было. Полагано попнесе онъ узъ мермерне басамаке. Тонови іоштъ єднако траюће музике быяу му вођа — онъ већь стаяше за столицомъ певачице, и устезаше што є већма мого своє дисанѣ. Музика прелазаше съ разлежућега се адажія у алегро, па онда у батель. Дивлѣ фантазіе ударау у жице, узбуђенѣ и нечега осећанѣ праћаше нѣно свиранѣ; чиняшесе да є ентузіязмусъ за нешто одушевлява; она сврши и наслонисе уморна на леђа своє столице.

Плѣсканѣ руку Цара награди певачицу, коя окренувшисе къ нѣму истина удивленѣ покаже, али се ни найманѣ не убезекне. Редка, свима лепо изображенима Полякиняма своіостна грація изъ целога створа нѣнога вираше; лепота, примамльивость и неусилованѣ, коима є она свога незванога госта предусрела, морале су срцемъ

свакога обладати. Навикнута свакій данъ и башъ свакій сатъ пріимати посећеня одъ пролазећи Чиновника, кои су къ воинству ишли, држаше она Цара у нѣговой простой горньой альвини за єднога одъ Чиновника, и распростре разговоръ о различнима предметима, кое духъ и умешность нѣну изда. Брзо дозна Онъ, да є она кћи исте куће, и нѣнъ отацъ, Староста Б...ки, да є у лову.

Она у живостноме разговору своме пређе брзо на политику и тадашньій ратъ. Но у томе врло ясно изда свою привржености къ Наполеону и изрази свое мысли съ таковомъ слободомъ, коя ни найманѣ ніе приличила за Русску подайницу, а особито предъ ньой сасвимъ непознатымъ Чиновникомъ: Она горко хуляше предузећа Русскога Кабинета, нѣгове предузете мере и целый начинъ поступаня, а напротивъ узвышаваше Наполеоново оштроуміе, нѣгове природне дарове и нѣговъ за предузећа кадрый духъ — и на последку заборависе толико те и у личность Цареву дирати стане говорећи: — „Докъ Александеръ по Петробургу око' Госпа облеће, непріятельи су наше границе прешли, наше воинство разбіяю, наша притежаня опустошаваю — може ли то што друго, него пропасть Царства за следство имати?“ Бадава Царъ, коме при свой нѣговой познатой срца доброти тай разговоръ почне несноснымъ бывати, гледаше и кушаше, да тай разговоръ на другій кои предметъ окрене, та Госпођица чиняшесе као да се навалице на нѣга враћа. При свемъ томе трућашесе добросрдачный Монархъ да є увери о неупутности тога мышленя и о нужди по коіой є Русскій Кабинетъ тай начинъ поступаня преду-

зео. Али бадава! Она остане характеру свога народа а Монархъ — своме благородноме срцу вѣранъ.

У томе тренутку дође Староста изъ лова. Онъ уђе у собу и єдва могне своима очима веровати кадъ Цара опази. Будући да є онъ негда у двору у Петробургу био, то су му се черте лица тога любави достойнога Монарха, но не преданость и вѣрность према нѣму, дубоко у души нѣговой упечатиле. Све на страну одбацывши клекне онъ предъ ньиме и рекне: — „Коме добротворноме Божеству валя да благодаримъ за неисказану срећу, што мога Цара кодъ мене видимъ?“ — Познатый Монархъ насмешисе и у исто време устрашисе, єрбо є млада Госпа была изванъ себе на канабе пала. Онъ іой поднесе своє съ мирисима стаколце и сожалуюћи є трућашесе, да є у животъ поврати. Собне служавке долете унутра. Изванъ себе буде она изнешена. То учини оца смутнымъ и не могаше себи да истолкуе тай додаћай, будући є при улазку своме обадвоє у поверителне разговоре заведене застао. Доброжелателный Монархъ изясни му шта тога одъ прилике узрокъ быти може. — Отацъ савъ пребледи, падне къ ногама Монарха, замоли за милость, замоли за поштеду своє кћери, излажући себе за то радо и добровольно свакой казни. Тронутъ рекне му Монархъ те устане, седне поредъ нѣга и опрости радо и весело. У целоме држаню и поступку нѣговоме, у нѣговоме свакоме погледу изображавашесе лепа душа нѣгова.

У томе дођу кола царска оправлѣна. Єданъ Ађутантъ уђе унутра и яви, да га кола предъ дворцемъ већь чекаю. Залуду є Старо-

ста употребіо све своє краснорѣчіе, да га ону ноћь у своме дворцу угостити сме. — „Я морамъ поитити“ — рекне Царъ шалећисе — „да надокнадимъ оно, што самь у моима обвезателствама забаціо бію.“ — Онъ се извѣсти о стању кћери, и кадъ му се каже, да є она одъ свога страа мало къ себи дошла, понудисе да іой може рећи: — „Съ Богомъ остай!“

Бледа и стрепећа приближисе, на учинѣно іой обзнаненѣ опроштая лепа простодушница и падне предъ ноге найблагороднієга одъ Кнезова. Онъ є сасвимъ любавно подигне, и полюби є у чело. Па онда скине єданъ скупоценъ прстенъ съ прста и пружи іой га съ овима речима: — „Овай прстенъ нека вамъ буде залога мога опроштая и моє далѣ благонаклоности — но у исто време и опомена, да унапредакъ не говорите о делима, о коима нисте кадри судити!“

Онъ се поклони па отиде — и све околостоєће остави за собомъ зачуђене и дивећесе нѣговоме великодушію.

3.

ДОБРЫ ЛЮДІЙ НАЛАЗИСЕ ІОШТЬ МЛОГО.

Кадъ се є крилато ято порока на земльи сместило, и светлость добродетельи на себе узевши

тымъ светъ обманути покушало, нису могле примане нѣгове свакимъ обладати, и тако погдекоя добродетель іошть се блиста у своима пређашньима дражестима, іошть трепти блага путеводительница звезда у лавиринту живота.

У Херсону буде панађуръ. Изъ свію предела нагрну трговцы на истый. Необична смеса єзыка загрми са свію страна, єдни викау, други се препирау; све буде у ономе замешателству, у кое желя за златомъ и телеснымъ удовольствіємъ слабіе дупе тако лако поставля, кадъ съ велике каѳедралне цркве звоно на ларму наопако куцне и млозину изъ нѣнога заблудилога сна отргне: — „На помоћь, на помоћь! ватра! градъ, панађурске колебе гору; нема избавленя!“ загрме млоги гласови, кои се напоследку у жалостно тугованѣ претворе. У томе покуля у густима облацыма димъ на сусретъ, силно разлежућесе ватрене куле стану се дизати у высину, съ пламенитымъ димомъ небо покриваюћи. Но кадъ се одъ страа мало поповрати и къ себи се доће, станесе мыслити о томе, како да се принесе помоћь, да се прождирућій пламенъ не бы распростирао, и нѣгова крила да не бы до другіи зданія допрла. Безполезно су летили изъ дотераны штрцалица силовити потоцы воде, безполезно су се подизале иляде руку, да кровове раскидаю. Пожаръ свирепствоваше єднако, и съ орканомъ здруженъ, смело корачаше крозъ све сокаке. Садъ се стане бежати и грабити, што є къ рукама найближе было. Благо тада сиромау, кои свое мало иманѣ лако избавити може! Благо тада мудрацу, кои у суетной сяйности споляшньи ствари сокровишта не тражи, него га у глави и у срцу

носи! Тада буде ясно, да є земальска срећа омицльива, а само оно богатство да є постояно, кое добродѣтель и мудрость подаю!

Єданъ богатъ Ювелиръ, кои се є тада на панаћуру десіо, кадъ види да се пожаръ съ циновскима корацыма приближує, и да є и панаћурске колебе заватіо, зграби све свое драгоценности, но будући да ніе толико снажанъ быо, да бы мого све самъ понети, то даде онъ у найвећой забуни и страу єдноме мимо пѣга пролазећемъ непознатоме човеку єданъ сандукъ съ драгимъ каменѣмъ врло велике вредности. Непознатый изгубисе одма у гунгули и тамо и амо трчеће и комешаюћесе млозине. Пожаръ пакъ свирепствоваше єднако докъ ніе великій део града развалинама и пепеломъ постао и бура се утишала.

Садъ присутствіе духа доће на место малодушія и прекомернога страа. Ювелиръ се стане страшньиво обзирати за непознатымъ, коме є сандучићъ дао; али га на найвећу несрећу не наће. Неутешимъ за тако великомъ штетомъ, коя га є скоро целога иманя нѣговога лишила, будући є млоге еспапе само поверене имао, вратисе, будући є панаћуръ пожаромъ растеранъ быо, у найвећой смутньи и жалости къ своіой домовини у Москву. Свога иманя лишенъ, мысляше онъ о средствама како бы се помого. Онъ се трућаше себи иманѣ као и пре законимъ путемъ стећи. Но тай трудъ при утеснѣныма временыма наће препоне. Єрбо при свемъ своме неуморимоме раду, єдва є мого заслужити толико, колико є за подмиренѣ нѣговы потреба нуждно было. Съ єдне стране нуждомъ, а съ друге честолюбіемъ нападнутъ, буде принућенъ,

преко свое волѣ одъ єднога голузнача узаймити єдну сумму новаца, коє исплата на неко одређено време поставлѣна буде.

Месецы пролазау и као што є одъ єдне стране све више и више нѣгова надежда изчезавала, да ће икада своє изгубльно добро опетъ наћи, буде съ друге стране нѣговъ стра' узвышенъ, будући є увидіо, да до поставлѣнога рока неће моћи никако дугъ платити. Ништа не долази поузданіе и по већой части неочеканіе, него данъ исплате несмышлѣно учинѣнога дуга. Голузначъ дође, и како се немогне одма наплатити, даде несрећнога дужника безъ икаковога околиша подъ затворъ метути. Ни молба ни представленя не могну свирепога займодавца побудити, да одъ свога намереня одустане. — Но ономе, кои се на некога ячега осланя, пружа Богъ свагда руку помоћи! — У томе времену догодисе, да єданъ странацъ у Москву дође, и стане тражити єднога Ювелира, кои обычно иде на панаћуре. И кадъ разуме, да се єданъ одъ таковы у затвору налази због дуга, поити онъ предосећаюћи нешто у срцу своме, къ судіяма, и замоли за дозволенѣ, да съ Ювелиромъ говорити може.

Ко бы описао нѣгову радость, кадъ опази онога човека, кои му є у забуни цело своє иманѣ повериo, и кога є онъ онда у збунѣной млозини изгубіо; али ко бы мого описати и Ювелирово удивленѣ, кои у странцу позна онога непознатога, коме є свой сандучићь тако велике вредности дао. Не знаюћи испрва, да ли ће странца као непріятеля или као пріятеля предусрести, постои неколико тренутака ћутећи. Но помысливши да га онъ као непріятель не бы

пронашо быо, загрли благородника. Овай пакъ извиняваюћисе обштомъ забуномъ, коя є пре и после пожара свима у Херсону обладала была, яви му, да є и онъ странацъ онде быо и место задржаваня несрећнога Ювелира, да є текъ после труднога истраживаня, и очевиднимъ руководећемъ неба наћи мого. Онъ му преда сандучићъ и радовашесе што га іоштъ доста рано изъ нѣговога жалостнога положая избавіо.

Ювелиръ, одма изъ затвора ослобоћенъ, плати добивенымъ адиђаромъ свой дугъ, и тедне єднымъ деломъ претеклога адиђара благороднога странца да награди. Али овай, коме є уверенѣ савести, да є добро дело учиніо, лепша награда была, само замоли срећнога, да га за свога пріятеля пріими; и тако скопча свеза найсрдачніега пріятельства обадвоицу до свршетка ньіовога одъ тада непрестано ведрога живота.

Л. Зубанъ.

4.

ЕДУАРДА ЮНГА НОЋНЕ МЫСЛИ.

НОЋЬ ПРВА.

Животъ, смрть и безсмртіе.

Уморене природе сладкій одморъ, цѣлителный санъ! Ахъ! подобно людма светскима, онъ само оне радо пооди, на коє се срећа осмеява;

несрећне оставля онъ; далеко и брзо бѣжи на своимъ итролетећимъ крилима одъ сваке туге и печали, и само на оне трепавице спуштасе, кое сузама овлажене нису.

Я се будимъ, као што обычествуємъ, одъ краткогъ и немирногъ сна: али о! колико су срећніи они, кои се никадъ разбудити неће. Но и то бы опетъ суетно было, кадъ бы снови гробнице обезпокоявали. Будимъ се, и излазимъ изъ бурногъ мора булазненя; у комъ є мой кораблекрушеніємъ угрожаємый, тумараюћій и отчаятелный духъ одъ таласа къ таласу воображене бѣде тамо овамо блудіо; єръ онъ є кормило разума изгубіо быо. Данась га опетъ нађо; али то є истомъ єдна промѣна мука' (горка промѣна), за сурове іоштъ суровія. Данъ є кратакъ за мою муку! а ноћь є у самомъ зеніту свое мрачне области, спроћу цвета мое судбе, ярко суначно сіянѣ.

Богиня, Ноћь, распростире садъ одъ свога црногъ престола, у мрачномъ величеству, свой тавный скиптаръ надъ спаваюћимъ свѣтомъ. Каква мртва тишина! Каква дубока мрачностъ! Нити око, нити слушаюће уво, наоди каква предмета; створенѣ сво спава. То є тако, као кадъ бы свеобщій пулсъ живота стао, и природа почивателну чинила: страовита почивателна, коя ньой конацъ предсказуе. Но некъ се испуни одма нѣно предсказаніе; о судбо! пусти твою завѣсу; я ништа выше изгубити немамъ.

Тишино и тамо! вы истините сестре! близняке старе Ноћи, вы, кое нѣжне мысли къ разуму вучете, и на нѣму заключеніе сазидавате, (овди є основаный столпъ правогъ величества

у човеку!) о, помозите ми: у гробу я ћу вама благодарити; у гробу, вашемъ царству тамо, гди ће ово тѣло, као жертва вашегъ страовитогъ Олтара распасти се. Но шта сте вы? —

Ты, кои си првоначалну тишину разгнао, кадъ су трептеће звѣзде ютренѣ изнадъ раћаюћегъ се земальскогъ шара воскликнуле; о ты, когъ є слово изъ дубокога мрака зажегло ону свѣтлость, сунце, зажежи мудрость у моіой души, коя къ теби, своемъ упованію, своемъ благу прибѣгава, као што сребролюбіє своемъ злату, кадъ други спаваю, прибѣгава.

Крозъ ову мрачность природе и душе, крозъ ову двоструку Ноћь, спусти сострадателну лучу єдну, осветли ме и орабри ме. О, наставн духъ мой, (духъ, кои бы се радо одъ печали удалити хтео) настави га крозъ многе догаћає живота и смрти, и оживи га изъ свакога са найблагороднімъ истинама. Єсть, оживи и поведеніє моє не манѣ, као и пѣсму мою; научи умъ мой разумно мыслити, и волю мою свагди право избирати, и утврди непоколебимо намѣреніє моє са мудростю союзитисе, и великій остатакъ захтеваня нѣны надокнадити. Ахъ! не допусти да чаша гнѣва твогъ, на ову бѣдну главу бадава изливена буде.

Часъ изби єданъ! Мы време онда познаємо, кадъ га изгубимо. Човекъ дакле мудро поступа, што му єзыкъ дає. Я чувствуємъ озбыльскій звукъ, као да бы Анђео говоріо. Да, я се не варамъ, то є управъ смртный звукъ мои умрлы часова! Гди су они? У годинама, коє су предъ свемірнымъ потопомъ протекле. То є знакъ брзога одлазка; о! колико имамъ іоштъ дѣлати? Моє надежде и бриге подижусе

плашльиво, и са страомъ гледаю у стрменитый брегъ живота. — А куда? У безданну пропасть, у страовиту вѣчность! Но може ли мени и допасти вѣчность! мени бѣдному, кои одъ благодѣянія єднога часа живимъ?

Како є убогъ, како богатъ, како маленъ, како славанъ, како искусно саставлѣнъ, како є дивно створенъ човекъ! Но колико є онай одъ свакогъ удивленія већій и дизніи, кои є пѣга тако створіо! кои є у нашемъ существу такове странне и пространне границе у єдномъ средоточію соєдиніо! єдна удивителна смеса различны природа. Знатно соєдиненіє удалѣны свѣтова! Одличный удъ у безконечномъ ланцу стварій! Половина пута, одъ ништожества къ Божеству! небесна луча, осквернѣна и погашена! но премда є осквернѣна, опетъ зато остає Божественна! тавный образъ у маломъ найсовершеніє величине! наслѣдникъ славе! слабо чадо трулежа! неякій безсмртный! безконечно насѣкомо! црвъ! Богъ! — Я стрепимъ одъ самога себе, и губимъ се у самому себи! у своіой собственной кући странный, свуда оди и удивлявасе собственности своіой. Како се колеба разумъ мой! о какво є чудно створенѣ човекъ човеку! Тріумфираюћій пунъ страа! каква радость! каква боязльивость! Премѣнително восхищенъ и безпокоянъ! Шта може мой животъ сачувати? Шта га опетъ разорити може? Анѣелска рука не може ме изъ гроба изчупати; читави легіони Анѣела не могу ме тамо уздржати.

Ово є выше нешто, него загонетка; све ствари о томе свидѣтелствую. Премда се душа моя онда, кадъ се пріятный санъ крозъ моє удове разливао, фантазически несташно по вол-

шебнымъ поляма сиграла, или у тами непроодимы шума оплакивала тугу свою; или бачена са стрмените каменните горе, и трудно по жабокречномъ блату гамзила; или се узъ какве утесине пузала; или са чуднымъ образима, мозга дивлѣгъ породима, на лакимъ облацыма віорила се: но ньой показуе непрестанный полетъ, ако є санъ ню чисто и заблудіо, да є она нѣко танѣ и фаинѣє существо, него замешена шака блата; да се она ватренно, духовно и слободно горе подиже, и да са паденіемъ своегъ тешкогъ спутника не пропада. Сама тія ноћь обяснює безсмртіе мое душе: башъ сама тія ноћь предсказує вѣчный данъ. Небо склапя све догаћае на добро човека; безчувственный санъ учи, и суетна саняня не бунцаю бадава.

Зашто бы я дакле оне оплакивао, кои изгублѣни нису? Зашто блуде зле мысли, у неповѣрителной туги, по ньовымъ гробовима? могу ли тамо Анћели быти? Не одпочива ли, у пепео запретанъ, еенрный огань?

Не! они живе; доисто живе и проводе управо непонятный на земльи животъ, и одозго очи ньине пуне нѣжногъ, небесногъ состраданія на мене гледаю; на мене, кога они съ вечомъ правдомъ међу мртвыма числе. Ово є пустыня, ово є уединеніе: О, колико є многолюданъ, како є живъ гробъ! Ово є меланхолическа пещера створеня, долина мртвы трупина, жалостна кипариса мрачность; земля появленія суетны сѣнка. Све, све є мечта на земльи овой, а све повръ нѣ существо; противуположно глупости єсть исповѣданіе вѣре. Како истиннито и тврдо тамо све мора быти, гди никакве промѣне выше нема!

Животъ є овай пуполякъ само бытія, тавна преминуєма свѣтлость, зора нашегъ дана, преддверіе нашегъ бытія. Позоріе живота іоштъ є затворено и смрть, силна само смрть у стању є ову тешку ключаницу одключати, она єдина може ову велику препону блата съ пута скинути, и насъ зачедняке (ембрyоне) бытія у слободу поставити. Онай, кои іоштъ свѣтъ не очекує, будућій зачеднякъ, кои іоштъ у отцу своmъ почива, ніе одъ насъ удаљніи одъ дѣйствителногъ живота. Мы морамо зачедняцы дотле остати, докле годь ову танку люску съ коіомъ смо обавієни не раскинемо и у животъ проникнемо; у животъ Анђелскій и, о жарке радости! у животъ човека.

И опетъ човекъ, глупый човекъ! све свое мысли овдѣ прилеплює, и небесне надежде безъ єдногъ єдиногъ уздисая закопава. Заточеникъ земљ, и подъ месецомъ затворенъ, привезує онъ све свое желѣ ко ономъ, што є овде; желѣ, коє су небеса зато окрилила, да бы у безконечность узлетили, и тамо стигли, гди Серафіми са красногъ стабла живота, коє близу до престола Божіега расте, безсмртіе сабираю. Какво изобыліе златногъ грозда амврозалически радостій пламти тамо у пуной своіой сяйности и сазрева за праведнике; тамо, гди нема минутны столѣтствія; гди време, болесть, догађаи и смрть умиру! Є ли дакле побѣгъ одъ шестдесеть година, вѣчность изъ човеческогъ ума истребити и безсмртне душе у пепео раздробити кадаръ? Безсмртну душу, коя сву свою ватру, сву свою снагу у трулой лѣности троши; коя чимъ нибудъ, коє бы ню садашньимъ догађаима поплашити или задовольити могло, у сметню па-

да, восхищавасе или узнемирена быва, као Океанъ, кои бы се само зато узволновао, да єдно перо или єдну муву прогута.

Куда тежи хула ова? мене сама она поражава. Како є врло срце моє са свѣтомъ као съ коромъ обложено! о како се люто моя подла душа са собственнымъ своимъ оковима сапела! како самь густо, подобно црву, у мекє мысли свуда замотанъ быо, кое є пузеће воображеніе откало, докъ є помраченый разумъ, у любкомъ представленію непрестанногъ веселя овдѣ, грдно изранѣнъ лежао, и у таково положеніе дошао, што ни крила свои къ небесному полету разширити ніе могао.

Ноћна привидѣнія могу намъ полезна быти, као што самь већъ казао: но будна саняня нама убиточна су. Какве немогућности нисамь я себи мечтавао? може ли санъ што болѣ учинити? непоколебиме радости у непоколебимымъ премѣнама! тврдо основане пріятности на бѣснећимъ таласима! вѣчно сіянѣ сунца у непогодама живота овогъ! Съ каквымъ скупоценымъ покривалама моє воображене радости дневны фантазія накићене нису быле? радости за радостима у безконечно пространомъ изгледу! докъ се нисамь смртнымъ оглашеніемъ звона, кое свакій данъ читаве мілліоне своимъ гвозденымъ єзыкомъ немилице прождире, уплашенъ разбудіо и себе изгубљена нашао. Гди су садъ великолѣпна украшенія мога воображенія? одъ паучине изплетена кућица са своимъ трошнымъ зидомъ одъ мекогъ туткала представляла се мени царскомъ палатомъ у сравненію самномъ! Паукова танка и слаба длачица крепкій є єдекъ спроћу ужета,

о комъ човеческо земальско благополучіе выси; найманьій вѣтрићъ или пара нѣга прекида.

О блажена явленія непрестаюћегъ веселя! нити ваша множина мѣре, ни траянѣ границе познае! Непрестанно траянѣ благополучія, право є благополучіе. Како се вы, при изобылной вашой радости, конца сетите, то ће овай мрзкій помысао те радости ваше све прогутати и обыталище свѣтлости сасвымъ помрчаће. Вы се не боите одъ віореня овы летећи сфера, кое своимъ убиточнымъ теченіемъ на све, кое се међу нама налази, излива жалостну промѣну. Овдѣ свакій часъ валя се промѣна бояти, а оне рѣдко што болѣ доносе; а и само оно што є найболѣ, маловѣчніе є, него обще подрекло судбе. Свако тренуће има свой српъ, кои подражава преужасной и страовитой коси времена, коя своимъ великимъ ударомъ читава царства изъ корена изваліое; свако тренуће замауе своимъ малымъ орудіемъ у тѣсной сфери сладки кућевны радостій, и найлепшій цвѣтъ земальскога блаженства посѣца.

Блаженство! земальско блаженство! — горда и суетна рѣчи! прикривенно презрѣніе Божіи опредѣленія! дерзновено присвоеніе права небесны! Я обуватамъ празне сѣнке, и ништа другo опипати не могу, него воздухъ. О! да самъ пре обуватаня размышляо, колико бы люты стрѣла срце мое промашило!

О смрти! велика царице свію ствaрій! ты си кадра царства разрушити и сіянѣ звѣзда угасити. И само сунце съ твоимъ допуштенѣмъ нама сія; та ты ћешъ некада и нѣга изъ нѣгове сфере изчупати. Зашто дакле ты, кодъ толики твоій корыстій, на подлу ову мету твой при-

страстный испразнюешъ тулъ? зашто на мене особено твою ужасну ярость изливашъ? ненасытимый умртвителю! ниси ли могао съ еднымъ задоволянъ быти? твоя стрѣла трипутъ лети, и трипутъ мое спокойствіе убіено быва; трипутъ преѣе него што мѣсецъ свой рогъ испуни. О Цыноіа! (луна) зашто си тако бледа? неоплакуешъ ли твогъ несреѣногъ сосѣда? землю! Не огорчавалъ те то, што непрестанне промѣне у човеческомъ животу превосходе віоръ твой? Како се врло узаймлѣно благополучіе мое умалява! Слабо и непоуздано ласкаиѣ смеюѣесе среѣе ніе тако, као што е добродѣтельи надсжднѣйша и првоначална луча праве и постояне радости.

Буди кое станѣ, буди кое мѣсто и буди кои часъ я изабрао, као усамлѣнъ, као оставлѣнъ свакій е помысао о свакой радости! помысао, изнураваюѣій помысао, ахъ! убіяюѣій мое спокойствіе! подкрада се, тишиномъ ноѣномъ спровоѣенъ, крозъ тавне буцаке одавно заглаѣеногъ времена; подкрада се као убилацъ (то ѣе и быти онъ), несреѣный! блуди по прошавшимъ веселяма, са развраѣеномъ наравлю тамо овамо и неволю тражи; налази садашньость сасвимъ пусту, и сусрета духова моій умерши радостій неизбросну множину! Я оплакуемъ богатства мое преѣашнѣ судбе; уздишемъ за осушенымъ гроздомъ сладке отраде; сдрктавамъ се кадъ помыслимъ на срећу и благополучіе, кое ми е толико драго было; и свака забава пробія ми срце.

Но зашто опетъ толико да тужимъ? или зашто само еднога да оплакуемъ? сіяли сунце само мени, мени, еднома човеку! заръ су сви остали Анѣели? ахъ! я жалимъ читаве мілліоне:

свыма є єднака судба; у овомъ или у ономъ виду судба є свыма одъ жене рођенымъ матерић пороћајне болести за участіе опредѣлила; мы смо како чада тако и наслѣдницы муке.

Война, гладъ, поморъ, огнѣдишуће горе, бурѣ, огань, внутрення неслога и раздори и тиранство са своимъ троструким оклопомъ нападаю на люде. Овдѣ лежи образъ Божій, дневне свѣтлости лишенъ, у пећини погруженъ и заборавля да є створено какво сунце. Тамо опетъ существа, коя су као и ньіовъ гордый Владѣтель безсмртна, крозъ савъ животъ свой на крававомъ веслу прикована, разораваю бѣене талассе, а жаню отчаяніе. Другіи, кои су за упорне Господаре своє подъ оружіемъ осакаћени и на ратномъ полю изранћни, мораю са половицомъ свои удова у држабама, кое є храбрость ньіова избавила, тврду кору горкогъ леба себи просити, ако ій на то тиранъ, или нѣговъ любимацъ осуди. Убожество и неизлѣчима болесть, грозна два непріятеля, безъ милости нападаю на безнадеждну множину са сложеным силама, и самый гробъ прибѣжищемъ имъ чине. Ахъ! како избацую стенюће болнице своє мртваце! а колико ій опетъ уздише за жалостномъ утѣхомъ, умрети! Колико ли и таковы има, кои су богати были, па садъ ладну руку за милостыню пружаю! па што є іошть страшніе, бадава такову просе! О мекани сынови раскоша! кои такове визите због тога проклињете, што вамъ оне по вольи нису, оставите ваше обычне и повольне визите, дођите, посѣтите мѣсто ово и одбацыте одъ себе непоредакъ: удѣлите овымъ бѣднымъ одъ вашегъ избытка, и тымъ постарайтесе мрзость ону удалити, кою сте на себе

збогъ неумѣрености ваше навукли: али о жалости, ваша є безстыдность тако велика, што вы одъ свега оногъ стыдитесе, што є право!

Како бы срећни мы были, кадъ бы само на такове болесть нападала; но ни мудрость не може насъ одбранити, нити добродѣтель избавити; на найчистію ће умѣреность, болесть и невиность казнь напасти; и ларма немира гони любителѣ мира крозъ найгушћій мракъ. Промотрителность човека доста пута опасношћу сечини, и нѣговъ самый паднувшій стражаръ убія га. Ни сама срећа не може обећанѣ свога имена испунити; ни саме желѣ наше не доносе намъ желѣно. Колико пута наше найватреніе чезнеће желѣ далеко одъ благополучія нашегъ бываю? найкротчіе теченѣ природе има свое тегобе; и найвѣрніи пріятельи неотице наше спокойствіе нарушаваю. Колико има печалій, безъ несреће! и колико непріятельства, безъ єдногъ непріятеля! и опетъ найбольи на земльи непріятеля имаћи мораю: али редови човечески туга безконечни су, и пре намъ уздысая нестати може, него узрока уздысати.

Како малу часть землѣ населява човекъ! остало све є празнина, каменяцы, дивлѣ пустынѣ, ледена мора, жегући пескови, дивлѣ сѣдиште чудовишта, єдовиты зверова и смрть. Ето печалне, карте землѣ! но іоштъ много жалостніе! Земля ова права є карта човека! тако исто стѣшнѣна су и ограничена веселя нѣногъ гордогъ Господара спроћу пространногъ Царства туге, гди страшни немири бѣсне, гласовита ядикованя уши намъ заглушую, отровне страсти уедаю, грабльиве муке наша црева параю и грозеће пропасти страшно зіяю, да бы насъ прогутале.

Ко самь дакле я, да сама себе жалимъ? И у старости и у детиньству све надежде наше почиваю на другогъ помоћи, да бы се одтуда научили мы єданъ другогъ любити; а то и єсть прва и последня наука, кою є природа човеку дала. Корыстолюбиво срце заслужує свою казнь. Благороднія скорбь башъ онда подиже насъ, кадъ насъ обара, и у срцу чувствуєма добродѣтель утишава муку. Да, не само добродѣтель, но и мудрость учи ме напрегнутымъ мыслима новый путъ отворати; кои рѣку туге дає, тай є и утишава. Прінми дакле, о свѣту! твоє сузе, коє самь ти я дужанъ. Какавъ є жалостанъ изгледъ човеческогъ благополучія за оногъ, кога духъ мало далѣ проникнути може! О ты, макаръ кои быо, когъ се срце весели! желишъ ли ты да ти я честитамъ срећно жребіе твоє? Видимъ да желишъ; твоя гордость захтева то одъ мене. Нека опрости твоя гордость, твоіой природи нужданъ є изговоръ пріятеля. Ты, о бѣдный щастльивче! слепоћа є узрокъ твоє среће; глупо безуміе чини те на нѣномъ крилу играти, да бы те у непрестанномъ смею држало. Знай, смеюћій се друже! ты си о великой опасности твоіой тако весео; твоє веселѣ предсказуе неволю. Несрећа є подобна строгомъ займодавцу, кои съ тымъ силніе ште, што є дуже чекао; несрећа прави бичъ одъ прећашнѣ среће, да бы те съ ньимъ само люће мучити и страданѣ твоє удвоити могла.

Лоренцъ! богиня среће ласка теби; онда башъ кадъ твоє задовольно срце игра, сірена пѣва. Мени є мила твоя срећа; не сматрай ме да самь злобанъ, не желимъ те лишити твога веселя; но старамъ се іоштъ утврдити га. Не

мысли да є само стра непогоди посвећенъ: ты се морашъ и одъ ведрогъ судбе погледа чувати. Є ли небо само у ярости своіой страовито? наравно; али оно є таково и у милости своіой: нѣгови дарови овдѣ, само искушенія су, а не награда; позывъ на дужность нашу, а не на безбрижіе; ови исти дарови треба да насъ тако страше, као и несрећни догађаи; треба да у нама зрело проматранѣ ньіовы узрока и слѣдства разбуде, и кадъ на заслугу нашу помыслимо, да насъ стрепити науче; они треба волнованѣ природе да укроте, и радости ньіове да умѣре, да ій не бы убили кадъ ій добыемо; єсть, да се не бы ньіове дражести у нешто горе, него што є сама бѣда, претвориле. У бунту подижусе радости, као непріятельи у грађанской войни, са отровнымъ бѣсниломъ противу нашегъ мира. Чувайсе одъ свега оногъ, што светъ благополучіемъ называ; чувайсе одъ свію радостій, осимъ таковы, коє никадъ умрети не могу. Кои радости свое на слабомъ темелю зида, тай ій осуђуе на смрть, макаръ му се колико чинило да ій нѣжно люби.

Моє радости сѣ тобомъ умиру, о Филандеръ! твой последньій уздысай разгони сѣнку; волшебна земля сву обманчиву сяйность свою губи. Гди су садъ нѣне сіяюће се куле? гди су іой садъ златна брда? све се у жалостну пустыню, у плачевну долину претворило и потавнѣло! Великій волшебникъ єсть смрть. О бѣдно и голо парче землѣ, коє у смртной тами чамишъ! каква промѣна, камо ти оно што си юче имала, или была! Кадъ си твое наймиліе надежде (ово оддавно добывено одѣло) тако близу себе гледала? о, каквымъ є ружичнымъ цр-

вениломъ онда честолюбіе твое гореће образе боило! управъ велико честолюбіе за добродѣтелнымъ именомъ: а башъ онда сакривено сѣме смрти (лукавый и издайнический подкопатель) тайно є у мраку радило и твомъ лепо намѣштеномъ плану смеялосе, и црву заповѣдило, ову тако дивно цветаюћу ружу подгристи; неувенуту, докъ не падне, грабежъ тренућа!

Човеческа промотрителность само подъ нѣкимъ уговорима мудра є, Лоренцъ! Мудрость доста пута и у првымъ тренућима, кадъ свое лепе идее радеће душе раћа, претварасе у лудость. Ахъ! колико є око наше боязльиво! Настоеће тренуће ограничава нашъ погледъ; облакъ тако дебео, као онай кои ће надъ последньимъ даномъ суда высити, покрива тренуће слѣдуюће првому; бадава далеко мы прозрети усилявамосе, бадава предсказуемо. Време се нама у частицама размѣрава, и пре него што се свака са текућимъ пѣскомъ живота смѣша, ненарушиму заклетву судби полаже, да ће насъ у дубокомъ ћутаню сакрити, гди се вѣчность започинѣ.

Што ће се годъ по закону природе кадгодь догодити, све се садъ догодити може; ни єданъ одъ часова човечески не може имати преимущественно право надъ другима. Како може човекъ толико дрзновенъ быти, да извѣстну надежду на будуће ютро у своимъ срцу подиже? гди є будуће ютро? у другомъ свѣту. За врло многе ово є извѣстно, но противно ни за єдногъ: и опетъ зидамо мы на овомъ може быти, кое є свакомъ познато да є обманчиво, као на планини одъ діямантэ, наше брегове надежда; измышлямо вѣчье планове, као да стои у нашой власти, забранити неумолимымъ сестра-

ма конацъ живота нашега пресѣки, и тако умиремо трудни будућностима овогъ живота.

Ни Филандеръ ніе себи смртно одѣло приготовіо: онъ ни узрока къ тому имао ніе; но ни бояосе тога ніе. Колико ій тако изненада падаю, но не тако безопасно; тако изненада, премда су крозъ читаве године на то силно опоминяни были. Но опетъ чувай се одъ найвећегъ измећу свію човечески зала, чувайсе, о Лоренцъ! єдна речь одъ подкрадомъ привлачеће се смрти. Колико є страшна ова умышлѣна ненадность! Буди іоштъ данасъ мударъ: єръ лудо є надалѣ одлагати; слѣдуюћій данъ несрећный примѣръ-ючерашнѣгъ извинява ће, и тако све далѣ, докъ се мудрость изъ живота не прогна. Одлаганѣ крадльивацъ є времена: оно намъ краде єдну годину за другомъ, докъ све не побѣгну и оставе велико дѣло вѣчности у власти єдногъ тренућа. Заръ се мы не бы чудили томе, кадъ то не бы тако обычно было? но съ тымъ што є обычно, іоштъ чудніе є.

Мећу удивленія достойнымъ заблужденіяма, у коя човекъ пада, ово у найвећемъ степену стои, „што сви люди мысле да ће вѣчно живити,“ и вѣчно на прагу роћеня пребываю; сви себи ласкаю, да ће у напредакъ быти паметніи, и на овой надежди, на овомъ наслѣдству, ньіова гордость жели получити похвалу настоећу, ако не одъ други, то баръ свою собственну! они величаю будућега себе; како є то знатанъ животъ, кои они никадъ не проводе! време, кое они у собственнымъ рукама своима држе, поклаияю безумію: оно пакъ, кое іоштъ у рукама судбе стои, посвећую мудрости; оно, што ій не може мимоићи одлажу напредъ; безумію є немо-

гуѣно безумногъ не изсмеяти; а єдва є и мудрость човеческа кадра выше што чинити. Бѣдный, свагда одлагаюћій човекъ савъ є само обећанѣ и то исто крозъ савъ свой вѣкъ. Као младићи мы неки пута почивамо са благороднымъ задовольствомъ и у пуномъ веселю за саме себе нестараюћи се, и само желимо, као честни сынови, да бы отцы наши мудріи были. У тридесетой години човекъ подозрѣва на самогъ себе да є глупъ; у четрдесетой то позна, и поправля планъ живота свога; у педесетой виче на своє одлаганѣ, и накланя своє мудро предпріятіє къ рѣшенію; са свымъ постоянствомъ духа намышля онъ, све намышля: али умире таковый истый.

А зашто? што себе за безсмртна држи. Сви люди све люде за смрѣне држе, само себе не: само онда сами себе, кадъ єданпутъ воскреснувша гроза судбе крозъ ныова ранява срца изненада стра простре; али ныова ранѣна срца опетъ брзо зарасту као повређенъ воздухъ, у комъ се ни трага пролетѣвшой стрѣли наћи не може, тако као што летећій облакъ никаква знака и раздвоєна лаћомъ вода никакве бразде за собомъ не оставля: тако умире и у човеческомъ срцу помысао о смрти. Єсть, са истымъ онымъ нѣжнымъ сузама, ков мы за любезнымъ нашимъ просипамо, оставлямо и помысао у нѣговомъ гробу. Могу ли заборавити я Филандра? ахъ! како є то ужасно! срце мое є..., ако му слободу дамъ и пустимъ га, то найдужа ноћь быће кратка, и шева мою полуноћну пѣсму слушаће.

Ясна ютренія пѣсма весеље шеве разбуђує приближаваюћій се данъ. Острѣйшимъ тр-

нѣмъ печали изранѣнъ, као и ты, о нѣжна Филомело! старамъ се прогнати мрачну тугу мою са жалостномъ мелодіомъ, и позывамъ звѣзде нека чую гласъ мой; но бадава, свака є на мой стіхъ глува, тебе само оне радо слушаю. Но опетъ не горди се ни ты; има ій кои и твой гласъ превосходе и удалѣна столѣтствія восхищаваю. Колико пута я подъ сѣнкомъ сакривенъ, заточеникъ мрака! пѣвамъ, да бы само болѣтице моє успавао и срце одъ туге избавіо. Воспѣвамъ тихимъ часима ньіово Божественно вдохновеніє! восхищенія ньіова чувствуємъ, но самъ не могу да пламтимъ ньима. Ахъ! кадъ бы могао я, кои самь као и ты Меоніде *), или, о Милтоне! **) као и ты, ако и безъ ваше слепоће, мракомъ окруженъ, кадъ бы я могао вашъ тонъ имати! — или онога кои є Меоніда съ нама упознао! и онъ є човека спѣвао: али я спѣвамъ безсмртна човека; често пѣсма моя границе живота прелази: но шта ми се и може садъ болѣ одъ безсмртія допасти? о, да є онъ

---

*) Омиръ, найславніи стихотворацъ свію стихотвораца, коє свѣтъ до данасъ познає. Онъ ово име носи по оцу своме, кои се Меонъ звао. Онъ є было родомъ Гркъ; а тако є исто неизвѣстно мѣсто роѣеня нѣговога, као годъ што є неизвѣстно и време, кад' є живіо. Єдни кажу, да є живіо онъ у 10мъ, други у 9мъ а трећи у 8мъ столѣтствію пре Христа: но среднѣ є ово казываньє понайвѣроятніє. Омиръ є было слепъ; и о овомъ се препиру млоги: єдни сирѣчь кажу, да є слепъ и роѣенъ, други пакъ говоре, да є онъ доцніє ослепіо, наводећи то за потврѣеніє свога казываня, што не бы могао онъ онако красно описивати оне предмете, кои у очи падаю, кадъ ій не бы и самъ кадгодь очима было видіо.

**) Милтонъ, славный Енглескій поєта, родіосе 9гъ Декемврія 1608ме године, а изгубіо є видъ своій очію около 1651 год

са своимъ предметомъ далѣ ишао, да є путъ свой далѣ продужавао, кои изъ мрака у ясный данъ изводи! о, да се онъ на своимъ ватренымъ крилима іоштъ далѣ узвышавао, да є у высину, гди самъ се я пустіо, летіо и безсмртне люде спѣвао, како бы то свѣтъ усрећило, и мене избавило!

Іоаннъ Павловићъ,
Протопросвитеръ Шабачкій.

5.

МИКОНЪ.

(Изъ Геснера 1830.)

Изъ Милета дођосмо мы, Милонъ и я, да Аполлону жертву нашу принесемо. Већ' смо изъ далека угледали мы главицу (чотъ) ону, на коіой храмъ на сяйни' стубови' изнадъ лаврова луга высоко у плавомъ зраку стои; и иза нѣга є изгледъ у море непревидимо оку трептіо. По'дне є было, и песакъ є палѣо табане наше, а сунце темена; управо є надъ нама тако стаяло, да су витице на челу своє сенке преко свега лица бацале. Гуштеръ дакћући увлачіо се у напрацъ на путу, и попакъ и скакаваць зрикали су испод сенке одъ лишћа у клонулой трави. Испод свакогъ ногоступа узлетао є врео прах, и палѣо є очи, и падао є на испечене устне. Тако смо ишли мы уморни: Него смо почели

кракатіе корачати; зашто смо на путу предъ нама начесто стоећа высока дрва угледали; тавна е сенка исподъ ньи была као ноћь. Мрави су насъ подишли одъ милине, кадъ смо ту у прелюбку ладовину ушли. Преумилно место, кое е на еданпутъ сваку сладость на насъ излило! Дрва су окружавала велику лею, где се найчистіи и найладніи изворъ изливао. Свудъ унаоколо спуштале су се гране къ нѣму, пуне зрелы' ябука' и крушака', и измеђ' стабала дрвны війло се плодоносно шиблѣ, црне и црвене ягоде (ежевика), и грашацъ. А изворъ е шуштіо исподъ надгробногъ споменника едногъ, око когъ су се козій листъ, и виткій чмоль, и пузећій бршлянъ савіяли. О Боже! тако самъ повикао я, како е пріятно ово опоравлятельно место! Светъ и благословенъ быо онай, кои е ове сенке тако благотворно насадіо; можда пепео нѣговъ овде почива. Овде, рече Милонъ, овде съ лица гробнога споменника исподъ грана' козѣга листа видимъ я урезане черте; можда ће намъ оне казати, ко е тай, кои се тако за опоравлянѣ путника старао. И садъ подигао е онъ гране са своимъ штапомъ, и читао е:

Овде почива прах Микона! У добротворности савъ е животъ нѣговъ протекао. Дуго после смрти свое хотео е онъ іошть добра чинити, па е навео тай изворъ овамо, и посадіо дрва ова.

Благословенъ быо прах твой, о честитый, тако самъ говоріо я; благословени твои, кое си после себе оставіо! На то нетко исподъ дрва до'ће; то е была красна жена, витка стаса, и благородна вида. Судъ воденый носила на руцы, и тако е на изворъ дошла. Благословени

ми были вы у сенкама овима, тако говораше она, са умилномъ любезностю; вы сте странни можда, можда васъ є и дугій путъ на припеки сунца уморіо. Кажите, ако къ опоравляню вашемъ іоштъ што служити може, него што овде налазите?

Благословена была, тако су одговорили они, ты добротворна жено. Мы никаковогъ другогъ опоравляня нетребамо; сладко насъ є изворъ овай, сладко плодови ови, и сенке ове оживотвориле. Мы смо преиспунѣни страхопочитанія за честитога овога, коега пепео овде почива, што се тако за потребе путника старао. Ты си изъ овогъ предѣла, ты си познавала овога човека; кажи намъ, докъ насъ света сенка ова разлаѣує, кажи намъ, ко є онъ био?

Садъ жена воденый судъ свой на подножіе споменика гробнога метне, наслони се на нѣга, съ пріятнымъ осмеиванѣмъ говорећи:

Миконъ, тако се звао онъ, кои є Богове почитавао, и коега є найслаѣе задовольство было, другима добро чинити. У свему предѣлу овомъ нема ни єдногъ пастыра, кои не бы съ пріятельствомъ и благодарностю споменъ нѣговъ чествовао; нема ни єдногъ, кои не бы повѣсти нѣгове честности, и доброте нѣгове са сузама радости преповедао. Я сама, я нѣму благодарити имамъ, што самъ найсреѣнія жена, — овде се заблисташе сузе у очима нѣним' — жена сына нѣговогъ. — Мой є отацъ умро было; у жалостной сиротиньи оставіо є онъ после себе честну жену и мене. У домаѣой тишини, нашимъ посломъ и побожномъ добротворностю ранећи се, живили смо мы, и добродѣтель и побожность было є наше єдино богат-

ство. Две козе давале су намъ млеко свое, и малый воћнякъ воће свое. Нисмо дуго мы у овой тишини живили; и мати моя умре, и остави мене неутешно дете свое. Али Миконъ мене у свою кућу прими, и преда ми домаће послове, и быо ми є выше отацъ него господаръ. Нћговъ сынъ, найболыій и найлепшій пастырь у целомъ предћлу, видіо є искренну посленость, и мое брижльиво старанћ, како да достойна среће мое будемъ; онъ є видіо то, и любіо є мене, и казао ми є, да онъ мене люби. Шта самь я у срдцу моме чувствовала, то сама себи нисамь признати хотела. О Дамоне, Дамоне! заборави любовь твою! Я сирота девойка довольно самь срећна, кадъ самь само служавка у дому твоме. Тако самь я молила нћга, али онъ любовь свою ниє заборавіо. Єдно ютро самь я у трему спремала се, да вуну одъ стада у посао узмемъ; онда уће Миконъ, и посади се покрай мене према сунцу ютренћмъ; дуго є онъ мене са любезнымъ осмеванћмъ гледао. Дете, тако говораше онъ садъ, твоя побожность, твоя посленость, твое све владанћ мени се одвећ допадаю; ты си найболћ дете, и я самь радъ, ако Богови у помоћи буду; радъ самь я тебе срећномъ видити! Могу ли я, мой предобрый Господару, могу ли я срећнія быти, него кадъ самь твои' благодћянія' достойна! Тако самь одговорила я, и сузе благодарности текле су изъ очію мои'. Дете, говораше онъ, я желимъ споменъ отца твога и матере твое чествовати; я желимъ у старости моіой сына могъ и тебе срећнима видити. Онъ тебе люби; може ли тебе, кажи мени, може ли тебе любовь нћгова срећномъ учинити? Садъ ми клоне посао

изъ моє руке; уздрктана, руменю обливена стаяла самь я предъ ньимъ. Онъ мене узме за руку; и може ли тебе, тако говораше очъ, може ли тебе твоя любовь срећномъ учинити? Я паднемъ предъ нѣга, одъ радости онемимъ, и притиснемъ руку нѣгову на моє сузама обливено лице; и одъ онога дана самь я найсрећнія жена постала. Садъ обрише она очи своє. То є быо тай човекъ, кои овде почива, тако настави она: Али како є онъ изворъ овай овамо навео, и ове сенке посадіо, то бы сте вы іошть знати желили, и я ћу вамъ преповедити:

Кадъ є већ близу предъ смрть нѣгову было, често є ишао онъ, и седао овде на путъ, поздравляо є любезно путника, и сиромаха и уморнога є опоравляо. Како бы было, кадъ бы я ладовиту сенку одъ плодоносны' дрва' овде насадіо, и ладный изворъ у ту сенку навео? Далеко нема извора ни сенке. Тако бы оживотворіо я, кадъ ме давно већ небуде, уморнога, и онога, кои се на припеки сунца жећю мори. Тако є говоріо онъ, и изпреко ньива' наведе онъ найладніи изворъ, и насади плодоносна дрва наоколо, коя раніе и поздніе зру. Посао є свршенъ быо: а онъ садъ отиде къ храму Аполлонову, и жертву принесе молећи: Дай, да узрасте, што самь насадіо; тако ће свакій побожанъ, кои изъ далека къ твоме храму долази, у ладной сенки опоравити се моћи.

Богъ є молбу нѣгову милостиво услышао. Друго ютро пробуди се онъ рано, и погледи са прозора свога на путъ. И садъ види онъ, где є сађенице посадіо, ту су высоко узрастла дрва стаяла. Богови, тако повикне онъ, шта я видимъ. Децо, кажите ми, вара ли мене какавъ

санъ? Я видимъ, што самъ синоћ посадіо, да су садъ већ дрва высоко узрастла. Светымъ удивлѣніемъ испунѣни отидемо мы садъ у сенку; са свимъ узрастла дрва су ту стаяла, и надалеко своє яке гране пружала; бреме зрелога плода савіяло є ньи доле къ цветовитой трави. О чуда, тако повиче старацъ, дакле я овако старъ да у овим' сенкама іоштъ шетамъ? И мы благодаримо, и жертву принесемо Богу, кои є тако милостиво іоштъ выше и преко желѣ нѣгове учиніо. Али ах! Онъ се ниє дуго у овима сенкама шетао; онъ умре, и мы нѣга овде погребемо; да онай, кои у овима сенкама отпочива, благодарно пепео нѣговъ благосиля.

Тако є преповедала она. Тронути благосиляли смо мы прах честитога. Сладко насъ є изворъ, сладко сенка опоравила; али іоштъ већма то, што си намъ съ любезностю преповедила; да си намъ благословена! Тако смо говорили мы, и отидемо пуни побожнога чувства храму Аполлонову.

М. Светиѣ.

6.

О ЧОВЕКУ.

(Изъ Руссоа)

Люди будите човечни и улюдни! То є ваша прва дужность, будите спрамъ сваке старости,

свакогъ станя, и у свему што се човека тиче улюдни. Кою мудрость можете вы, изванъ окружія човечности тражити?

(Изъ С. Мутшелла.)

Єданъ поступа спрамъ свог' сочовека изъ наклоности, зато што овай може быти лепо, умилято тело има; другій изъ высокопочитанія, што овай таку добродѣтелну душу има; трећій пакъ изъ любови и почитанія, не зато што овай такво тело, или такву особиту душу има, него зато што є онъ човекъ и нѣму подобно створенѣ, коє тело и душу има. — Првый поступа спрамъ свогъ сочовека тако, зато, єрбо онъ у толико о нѣму соболѣзнує, и о нѣму толико чувствує; другій зато, єрбо га због правичности нѣгове высокопочитує; трећій пакъ, єрбо га као човека сматра, и зато га почитує и люби. Кои одъ ове троице найболѣ поступа и цѣну добія? — Послѣдныій є првый.

Божидаръ Любибратићъ.

7.

ПИТІАСЪ и ДАМОНЪ,

или

ПРАВО ПРІЯТЕЛЬСТВО.

Драма у єдномъ дѣйствію.

(Изъ Беркена.)

(Повѣсть изъ живота Діонисія Цара Сиракузскогъ прозванногъ исторіомъ Тиряниномъ Сиракузскимъ. Читательи видиħеду изъ ове повѣсти, да є Діонисіє имао добро и поштено срце, но быо є жестокій тирянинъ зато, што га є лукавый любимацъ нѣговъ умѣо искусно варати. Ова повѣсть показує намъ и єданъ примѣръ пріятельства, кои се у садашнѣ време мучно може наħи.)

ДѢЙСТВУЮЋА ЛИЦА.

Діонисіє, Царъ Сиракузскій.

Гелонъ, любимацъ Цара.

Аргусъ, Началникъ царске страже.

Палинуръ, лађарскій Капетанъ.

Питіасъ и Дамонъ, два пріятеля; пр-
вый изъ Коринта, а другій изъ Сиракузе.

Стража.

ЯВЛЕНІЄ I.

ДІОНИСІЄ, ГЕЛОНЪ, АРГУСЪ.

Діонисіє. Кога ли ћу данасъ дати погубити? Дедеръ да видимъ. (Погледи у записну књигу). Аха! данасъ є онай данъ, у кои се Питіасъ обећао вратити се изъ Коринта, за претрпати смртну казнь.

Гелонъ. О, Господару! заръ вы мыслите, да ће се онъ вратити?

Діонисіє. Доиста, я бы се врло зачудіо, кадъ бы се онъ вратіо. Несрећникъ тай Дамонъ, нѣговъ пріятель, како се онъ усудіо главу свою мѣсто нѣга подметнути, ако се онъ не врати!

Аргусъ. Я самъ башъ овай часъ было кодъ нѣга у тавници. Онъ васъ умолява именомъ богова, Господару, да му овогъ ютра не откажете єдну кратку аудіенцію.

Діонисіє. Знамъ добро шта ће; оће да измоли помилованіе. Но съ моимъ правосудіемъ неће се заиста нико играти ни титрати безъ наказанія. Некъ се Питіасъ само не врати данасъ, па башъ данасъ, пакъ . . . . .

Гелонъ. Гнусный издайникъ! у данашньій данъ обећао є вратити се, па га нейма; онъ говораше, да жели само іошъ єдаредъ видити свое отечество, и да се опрости са женомъ и дѣцомъ; досадъ могао є онъ двапутъ отићи у Коринтъ и опетъ вратити се. Е, надао самъ се я томе, да ће онъ изневѣрити свога друга и пріятеля. Онъ є може быти отишао, да тражи убійце за васъ Господару. О благій и милостивый Царе!

докле ли ћу я све єднако стрепити за твој живот? мене обузима нѣкій непонятный и потайный стра и ужасъ. Не сумняйте о томе Господару, Дамонъ є сигурно у споразумѣнію съ њиме да васъ преваре. Шта може быти друго, него єдно коварно и зло намѣренѣ, што онъ жели съ вама говорити!

Діонисіє. Ты ме бацашъ у найвећій ужасъ. Нећу да га видимъ, ни чуємъ Идемъ садъ кодъ моій кћери. Причекай ме мало овде, Гелоне; а ты Аргусе, иди види, бодрствує ли стража око мене. (Изиђе крозъ потайна врата. Аргусъ хтеде на друга врата да изиђе. Гелонъ га задржа.)

ЯВЛЕНІЄ II.

ГЕЛОНЪ, АРГУСЪ.

Гелонъ. Чуешъ ли, Аргусе!

Аргусъ. Шта заповѣдате, милостивый Господине?

Гелонъ. Данасъ забранює се свакоме ући у дворъ, осимъ Палинуру. Чувай добро, да не бы когодь другій ушао подъ лажльивимъ предлогомъ молити за Дамона, а међутимъ могао бы животъ цара подвргнути опасности.

Аргусъ. Боже мой! а кои є тай, кои бы се усудіо молити за тогъ несрећногъ човека!

Гелонъ. Та онъ и ніе достоянъ ни найманѣгъ сожалѣнія.

Аргусъ. Ахъ, милостивый Господине, доз-

волите ми, да баремъ нѣгову жалостну судбину оплачемъ.

Гелонъ. Єси ли ме чуо! та твоя нѣжна чувствованя задржи ты за себе, и немой да ій оглашавашъ, ако самъ си радъ добро проћи. Као што ми се види, и ты си пао у заблужденіе, коимъ є ослеплѣнъ и лаковѣрный простъ народъ. Знай деръ ты, да є Дамонъ єданъ лицемѣрацъ, кои се надао са лажльивимъ своимъ юнашствомъ уселити цару нѣкій стра, и тимъ начиномъ спасти животъ своґъ пріятеля.

Аргусъ. Согласите се баремъ у томе Господине, да є онъ врло великодушно и безъ свакоґъ принужденія подвргао свой животъ опасности.

Гелонъ. Е! заръ ты не видишъ, да му ништа друго ніе остало, и да є онъ морао то учинити. Онъ се боно, да ће Питіасъ, кадъ га стану мучити, морати признати, да є и онъ быо соучастникъ нѣговоґъ гнусноґъ издайничества.

Аргусъ. Мени се чини Господине, да преступленіе Питіаса іошъ се ніе засвѣдочило.

Гелонъ. Нѣгово преступленіе єсте тайна, кою я морамъ у моимъ прсима сакрити; полза државе забранює ми то явити народу. Иди, и гледай да се моє заповѣсти точно испуне. Повторавамъ ти то у име цара. Знай да ћешъ подъ одговоръ доћи, и да ћешъ животомъ платити, ако найманю заповѣсть мою пренебрегнешъ! (Аргусъ се поклони и изиће ћутаюћи.)

ЯВЛЕНІЄ. III.

Гелонъ (самъ). О срећо! о судбино моя! благодаримъ ти хиляду пута! ты ћешъ дакле да ме избавишъ данасъ одъ последнћгъ Сиракузца, когъ добродћтель хотћла є да помрачи мою славу, и малъ ми ніе изгубила свако повћренћ кодъ цара. Онъ се самъ баціо у пропасть. Я самъ быо намћранъ само богатогъ Коринтіанца Питіаса да погубимъ, и да се благомъ нћговимъ обогатимъ; а садъ ми се представля прилика, да се и гордоме Дамону осветимъ. Некъ зна и онъ и свакій, како пролазе они, кои презираю любимце тирянина. А и ты Діонисіе, не мысли да я не знамъ, зашто си тако щедаръ према мени. Залуду ме ты увћравашъ съ твоимъ пріятельствомъ. Ты зато само изливашъ на мене твоя благодћянія, да возбудишъ у мени ревность, како бы я болћ испунявао твоя тирянства, коя ћеду и мени главе доћи, кадъ на мене доће редъ. Но, неймай бриге, я ћу и тебе умћти предупредити у томе. Подигни ме ты іошъ мало; я ћу и самогъ тебе бацити у пропасть, у кою ты већъ помышлявашъ мене низвргнути. (Онъ опази нћкогъ човека, кои се са страомъ приближаваше.)

ЯВЛЕНІЄ IV.

ГЕЛОНЪ, ПАЛИНУРЪ.

Гелонъ. Палинуре, ты ли си?

Палинуръ. Я самь, милостивый Господине.

Гелонъ (съ нестрпѣніємъ). Е, како стоимо! говори брже.

Палинуръ. Єсмо ли сами овде?

Гелонъ. Говори слободно; Діонисіе башъ садъ изиђе.

Палинуръ. Овай часъ самь изъ лађе изишао, те самь се одма провукао у дворъ, за моћи вамъ лично явити, да самь вашу заповѣсть по вашой жельи испуніо.

Гелонъ. Не дангуби, удовлетвори брже моє нестрпѣніе. Єси ли све тако извршіо, као што самь ти заповѣдіо?

Палинуръ. Неймате се шта выше бояти Питіаса; онъ є већъ погинуо.

Гелонъ. Е, фала боговима! садъ самь одануо. Ты си башъ найзгодніе време потрефіо, да ме са томъ срећномъ вѣстію обрадуешъ. Поитай-деръ само извѣстити ме обстоятелно, како се то догодило.

Палинуръ. Я самь се быо кренуо съ лађомъ, као што вамъ є познато, да по заповѣсти Діонисія одведемъ Питіаса у Коринтъ, и кадъ уреди своє домаће послове и опрости се съ женомъ и дѣцомъ, да опетъ и натрагъ га доведемъ; а по вашой жельи и заповѣсти све самь еднако гледао како бы га лишіо свакогъ средства къ испуненію нѣговогъ намѣренія. На трећій данъ наше пловитве изъ Сиракузе подигне се єдна страшна буря, коя ми є помогла извршити вашу заповѣсть. . . .

Гелонъ. Не отежи задуго, већъ говори брже!

Палинуръ. Око поноћи дознамъ я, да є Питіасъ на горнѣмъ тавану лађе, почнемъ га тражити, и кадъ сину муня, а я га опази гди клечи и съ дигнутимъ къ небу рукама читаше молитву: „Безсмртни богови, воскликне онъ, умолявамъ васъ не за мой животъ, већъ за животъ могъ пріятеля и друга. Даруйте ми само толико времена, да се могу вратити и скинути съ нѣга окове, коє є онъ самъ на себе наложіо изъ любови и нѣжности къ мени. Допустите ми да спасемъ животъ могъ пріятеля; мой є животъ у вашимъ рукама, вы га можете и после узети. Заръ вы оћете, погубивши мене, да великодушный Дамонъ буде жертва нѣгове добродѣтельи. Вы, кои познаєте внутренность людій, вы врло добро знате, да на земльи нейма благородніегъ створеня, него што є Дамонъ.“ Чуюћи ове рѣчи, повикнемъ я на нѣга: „Безбожниче! твоя уста оскорбляваю богове, уподобляваюћи имъ єдногъ смртногъ, за тако безбожіе морашъ ты и достойну каштигу претрпити.“ Къ овимъ рѣчма придодамъ я толягомъ и єданъ ударацъ по средъ главе, и мой Питіасъ съ тавана лађе падне у пучину морску.

Гелонъ. О мой драгій Палинуре! нико не бы ми могао болѣ помоћи у извршенію могъ плана; садъ самъ се я осветіо. Дамонъ ће данасъ мѣсто Питіаса да погине, и я ћу после смрти нѣгове са благомъ нѣговимъ да наградимъ твоє заслуге. Чуємъ гди се врата отвараю. Царъ иде! Не заборављяй явити Цару, да Питіасъ ніе хотѣо съ тобомъ да се врати.

ЯВЛЕНІЄ V.

ДІОНИСІЄ, ГЕЛОНЪ, ПАЛИНУРЪ, СТРАЖА.

Діонисіє. Шта ће тай продрзльивый странацъ овде? држ'те га!

Гелонъ. Молимъ покорно Господару, укротите вашъ гнѣвъ, отложите вашу заповѣсть. То є лађарскій Капетанъ Палинуръ, комъ є щедро срце ваше вовѣрило Питіаса, да га у Коринтъ одведе.

Діонисіє. Шта! да ли га є и обратно довезао?

Палинуръ. Нисамь га натрагъ довезао Господару. Текъ што є изишао био изъ лађе и ступіо на обалу своґъ отечества, одма ми є казао, да га неймамъ шта чекати, већъ да се вратимъ у Сиракузу. Препоручіо ми є, да то и Дамону явимъ.

Діонисіє. Ты га можешъ одма о томе извѣстити; садъ некъ изиђе слободно предамномъ; за нѣга нейма већъ милости. (Єдноме одъ стражара: Трчи и кажи Аргусу, да доведе овамо Дамона. Стражаръ оде.)

Гелонъ. Садъ видите, Господару, да моє подозрѣніє на Питіаса ніє было неосновано.

Діонисіє. То є доста; зато само заслужуе онъ смртну каштигу.

Гелонъ. Гнуснымъ вѣроломствомъ довео є онъ своґъ найболѣгъ пріятеля до тога, да мѣсто нѣга животъ свой изгуби. Ніє ли то најясніє доказателство, да є онъ преступникъ. По-

слушайте ме Господару, и дайте овай часъ погубити соучастника нѣговогъ издайничества. Онъ заслужує смрть и зато, што васъ є онда іошъ отъ правосудія задржао.

Діонисіє. Я самь се тврдо рѣшіо, да не закоснимъ дати га погубити.

Гелонъ. Зашто бы вы Господару губили драгоцѣнно време на то, да слушате нѣгове празне рѣчи.

Діонисіє. Радъ самь башъ да съ ньиме мало поговоримъ. Нѣгово повѣренѣ у пріятельству Питіаса чиняше ми се врло продрзльиво. Оћу садъ да га со тимъ осрамотимъ.

Гелонъ. Ево преступника гди иде.

ЯВЛЕНІЄ VI.

ДІОНИСІЄ, ГЕЛОНЪ, ПАЛИНУРЪ, ДАМОНЪ (окованъ), СТРАЖА.

Діонисіє. Е! Дамоне, у данашньій данъ пріятель твой Питіасъ обеѣао се быти овде и тебе измѣнити, єли?

Дамонъ. Тога се я и боимъ, што іошъ млого има до мрака; камо среѣа да є данъ вечъ прошао!

Діонисіє. Несрећниче! а што не молишъ ты богове, да они данъ продуже.

Дамонъ. Шта говоришъ ты Діонисіє! Видимъ я да ты не знашъ ни зашто я стре-

пимъ, ни шта желимъ. Ей камо среће да є ноћь већъ настала; камо те среће, да лађа, на коіой се мой пріятель налази, не уђе у пристанище до сутра! колико бы я срећанъ быо, кадъ бы животъ нѣговъ са моимъ могао я искупити!

Діонисіє. Ты ћешъ скоро искусити ту радость; неймай бриге.

Дамонъ. О Діонисіє, твоє рѣчи уливаю у моє срце найвећу радость! Я се боимъ само за могъ друга добродѣтелногъ Питіаса; а твоій целата не страшимъ се я нимало.

Діонисіє. Буди спокоянъ. Питіасъ неће се никадъ выше вратити. Пытай Палинура; онъ те найболѣ може о томе извѣстити.

Палинуръ. Увѣравамъ те одъ нѣгове стране, да га неймашъ шта выше очекивати.

Дамонъ, (налюћенъ). Мучи, мрзкій клеветниче! Кадъ бы ми ты казао, да га нѣгова жена, дѣца, сви нѣгови пріятельи и сограждани силомъ задржаваю, и оћеду да они дођу на мѣто нѣга, я бы онда могао твою клевету за истину држати; но Питіасъ ніє никадъ изговоріо те рѣчи, коє безстыдство твоє измышлява.

Діонисіє. Ала є то заслеплѣнъ човекъ!

Дамонъ. Питіасъ ће се іошъ данасъ вратити, ако є само душа у нѣму. Но шта говоримъ я, — онъ є живъ. Богови нећеду то допустити, да найдобродѣтелніи човекъ на свету погине, кадъ я могу нѣговъ животъ съ моимъ да искупимъ.

Діонисіє. Шта! ты не пріймашъ тако ясно доказательство.

Дамонъ. Я добро познаємъ срце мога

пріятеля, и вѣруємъ обеħаню нѣговомъ, а светске лаже и клеветнике не слушамъ. Но Діонисіє, не заборављай ты твоє обеħанѣ.

Діонисіє. А шта самъ ти обеħао?

Дамонъ. Обеħао си ми, да не чинишъ никакво зло Питіасу, кадъ се врати после моє смрти.

Діонисіє. Безумный човече! заръ ты не видишъ, да тебе издайникъ тай вара! У ово исто време, кадъ се ты о нѣму толико бринешъ и толико боишъ, нѣгово срце тописе одъ радости што те є преваріо.

Дамонъ. Гріота є тако и мыслити о Питіасу, а некмолъ говорити, Діонисіє; тако вѣроломство можешъ ты одъ твоій пріятеля очекивати. Я познаємъ могъ пріятеля болѣ него ты. Да оħе Богъ дати, да се я могу на твою заклетву тако ослонити, као на нѣгову рѣчь!

Гелонъ. Ахъ, Господару! то є нечувена продрзљивость; за таке рѣчи заслужує онъ овай часъ да изгуби не єдну, већъ сто глава кадъ бы имао.

Діонисіє. Садъ ħе онъ то животомъ платити.

Дамонъ. Я очекуємъ мою смрть са већимъ нестрпѣніємъ него ты. Но пре него што ħешъ ме дати погубити, изреци само єдну рѣчь изъ твоій устій; закуни се іошъ єдаредъ, да ħешъ поштедити Питіяса кадъ се врати.

Діонисіє. Коя ти є полза одъ могъ обеħаня? Животъ твогъ лукавогъ пріятеля садъ є у безопасности, и онъ мало мари за моє обеħанѣ.

Дамонъ. Не ругай се надъ добродѣтелію, Діонисіе! Ты саме увређуешъ богове со тимъ што оскорбляваш добродѣтель.

Діонисіе. Теби ли пристои добродѣтель защищавати; ты, кои ћешъ овай часъ да будешъ жертва издайничества, ты іошъ саняшъ о добродѣтельи!

Дамонъ. До последнѣгъ издыханія остаћу я печитатель добродѣтельи. Безъ нѣне лучезарности и богови не бы ништа друго были, него то што су сви смртни.

Діонисіе. За твою слепоћу, ты заслужуешъ мое сожалѣніе.

Дамонъ. Не молимъ я тебе за сожалѣніе; я иштемъ одъ тебе правосудіе. Дай ме погубити, но закуни се да ћешъ поштедити Питіаса. Заповѣди да таки престанемъ живити; но да сиђемъ у гробъ съ надеждомъ, да ће добродѣтелный Питіасъ живити.

Діонисіе. Кадъ већъ башъ оћешъ, да ти безполезну заклетву дамъ, а оно некъ ти се испуни жеља. Заклинѣмъ ти се, да ће Питіасъ живити, ако се после твое смрти врати изъ Коринта.

Дамонъ, (дижући руке къ небу.) Безсмртни бози! услышите ову заклетву изъ устій нѣговы; и ако бы се онъ усудіо погазити ю, а вы обратите на нѣга све громовне стрѣле, и поразите га съ ньима као преступника заклетве! (къ Діонисію.) Моя є жеља садъ испунѣна, тирянине; богови су ми помогли, те самъ невинну жертву изтргао изъ твога тирянства. Полажемъ ти кодъ нога другу жертву; чини съ ньоме шта хоћешъ. (Падне му предъ ноге.) Дозволи ми по-

любити твоє ноге, и учини ми последню милость.

Діонисіє. Говори!

Дамонъ. Дай ме овай часъ погубити. Я самь великій преступникъ у твоимъ очима; раздражіо самь твою гордость, говорећи ти истину.

Діонисіє. Садъ таки некъ ти се испуни жеља. Вуците га на ешафотъ. Аргусе, скупи и изведи мою гарду и стражу, да се народъ држи у повиновеніе, и свакогъ, кои бы се усудіо роптати, да предашъ смрти. (Стражари счепаю Дамона, и почну га вући.)

Дамонъ, (излазећи). Безсмртни бози! вѣчна вамъ благодарность! избавіо самь могъ пріятеля.

ЯВЛЕНІЄ VII.

ДІОНИСІЄ, ГЕЛОНЪ, ПАЛИНУРЪ.

Діонисіє, (после краткогъ ћутаня). Елъ да є Дамонъ будала? єлъ да є найвеликодушніи човекъ на свету? Да є за самогъ себе искао помилованіе, чини ми се одма бы му га даровао.

Гелонъ. О благій, и милостивый Царе! ніеданъ преступникъ ніе се досадъ усудіо таке оскорбителне рѣчи предъ вама изговорити, и ваше милостиво срце осећа іошъ нѣко сожалѣніе къ нѣму. Усуђуємъ се вамъ примѣтити Господару, да ваше великодушіе, у овой прилици, могло бы имати врло опасна и пагубна слѣдства.

Необуздани Сиракузци одма бы сматрали ваше великодушіе за слабость, и постали бы іошъ продрзльивіи него што су.

Діонисіе. Имашъ право; да, безъ сумнѣ, овай жестокій примѣръ отъ потребе е за моюбезопасность. — Бунтовный народе, изъ тебе треба сву крвь изсисати; тебе валя непрестанно у безчестію и поруганію држати, за моћи надъ тобомъ владати!

Гелонъ. Питіасъ е єданъ ужасный преступникъ, а Дамонъ е нѣговъ соучастникъ; онъ дакле две смрти заслужуе.

Діонисіе. Усрдно ти благодаримъ, Гелоне, што съ такомъ ревностію бранишъ мою безопастность. И унапредакъ предавай ми на жертву таке люде, кои су опасни моме честолюбію и моіой власти. Моя милость неће те мимоићи, и нова благодѣянія наградићеду твою ревностну службу. — А ты Палинуре, иди извѣсти народъ о вѣроломству Питіаса, а особито о преступленію Дамона. Некъ не мысли народъ, да онъ заслужуе најманѣ сожалѣніе. (Палинуръ се удаляваше, и текъ што хтеде да изиће, па се у єдаредъ уплашенъ тргне натрагъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДІОНИСІЕ, ГЕЛОНЪ, ПАЛИНУРЪ, АРГУСЪ, ДАМОНЪ И ПИТІАСЪ (окованъ), СТРАЖА.

Діонисіе. Шта я видимъ! єли то могуће!

Гелонъ, (у себи). Ахъ! издайниче Палинуре! шта учини са мномъ!

Аргусъ. Милостивый Господару! башъ у онай паръ кадъ самъ водіо Дамона на смрть, овай странъ човекъ дотрча къ мени безъ діяня. Стой! повикне, онъ, скини окове съ мога пріятеля; Дамонъ ніе выше твой заложникъ (аманетъ), ево Питіаса, — онъ єданъ мора умрети. У єдно тренуће ока загрлише се, излюбише се, па уєдаредъ потрчаше къ ешафоту; стадоше се отимати кои ће пре главу свою подъ сикиру да подметне, мысліо бы човекъ да се за нѣкій престолъ отимаю. Я се нађо у велико чудо, и не знаюћи шта да чинимъ, рѣшіо самъ се обоицу довести предъ васъ.

Діонисіє, (са особитымъ удивленіємъ). Є ли то истина? не вараю ли ме моє очи?

Дамонъ. Чега самъ се бояо, тога ни самъ могао избећи. Ахъ! Діонисіє, зашто ме ни си дао погубити баремъ єднимъ саатомъ пре?

Питіасъ. Мыслишъ ли ты да бы я могао тебе преживити, а особито кадъ бы я быо узрокъ твоє смрти? Я твой убійца да будемъ! Крвь моя мрзне у моимъ жилама, кадъ само о томе помыслимъ. Хвала боговима што су ми у томе помогли. О Дамоне, дай да те полюбимъ последный путъ. (Любесе съ найвећомъ нѣжностію).

Дамонъ. Вѣрный, но жестокій друже! зашто ми ты не допусти, да я моимъ животомъ твой искупимъ, и тимъ да вѣчито запечатимъ наше пріятельство? Ахъ! Діонисіє, даруй Питіасу животъ, ил' насъ дай обоицу погубити.

Питіасъ, (къ Діонисію). Ты се чудишъ, тирянине, што ме овде видишъ, є ли? Моє чу-

десно спасеніе приморава те вѣровати у те богове, коє бы ты овай часъ уничтожіо, кадъ бы могао. Кадъ си заповѣдіо да ме баце у море, ты ни си могао предвидити, да ћу я вольомъ богова таласомъ быти избаченъ на сосѣдну стѣну.

Дамонъ. Шта! заръ ты ни си видіо твоє отечество? заръ се ты ни си опростіо са женомъ и дѣцомъ?

Питіасъ. Како бы я могао и помыслити, да се у моме отечеству съ блаженствомъ наслаждавамъ, кадъ знамъ, да найманѣ закосненіе моє може тебе живота лишити?

Дамонъ. О несрећникъ я! я ни самъ дакле ништа за тебе учнніо!

Питіасъ. Е! ты бы заръ хтео да ме утѣшишъ, па макаръ и са штетомъ твогъ собственогъ живота, кадъ ме и сама судбина утѣхе лишава? Колико є та мысао мене мучила! Скитаюћи се данъ ноћь по пустымъ скалама, съ вршиня ныовы све самъ єднако изгледао на лађу; мысли моє и теженѣ ни су се обраћали къ Коринту, а уста моя ништа друго ни су могла изговарати, већъ све Сиракуза! Сиракуза!

Дамонъ. Ты си быо увѣранъ, да я и при последнѣмъ издыханію не бы о твоіой любови сумняо.

Питіасъ. Был' я дакле могао тебе изневѣрити, и твоє къ мени повѣреніе на зло употребити. Єданъ одъ богова, сжалившисе надъ моимъ отчаяніемъ, послао ми є єдну лаку лађицу, кою є онъ самъ противъ ярости таласа браніо довде. Приближаваюћи се къ Сиракузскомъ брегу, я се већъ нисамъ за тебе бояо,

а кадъ самь ногомъ на обалу ступіо, съ каквомъ самь ли є радостію полюбіо! — Садъ дакле ево ме у твоимъ рукама, Діонисіе; ослободи могъ пріятеля, па после тога некъ истргну мачъ и некъ ме посѣку твои целати или мои убійце, кои ево овде стои (показиваюћи на Палинура).

Діонисіє. Шта я чуємъ Палинуре? Одма говори истину, или найстрашнія мученія изтргнућеду ти ю изъ устій таки!

Палинуръ. Господару! твой любимацъ є страшпін него ты; я самь морао нѣгову заповѣеть испунити. Гелонъ ми є строго заповѣдіо, да бацимъ Питіаса у море, кадъ ноћь наступи.

Питіасъ. Ахъ! Гелоне, праштамъ ти што си мене у измышлѣно преступленіе кодъ Цара облагао, за моћи мое благо прождерати; некъ ти є просто одъ Бога и то, што си се на мой животъ покусіо: али шта ти є мой другъ, добродѣтельнѣйшій Дамонъ учиніо, те си и нѣга тако безбожно уплео у мою погубель?

Діонисіє. Одговарай, злодѣю!

Гелонъ, (у найвећемъ смущенію). Заръ се сумняте, Господару, да самь я то само због ваше безопасности учиніо.

Діонисіє. Гнусный и подлый клеветниче! іошъ смѣшъ лагати! Питіасъ є бію невинъ, то си ты добро знао. Пріятельство никадъ не може до такогъ степена узвысити людє, кои имаю подло срце. — Благородни пріятельи! вы сте слободни; а вы злодѣи, одлазите на смрть! Аргусе! одведи ій и предай смрти.

Питіасъ. Стани, Діонисіє; ты си овай часъ почувствовао, да правосудіе єсте найлепша стварь на свету.

Дамонъ. Знай такођеръ, Діонисіе, да милосрдіе и великодушіе єсу найкрасніе добродѣтельи; милосрданъ и великодушанъ човекъ єсте любимацъ богова: буди милосрданъ и великодушанъ.

Діонисіе. Какви сте вы люди васъ двоица, вы, кои за подле ваше убійце, любите мое ноге и умолявате мое великодушіе! А, не, то не може быти; они мораю умрети! То едно морамъ я вама одказати; друго иштите одъ мене што годъ хоћете, добродѣтель ваша дае вамъ право на све. — Иди мрзкій Гелоне! иди тражи и ты себи пріятеля, кои ће мѣсто тебе животъ свой жертвовати; ако га нађешъ, праштамъ ти животъ.

Дамонъ и Питіасъ. Ахъ! Господару!

Діонисіе. Ништа не асни. Толико невинне крви што самъ я досадъ проліо, пакъ заръ гнусне преступнике да опростимъ? то не може да буде! Мыслію самъ, да е мой любимацъ честанъ и поштенъ човекъ, а онъ е найопасніи човекъ и найжешћій злодѣй на свету. То и єсте найвећа несрећа готово свакогъ владѣтеля, што се ласкательима и подлѣцима вовѣраваю, кои умеду ій искусно лагати и варати, и тимъ начиномъ на свако зло наводити; а добре и честне люде, кои имъ истину и правду говоре, удаляваю отъ себе. Далъ самъ и я на то осуђенъ, да никадъ честна и поштена човека не могу кодъ себе имати? Одъ васъ двоице само, несравнени смртни, одъ васъ очекуемъ я ту срећу. Оставите ми ту надежду, да ћу и я некада быти трећій у вашемъ пріятельству.

Г. Л. З.

8.

ТУЛЛІУСЪ ТЕРЕНЦІИ СВОІОЙ, ТУЛЛІОЛИ И ЦИЦЕРОНУ СВОМЪ ПОЗДРАВЪ ШИЛЋ;

(у време Пизона и Габинія Конс. 696.)

(Изъ Цицерона съ Латинскогъ 1830.)

Немой мыслити, да я икоме другомъ дужа писма пишемъ, осимъ ако бы ми ко повыше писао, коме бы мысліо да одписати валя. А и немамъ шта писати: нити засадъ ишта теже чинимъ. Теби пакъ и Тулліоли нашой ніе ми могуће безъ силны' суза' писати. Єръ я видимъ, да сте вы найнесрећніе, кое самь я желіо найсрећніима видити, и то ми е и учинити валяло; кое бы заиста и учиніо, да нисамь тако страшльивъ быо. Нашъ Пизонъ заслужуе, да га я превеђ любимъ. Нћга самь я, како самь могао, у писму посавћтовао, и благодаріо самь му, као што е требало. Видимъ да у новима Трибунима народнима надежду имашь. То ће быти стално, ако Помпеіова воля буде: него се я опеть Красса боимъ. Я видимъ, да ты све съ найвећомъ крћпостю и любавю чинишь: нити се томе дивимъ: али ми е тужанъ случай таковый, да се мое неволћ съ толикима твоима неволяма олакшаваю. Єръ е мени П. Валерій, човекъ поузданъ, писао то, што самь я са найвећимъ плачемъ читао, како су тебе одъ Весте къ лику Валерієвомъ вукли. Ей, светлости моя, жељо моя! да тебе, одъ кое су сви помоћи искали, тако огорчаваю, и да ты у сузама и смраду

лежишь! И то да съ мое кривице быва; я самъ друге сачувао, а мы да пропаднемо! Што ми о куhи пишешъ, то есть о двору: мени се види, да hу я текъ онда повраhенъ быти, кадъ намъ се онай поврати. Али то не стои у нашой руци. Мени е жао, да трошакъ, кои чинити треба, ты сирота и оплhнена чинишь. Ако посао изведемо, све hемо добыти: ако ли насъ непрестанно несреhа узгони, заръ ты ядница и останке твое да бацишь? Молимъ те, животе мой, што се трошка тиче, пусти нека други, кои могу, ако само оhеду, чине: и то твое слабачко здравлhе немой мучити, ако мене любишь; зашто ты мени и данъ и ноhь предъ очима стоишь. Я те гледимъ, гди све послове сносишь, па се боимъ да издржати нehешь. Али опетъ видимъ, да е све у теби. Зато да бы то, чему се надашь и што радишь, получили, здравлhе твое чувай. Я незнамъ, коме да пишемъ, осимъ онима, кои мени пишу, или онима, о коима вы мени штогодь пишете. Далhе, будуhи да вы тако желите, нehу иhи: али желимъ, да ми само вы често пишете, нарочито, кадъ бы се чему сталноме надати имали. — У Тессалоники.

М. Светиhь.

9.

ДВА СОКРАТОВА РАЗГОВОРА.

(Съ Еллинскогъ изъ Ксенофоновы Знаменитостій.)

а.)

СОКРАТЪ ПОМИРУЄ СВАЂЕНУ БРАЋУ.

Чувши некако Сократъ, да Херефонъ и Херекратъ, два рођена брата, а нѣгова мила пріятеля, у братской слоги и любови не живе, и спазивши негде Херекрата стане съ ньиме овако беседити: Сокр. Кажи ми, Херекрате, нисли и ты єданъ одъ оны людій, кои мысле, да имъ є стока у кући одъ веће корысти, него ли ньинъ братъ? и то, кад' є ова безумна, а онай словесанъ и разуманъ, кад' стоки треба нега и тимаренѣ, а братъ намъ є готова подпора и помоћь, и кад' намъ є у кући толика силна марва, а братъ само єданъ єдиный! — За чудо ми є, кад' когодъ држи, да су му браћа нѣгова одъ штете за то, што и одъ ньиногъ иманя ніе господаръ, кад' не сме рећи, да су му и сви остали сограђани одъ квара, што и одъ ньине имовине ніе властанъ; но овде се може мыслити, да є болѣ и паметніе, на маломе своме оброку быти задоволянъ, па безбедно међу млозиномъ живити, него, сво осталы сагра ђана' благо у рукама имати, па съ ньимъ изванъ людске дружине у стра'у и немиру саможиваць се-

дити; а овако о браћи своіой не зна судити! Та имућни и роблѣ одкуплюю, да посленика' у дому своме имаю, и на свакояке начине гледе, како ће да стеку што више могу пріятеля', знаюћи, да ће имъ они у свачему десна рука быти, а люди браћу свою одъ себе одбацую, као да само одъ неєднокрвны граћана' бываю пріятельи, а одъ єднокрвне браће такови никако не изилазе. Сила чини пріятельству, кадъ смо одъ єдногъ отца и майке роћени, а іошъ већма му помаже, кад' смо заєдно одрапћни и воспитани; єръ видимо, да и кодъ самогъ звериня и жиовтны међу оныма, што су одъ малена у скупу одрастла и одранила се, яча любовь єдногъ према другоме царуе; къ томе и млоги неураћени люди више поштую оне, коє имъ є ньинъ отацъ и майка родила, нег' оне, кои су одъ други' родителя' на светъ донешени, и свагда манѣ на оне, него на ове, мрзе и наскачу.

Херекр. Али, Сократе, кад' не бы томе важногъ узрока имао, онда бы ми можда валяло брата трпити, а не због коєкаквы пошурица' одъ нѣга бегати; єръ, каошто ты велишъ, красна є ствары братъ, кад' є онакій, какавъ треба да є. Но кад' брату каквом' не достае оно, што бы га братинске любови достойнымъ чинило, кад' бы браћи съ ньиме све наопако и суновратце ишло и кад' бы имъ немогуће было, на добро га окренути, шта бы се залуду мучили? Сокр. А шта ти се чини, Херекрате, єда л' Херефонъ ником' другом', као ни теби, не може угодити, или има, коме и одвећъ добро говети зна? Херекр. Та тога ради, Сократе, и вредно є, да я на нѣга мрзимъ, што

другима може по вольи ићи, а мени, гдегодъ се са мномъ деси, свагде ми и деломъ и реч'ма, више штете, но ползе причинява. Сокр. Дакле као што є невештоме яшачу конь, кога се онъ усуђуе огледати, више одъ квара, него одъ корысти: тако є и братъ брату, кои га не зна употребити, правый губитакъ. Херекр. А како бы я невештъ было, съ братомъ се палазити, кои знамъ и добро говорити свакоме, кои са мномъ добро говори и добро чинити ономе, кои мени добро чини? А ономе боме, кои гледа, како ће мене и деломъ и реч'ма вређати, не могу, пити добре речи дати, нити му какво добро учинити, и нити ћу икада о томе бригу имати.

Сокр. Да смешанъ ты си, Херекрате! Та кад' бы ты єдном' псу, кои бы ти за овце сгоданъ было и кои бы се свагда око' пастыра' твои' стада' умилявао, а кад' бы ты къ стаду каквом' дошо, онъ бы онда, не знаюћи, 'ко си, на тебе трчао и лаяо, кад' бы, велимъ, ты такоме псу опростіо и не бы се за то ни наймање на нѣга лютіо, већъ бы зацело гледао, како бы га лепым' реч'ма ублажіо и заћуткао, єда л' ти исто тако и брата твога, за кога кажешъ, да бы ти было велико благо, кадъ бы было онакій, какавъ треба да є, и исповедашъ, да знашъ и добро говорити и добро творити, не треба вешто ловити и свакояко о томъ настояти, како ће ти онъ валянъ и по вольи быти? Херекр. Боимъ се, Сократе, да нећу имати толико мудрости, коіомъ бы учиніо Херефона према мени онакогъ, какавъ треба да є. Сокр. Али, како се мени чини, ништа ти особито ни ново ніе нуждно на нѣга смышляти, кад' мы-

слимъ, ако онъ одъ тебе само онымъ, што ты већъ добро знашъ, уловљенъ буде, да ће те врло уважавати и чествовати. Херекр. Па дела, Бога ти, кажи ми, ако дознаєшъ на мени какву таку примату, коіомъ бы брата мога къ себи домаміо и кою я никако не осећамъ да имамъ.

Сокр. Кажи ми дакле, кад' бы кога одъ твои' познаника' тео учинити, да те зове на часть, кадъ какву жертву за какво одъ Богова' учинѣно му добро приноси, шта бы радіо? Херекр. Та то се зна, да бы найпре я нѣга звао на часть, кадъ бы я какву жертву давао. Сокр. А кад' бы кога одъ пріятеля' тео понудити и приволети, да ти домъ и што ти є на дому нагледа, кад' бы кудъ на путъ отишао, шта бы онда радіо? Херекр. Я бы гледао, да добыемъ прилику, кад' бы онъ кудгодъ на путъ отишао, да се я о нѣговом' дому старамъ. Сокр. А кадъ бы радъ био, странога каквога учинити, да те лепо и свесрдно дочека, кадъ бы ты у нѣгову постойбину отишо, шта бы тада чиніо? Херекр. Я велимъ, да бы я првый нѣга дочекао и подворіо, кадъ бы онъ у мою постойбину Аѳину дошо; и кадъ бы я тео, да ми онъ свымъ срдцемъ и своимъ душомъ изради што, за што бы я къ нѣму дошо, то се таки види, да бы то исто найпре я нѣму морао чинити. Сокр. Дакле ты знашъ све, коє и други люди знаю, намаме, па си ій тако яко крыо! Єда л' се затежешъ и нећешъ да почнешъ съ братомъ се твоимъ мирити за то, што ће ти срамота и стыдъ быти, ако ты првый нѣга съ добрымъ къ себи узпривлачишъ? Ты знашъ ли, да є онай мужъ найвеће чести и

фале достоянъ, кои се труди, непріятелѣ и злураде своє добрымъ у пріятелѣ претварати, а пріятелѣ и доброжелателѣ своє, доброчинствомъ іошъ у већу любовь и пажню према себи доводити. Да се дакле мени Херефонъ учиніо быо способніи и мужественіи, него што сн ты, за ово дело, я бы се заиста упео, да га натерамъ, да се онъ найпре почне око' тебе умилявати и съ тобомъ се слюбльивати; но кадъ ми се ясно види, ако бы ты почетакъ помиренія тога быо, да бы оно брзо по жельи нашой за рукомъ изишло, то самь се [теби на вратъ попео. Херекр. Смешно говоришъ, Сократе, и никако ти не доликує, да ты тако мударъ мужъ зактевашъ, да я, као млађій, правимъ себе одъ мога брата старіимъ. Та то се кодъ свію людій за противно држи; єръ законъ є у ньи', да свагда старіи и у делу и у реч'ма предъ млађима преднячи.

Сокр. Како то? Ніє ли кодъ свію народа' тай обычай, да млађій старіему, кадъ се где съ ньиме сукоби, првый съ пута сврне? или, ако седи, да предъ ньимъ устане? или, ако му старіи на пренокиште дође, да га мекомъ своіомъ постельомъ послужи, а онъ да лежи на тврђой? или, ако старіи што говори, млађій мора найпре да уђути? — О сладкій мой! Немой толико оклевати, но прегни се и што брже блажи брата свога, кои ће ти се, душе ми мое, врло лако дати довити и покорети. Не видишъ ли, како є честолюбивъ, подашанъ и гибакъ? Зле и лукаве люде другчіе никако не можешъ уловити и на свою страну привући, већъ ако имъ што поклонишъ, а добре и благе душе, све си лако придобыо, само, ако съ

ньима любко и умилято поступашъ. Херекр. Али, ако я све то и узчинимъ, а онъ ми ништа больій не буде, шта ћу онда? Сокр. Шта ћешъ више, кад' ћешъ тада улучити прилику, показати, ты да си добаръ, честитъ и братолюбивъ, а онъ да є рђа, пропалица и недостоянъ твога доброчинства. Но тврдо мыслимъ, да до тога неће доћи, кад' самъ уверенъ, да ће се братъ твой, кад' осети само да га ты на ту борбу позывашъ, яко пожурити, да те у ньой, и деломъ и реч'ма добро ти чинећи, надяча. Вы се садъ єданъ према другоме тако налазите, као кад' бы руке, кое є Богъ за то створіо, да єдна другой помоћь придаю, одъ тога посла одустале, а дале се на то, како ће єдна другой, у чему годъ може, сметати; или, кадъ бы ноге, кое су Божінмъ промысломъ на то створене, да се єдна на другу у своме послу узаймично ослањаю, то са свимъ на страну оставиле, а латиле се тога, како ће єдна другу што више и вештіе спотицати. Та не бы ли то крайна глупость и несрећа была, кадъ бы оно, што намъ є на ползу дано, употребльивали на собствену штету и убитакъ? А браћу є, чини ми се, Богъ створіо, да су єданъ другоме одъ веће корысти и добытка, него што є рука руцы, нога нози, око оку и друго коєшта, што є на люд'ма равнога лика и вида нарастло; єръ руке, кад' бы имъ нуждно было у исто време урадити оно, што само на єданъ сажань (фатъ) далѣ одъ ньи' одстои, нипошто не бы могле; ноге пакъ не бы могле досећи у єданъ ма' ни до оногъ, што є далѣ одъ ньи' поо, или мало више сажня; а очи, за кое велимо, да найдалѣ допиру, не бы быле у станю у єданпутъ видити

све оно, и што є предъ ньима и што є за ньима, нек' бы имъ то и сила ближе одъ єдногъ сажня было; али браћа, нек' су колико єданъ одъ другогъ далеко удалѣни, само да се пазе и любе, опетъ могу єданъ другоме свеєдно, како годъ да су и заєдно, одъ велике ползе быти.

б.)

СОКРАТЪ ПОДСТРЕКУЄ НА ДОБРО ОНЕ, КОИ ДОБРО ЛЮБЕ.

Разабравши єдномъ Сократъ, да є некій Діонусодоръ дошо у Аѳину и издавао себе за учителя войводованя, и смотривши у єдном' одъ свои' млады ученика' велику желю, да бы се радо у граду и држави Аѳинской именомъ войводе поносіо, стане му овако беседити: Срамота є, Бога ми, младиѣу! за онога, кои є радъ у држави своіой войводомъ постати, а неће да научи найпре, како треба войводовати, па іошъ кад' се има чимъ и одъ кога. Такій човекъ праведно бы было, да одъ државе већма оглоблѣнъ буде, него єданъ кипотворацъ, кои бы резао и склапао одъ каменя целокупне умрле, но заслужне мужеве, а нимало ніє кипотворство учіо; єръ кад' се цела држава у ратным' временима и бедама єдном' войводи поверава, онда, ако є войвода вештъ у своме послу и свагди напредує, млога добра за државу произиѣи мораю, а ако є неумешанъ, па свуда люто греши,

онда се за отечество неброєни яди рађаю. Како дакле не бы у правди свакій онай найвећу глобу претрпіо, кои бы желіо, да избранъ буде за войводу, а овамо лењ є, вештини се той изучити? Овако говорећи Сократъ примора младића, да оде Діонусодору и войводованю се учи. По времену пакъ, кадъ младићъ свыкне речено знанѣ и доће опетъ натрагъ Сократу, овай се почне съ ньимъ шалити и овако разговарати: Сокр. Шта велите, люди, ніє л' истина, да као што є Омиръ Агамемнона мужественымъ назвао, тако садъ и овай младићъ, научивши, како треба войводовати, мужественіи, нег' што є пре было, изгледа? Єръ, као што онай, кои є гудити научіо, ако и не гуди, опетъ се правый гудацъ зове, и онай, кои є научіо лечити, ако никогъ и не лечи, опетъ име доброга лекара на себи носи: тако и овай младићь, одъ данасъ є суштій войвода, ако га нико у држави и не узима за войводу. А онай, кои ово не зна, нити є гудацъ, нити лекаръ, нити правый войвода, ма га сви у држави живи люди за такова признали и избрали. — Но, ако бы кои одъ насъ, коє се лако може догодити, подъ твоіомъ, младићу, владомъ, или тысућникомъ или сотникомъ постао, то, да бы онда и мы искусніи у войничком' знаню были, кажи намъ, одкуда те є Діонусодоръ почео учити войводованю? Млад. Како є почео, мало є другчіе терао, па после свршетакъ было є раванъ почетку; єръ осимъ поредачности (*ταχτικῆς*), другоме чему ніе ме ни учіо.

Сокр. То є боме врло мала часть одъ войводованя; єръ єданъ войвода треба да є и кадаръ, све оно, што є за ратъ потребно,

преправити, и вреданъ, рану и пиће за войску набавити, и досетльивъ, и радинъ, и журавъ, и стрпельивъ, и оштроуманъ, и благъ и суровъ, и простъ и лукавъ, и опазанъ и преварльивъ, и попуштачъ и грабльивъ, и издашанъ и тврдица (πλεονέκτης) и обезбедльивъ и насртачь, и другo коєшта млого и одъ природе и одъ науке мора имати онай, кои є радъ, добрымъ се войводомъ называти. Но лепа є ствaрь быти и поредачнымъ (ταχτιχὸν); єръ велика є разлика између єдне поредачне и непоредачне войске. Као што каменѣ, черпићи (πλίνθοι), дрва и црепови (ћераміде) кад' су коекако разбачени, ни за што не вреде, а пошто се понаслаже одоздол' каменѣ, кое одъ земляне влаге не труне, а одозгор' поређаю црепови, коє киша и снегови не топе, па измеђ' овы у среду дођу непечене циглѣ (черпићи) и дрва, каошто намъ є познато, да у зданіяма быва, онда ти изъ ньи' єдна ствaрь одъ велике цене, мила кућа, постане; тако ти є и съ уредномъ, или неуредномъ войскомъ. Млад. Ала си, Сократе, съ тымъ нешто наликъ реко! Єръ и у рату, предньій и стражньій редъ треба одъ найбольи' войника' саставити, а измеђ' овы трпати оне найлоше и страшльиве, на начинъ, како ће ій они предньи за собомъ водити, а они стражньи предъ собомъ турати.

Сокр. Ако те є дакле научіо учитель, и како ћешъ добре одъ рђавы войника' разазнавати, то є добро, ако ли пакъ ніе, шта ти помаже само оно, што си до садъ научіо? Єръ, кад' бы ти 'ко заповедіо, да и сребро, оно, што є найчистіе доле и горе метнешъ, а оно, што є мешовито и неваляло у среду међ' оно добро

ставишъ, а ты ниси ни одъ кога слушао, како се разликує сребро чисто одъ лажнога, никакве ти ползе одатле не бы было. Млад. Бога ми и ніе ме Діонусодоръ научіо, кад' бы нужда была, како треба добре одъ рђавы, а лоше одъ валяны воякa' разпознавати. Сокр. Шта велишъ дакле, бы ли добро было, да мало проразсмотримо, како ни у той ствари не бы погрешили? Млад. Добро, те како добро! Сокр. Дакле кад' бы намъ гди сребро требало грабити, ако бы напредъ све саме сребролюбиве прси понаређали, бы ли добро урадили? Млад. Мени се тако чини, да бы. Сокр. А кад' бы намъ гди до густа дошло и нашли се у каквой опасности, бы ли онда валяло, понамешћати напредъ све саме честолюбивце? Млад. Бы, како не; єръ то су они, кои за похвалу на сваку беду радо насрћу и гину. Сокр. Нису дакле такови ради быти незнатни и нечувени, но, желећи свагди образъ осветлати, увекъ се на сваку опасность лако прегиню. Но збиля! Еда л' те є Діонусодоръ научіо то, како треба войску само у редъ метати, или ти є іошъ казывао, и кудъ и на кою руку сваку чету и крыло валя окретати? Млад. Ніе ме ништа даље одъ тактіке учіо. Сокр. Али, сынко, млога су места и прилике, кадь войску, нити ређати, нити водити, по єдномъ и истомъ начину треба. Млад. Ни одъ тога боме ништа ми ніе изяснывао. Сокр. Бога ми, млад' юначе, опетъ иди къ Діонусодору и све ово по реду лепо одъ њега прими; єръ, ако онъ самъ добро вештину войводованя зна, и не буде бездушанъ и безобразанъ, смачно ће се стыдити, кад' ти є толике новце већъ за ню поузи-

мао и ioшъ ће узети, да те ненаучена одъ себе пусти.

В. Радишићъ.

10.

РОДИТЕЛЬИ! ЧУВАЙТЕ ДОБРО ДЋЦУ ВАШУ ОТЪ СЛУГУ И СЛУШКИНЯ, АКО ЖЕЛИТЕ ДА ВАША ДЋЦА ДОБРИ И ПОШТЕНИ ЛЮДИ ПОСТАНУ.

Нейма вароши, нейма села, гди се имућни родитељи не бы тужили, да су имъ дћца зла и неваляла. А зашто дћца, често са нћжнимъ и добримъ срцемъ, постаю зли и неваляли люди? Зато, што се млоги имућни родитељи брину само о напредку свогъ иманя; а то што имъ є найскупоцћніє на свету — дћцу свою они оставляю, да се са глупимъ, развратнимъ и распутнимъ слугама и слушкиняма забавляю и време проводе. — Исторія мале и добре Елисавете посведочиће ову истину.

Сладка майко, допусти ми молимъ те, да идемъ мало кодъ Любице; я самъ се данасъ добро и учила и владала, рекне мала Елисавета своіой майци.

То не може быти, моє драго дете, одговори іой мати.

А зашто то? запыта Елисавета.

Я ти нисамь дужна казати зашто, рече іой мати. Дѣте треба свакій путъ да испунява заповесть своій родителя, безъ да пыта: а зашто, а крошто? Но я самь рада увѣрити те, да ти я свагда добро желимъ, кадъ ти нешто заповедамъ или забранюємъ, и зато оћу да ти засадъ кажемъ, зашто те не пуштамъ къ Любици. Ко бы радіи быо него я, кадъ бы ты имала єдну добру другарицу, съ коіомъ бы се ты могла играти, и отъ коє бы ты могла и нешто паметно научити; одъ Любице не можешъ ты ништа доброга ни чути ни видити: то є єдна мала девойчица, но велика лажльивица, сплеткарица и све шта ћешъ. Она лако може и тебе покварити, ако се будешъ съ ньоме често мешала.

Молимъ те сладка майко, само на по сата.

Ни речи выше да ми ни си о томе говорила! рекне іой мати; ты знашъ да я отъ моє речи не одступамъ.

Елисавета кадъ види да іой молба ништа не помаже, снуждена изиђе у другу собу, седне у буџаку и почне горко плакати.

Злонравна и лукава слушкиня ньіова, Анђелія, башъ у тай паръ уђе у исту собу, и нађе Елисавету, гди горке сузе рони. Е! а шта є то, господична Савкица; та вы плачете чини ми се? Да васъ ніе когоћъ увредіо? Болилъ васъ штогоћъ? Кажите и мени, да знамъ шта вамъ є.

Елисавета. Окани ме се богати Анђо! Шта ми ты можешъ помоћи?

Слушкиня. Вы то не можете знати; може быти да вамъ и могу помоћи. Господична Люба, кадъ самь кодъ нѣны родителя служила, увекъ є мени казивала, кадъ іой є што на срцу лежало. Сладка Анѣице, говораше она, вишъ како самь несрећна; тела бы то и то, па ми майка не да! можешъ ли ми ты помоћи? и я самь іой свакій путъ у нужди помогла.

Елисавета. Не поможе ми ты, я ти кажемъ; остави ме богати на миру!

Слушкиня. Идемъ дакле да зовемъ вашу мамицу; она ће вамъ заръ моћи помоћи. Я не могу да трпимъ, кадъ видимъ да така єдна лепа господична плаче.

Елисавета. Е! башъ си погодила ко ће ми помоћи.

Слушкиня. Яо мене тужна! та да васъ ніе она и увредила?

Елисавета. А кои бы ме другій могао увредити?

Слушкиня. То я не бы никадъ вѣровала! Да, я самь већъ много пута видила, гди васъ она за найманю ствaрь яко кара, па ми є то мука на срцу было. Майка ваша требало бы да зна, да вы ниете некаква сеоска девойчица, већъ сте єдна лепа господична, кою бы валяло мало више штедити.

Елисавета (плаче што игда може). Глава оће да ми се распадне, тако ме яко боли.

Слушкиня. Како васъ не бы болела! Гле, како су вамъ се очи надуле; баремъ кадъ бы знала шта вамъ є, заръ бы се нашао кодъ мене лекъ. Да се то господични Любици дого-

дило, она бы мени таки казала шта ню тишти.

Елисавета. Я ти не смемъ казати.

Слушкиня. Та мени башъ толико ніе ни стало да то знамъ. Но чини ми се да вы зато плачете; што мамица ваша сутра иде у госте, а васъ оставля кодъ куће. Додуше не бы валяло, да съ вама тако поступа!

Елисавета. А, ніе то; майка ће да ме води у госте: но друго є мени.

Слушкиня. Е, па добро моя господична; сутра дакле вы нећете быти жалостни. Но я бы рада была, да васъ данасъ развеселимъ. Оћете л' да вамъ зовнемъ Любицу; то є єдна врло весела и разговорна господична; съ ньоме ћете вы време пріятно провести.

Елисавета. Ха! башъ си погодила! добро бы ми посао уредила, кадъ бы то майка дознала!

Слушкиня. Шта! съ ньоме заръ да вы не смете сиграти? Млада єдна господична, као што сте вы, треба да има и женскогъ и мужскогъ дружства. Мамица ваша оће заръ, да вы као калуђерица живите?

Елисавета. Строго ми є забранила да се съ ньоме виђамъ и сиграмъ.

Слушкиня. Томе се я не бы надала. Смешна ли є та ваша мамица, забога! та све су майке такве данасъ; ништа нећеду да чине деци по вольи. И Любичина майка чиняше тако исто: немой ћерко да сиграшъ съ ономъ, немой да се мешашъ съ онимъ. Но опетъ зато уме-

ли смо мы напъ посао уредити тако, да она краєве наше ніе никако могла уватити.

Елисавета. А како сте вы то чинили?

Слушкиня. Лепо. Чекали смо докъ бы ко съ визитомъ дошао къ госпои, или кадъ бы она съ визитомъ куда отишла; онда бы Любица отрчала у комшилукъ къ Єци, или бы ю къ себи дозвала, те бы се досита наразговарале о кавалерима и о лепимъ альинама.

Елисавета А заръ майка нѣна ніе то дознала?

Слушкиня. Никадъ. Нѣна сладка Анѣица умела є то лепо да уреди, тако, да у две године дана докъ самъ я кодъ ньи у служби была, господична Любица могла є чинити све што є хтела и ньи кудъ іой воля была, па ю глава никадъ ніе заболела. Мы слуге и слушкинѣ не умемо читати и писати, то є истина; али што се тиче майсторіе како валя на свету живити, то и адвокати не могу съ нама изиѣи на край.

Елисавета. Но ако я отидемъ къ Любици, па майка запыта за мене, шта ћемо онда?

Слушкиня. А заръ я не умемъ казати: башъ садъ узе кньигу и оде у башчу; или, ено є у малой соби гди штрика; знамъ я шта ньойзи валя казати, немайте вы бриге.

Елисавета. Е, кадъ бы я знала, да само майка неће дознати!

Слушкиня. Сто очію и сто ушію да има, па опетъ неће дознати гди сте, кадъ вамъ я кажемъ. Идите вы само кудъ сте наумили, а за друго не бринте се.

Елисавета. Идемъ дакле кадъ є тако; али сладка Анђице, гледай молимъ те да не дозна майка!

Такимъ начиномъ злонравна Анђелія превари добру и послушну досадъ Елисавету, коя тай истый данъ преступи заповесть своє майке и отиде къ Любици. Она є то и више пута чинила, и срећно є пролазила доникле, єръ є слушкиня умела майсторски лагати и свою госпою варати.

Неки люди умеду задуго сакривати своя зла дѣла; но свакій злочинацъ нскъ узме себи у главу, да на овомъ свету ништа се не може сакрити, и да свако злочинство, макаръ кадъ было, мора на светъ изићи и примити свою каштигу: то є вѣчный законъ Творца неба и землѣ.

И преварена Елисавета ніє задуго уживала плодъ нѣногъ преступленія. Пре тога, докъ є чисту совѣсть имала, была є она свагда весела и задовольна; съ ведримъ лицемъ и скакаюћи сретала є она свою майку, као што обычно чине дѣца, коя се неймаю чега бояти. Но ахъ! све є за ню страшиломъ постало отъ тогъ доба, отъ како є она преваромъ злонравне слушкинѣ у искушеніе пала; хиляду црны мыслій трзале су душу нѣну. Невесео погледъ отца или майке своє, а доста често и ласке ньове бацале су Елисавету у сумню, и она є мыслила, да є поступакъ нѣнъ већъ познатъ родительима. Но ово є текъ почетакъ нѣне злопатнѣ быо. Лукава Анђелія кадъ є већъ была уватила безазлену Елисавету у свою мрежу, као што паукъ вата муву, могла є съ ньоме чинити све шта є гоћъ хтела.

Никадъ зли и лукави люди добру дѣцу бадава не наговараю на зло, већъ само съ тымъ намѣренѣмъ, да после тога лакше могу свою корысть наситити; а то є и Анѣелино намѣренѣ было. Невинна Елисавета мыслила є у почетку, да слушкиня нѣна угаѣа ньойзи за любовь и безъ икаквогъ интереса, и текъ после некогъ времена могла є она опазити кудъ є загазила. Анѣелія употребляваше свакояке майсторіе око Елисавете, да бы само могла што выше отъ нѣ изварати; она фаляше доброту Любице, често приповедаше како є она ньойзи кафе, шећера и млого кобшта крадомъ давала. Елисавета, као дѣте, ніе се могла досетити лукавству нѣне слушкинѣ, и за придобити такоѣеръ нѣну похвалу, почела є и она крадомъ давати Анѣеліи све што бы гоѣъ отъ нѣ заискала.

После некогъ времена совѣсть поче гризти Елисавету, и она у самоѣи често бы о своемъ поступку мыслила и овако разсуждавала: Милый Боже, шта ли ће найпосле са мномъ быти, кадъ майка дозна, да самь я нѣну заповесть преступила; какву ли ће она тугу и муку на срцу имати, кадъ чуе да самь и крадльивица постала! Овако мыслеѣи устраши се Елисавета своѓъ поступка, и яви Анѣеліи да іой унапредакъ ништа выше крадомъ давати не може, єръ ће ю и Богъ зато каштиговати. — Чуюѣи ове речи злонравна Анѣелія окрене другій листъ; она почне Елисавети претити, да ће све майци нѣной казати, ако не буде волю нѣну испунявала, и цепове нѣне као досадъ напунявала. Ни молба, ни горке сузе, ништа ніе могло помоѣи Елисавети, и она морала є іошъ неко време поко-

равати се оной, коя є пре тога ню слушати морала.

Скоро после тога дође Анђелія къ Елисавети, и заповедаюћимъ гласомъ рекне іой: Господична Савка, даємъ вамъ на знанѣ, да є сутра могъ роѣеня данъ, и да я моє пріятельице и пріятелѣ оћу да частимъ; зато дакле до два сата имайте ми набавити подоста кафе и шећера, а вечерасъ даћете ми и ключъ отъ подрума, да я себи вина набавимъ колико ми буде отъ потребе.

Садъ се нађе Елисавета у чуду; садъ текъ познаде она да є далеко забраздила. Она є мыслила, да ню изъ те пропасти нико не може спасти; но богобоязльивость, коя є досадъ многе люде сачувала отъ погибели, спасла є у овомъ случаю и Елисавету, коя є у ово магновеніє ока почувствовала истину поученія своє майке. Госпоя Спасићка (тако се зваше Елисаветина майка), често бы іой говорила ово наравоученіє: Срећанъ є онай, кой се при првой погрешки освести и покає; єръ човекъ кадъ оће свою прву погрешку да сакріе, онъ обычно пада у другу већу, а изъ погрешке прелази у преступленіє, па га найпосле мора и Божія и людска каштига постиђи.

Устрашена будући овымъ речма, Елисавета уђе у свою собу, клекне предъ икону и почне горке сузе ронити, говорећи: Преблагій Боже! садъ видимъ како є несрећанъ онай, кой твою заповедь преступа. Преваромъ коварне слушкинѣ, я самъ пала у искушеніє; садъ морамъ я лагати, и ньойзи за атаръ морамъ красти: а то є и теби и родительима моима противно.

Дай ми Боже силу и крѣпость, да могу изъ ове пропасти изићи, и опрости ми согрѣшенія!

После ове молитве Елисавета сабере своє силе, скрепи срце и отиде управо къ майци, те іой сама яви своє преступленіе, и клечећи предъ ньомъ молила ю за родительско опроштенѣ, обећаваюћи се да никадъ выше неће преступати родительску заповесть.

Свакій може себи лако представити, колико є срце майчино уцвѣлѣно быти морало, кадъ є то изъ уста нѣне роћене ћерке чула. Госпоя Спасићка одма яви овай жалостный догађай мужу своме Г. Спасићу; онъ одма дозове Анђелію предъ себе, искара ю и заповеди іой, да онай часъ изъ куће изиће. После тога отацъ и майка стану свою кћерь совѣтовати, и представе іой сву опасность, у кою є она была загазила; а да бы кћи ньіова увекъ памтила пропасть, изъ коє се она помоћію Бога избавила, Г. Спасићъ са великимъ писменима напише ове речи, коє су у соби Елисаветиной висиле, и коє є она свакій данъ читати морала:

Кой се отъ добродѣтельи удалява,
Онай се къ несрећи приближава.

Г. Л. З.

11.

НА ДОБРОМЕ СЫНУ ПОЧИВА БЛАГОСЛОВЪ БОЖІЙ.

(Изъ часова одмора (Feierſtunden) одъ Еберсберга.)

Колике бѣде и бриге причинявамо мы милимъ родительима нашимъ одъ оногъ часа, кадъ се на светъ родимо па до пунолѣтства нашега, а доста пута іошть и далеко дуже одъ овога. Мы смо имъ непрестанный предметъ нѣжности ньіове, брижльиве любови ньіове и найтрогателніи свѣдочба неброенны ньіовы пожертвованія. Доиста, никакавъ сынъ, никаква кћи ніе кадра, жарку любовь своій родителя съ равномѣрномъ благодарност'ю игда накнадити. Ово, свакоме на свѣту човеку уроѣно чувство, ова неопровергаема истина чини, да люди неблагодарность према родительима као найподліи одъ свію порока сматраю и нѣ се гнушаваю; ово исто чувство напротивъ чини, да свагда особиту нѣку и благотворну радость у срцу осећамо, кадъ у благороднимъ срцама надвѣсуюће теженѣ къ испунѣнію найсветіе дужности, благодарности, нађемо.

„Почитуй Оца и Матерь; па ћешъ быти срећанъ на Земльи!“ Ово Божіе обећанѣ нарочно є врстный Вукасовићъ на себи самомъ на срећу свою и возбуђуюће поученіе за друге искусіо.

Царица Марія Терезія была є истинита мати народа своєъ. Никакво благодѣтелно или учебно заведеніе ніе се игда лишавало нѣнога свагда бдителногъ, любкогъ стараня. Међу осталыма поодила є она выше пута у години Бечку воєнну Академію, у коіой се понайвыше сынови сиромашны и заслужны Офицыра о Царскомъ трошку за воєнно станѣ воспитаваю и примѣрно изображаваю. Съ нѣжнымъ участіемъ разпытивала є она свагда о станю овогъ Заведенія, о отношеніяма питомаца и поведенію ньіовомъ. „Кои се одъ моіи любезны сынова,“ запыта она єдномъ достойногъ Началника Академіе, „найболѣ влада?“ — „Ваше Величество,“ одговори овай, — „они су сви добри, сви су достойни высочайшегъ покровительства Вашегъ; али є младый Вукасовиѣъ найбольій одъ свію.“ Тако є хваліо Началникъ, тако су похвальивали и сви осталіи Учительи врстногъ младиѣа.

„Я вечь често слушамъ похвалу младиѣа тога,“ продужи благородна Монархиня, и погледа Далматинца, кои предъ ньомъ зарумениившисе съ найвећимъ страхопочитаніемъ стояше, любкима и благонаклоннымъ очима. „Я бы желила, да вѣштину нѣгову у бореню видимъ; некъ уаме рапіеръ (начинѣный мачъ за борбу учећійсе питомаца воєнны).“ Колико є младиѣъ пре тога миранъ и учтивъ предъ Царицомъ стояо, толико се садъ на єданпутъ лице нѣгово покаже величественно, толико се запламте сѣваюће очи нѣгове, тако гордо и поуздано буде цѣло положеніе тѣла нѣгова, чимъ се къ борби быяше приуготовіо. Онъ є быо увѣренъ о побѣди своіой, и сви соученицы є-

данъ за другимъ, надвладани снагомъ и вѣштиномъ нѣговомъ, спусте после суетны напряженія, рапіеръ свой на землю предъ ньимъ.

Добра Царица покаже при вѣштини и красномъ поведенію младића очевидну радость и задовольство.

„Ево ти,“ рекне му, пруживши му двана-єсть дуката, „поклонъ одъ мене, малый войниче, па учини себи после тако жестоке борбе каково нибудъ удовольство сотимъ.“ Младићъ припадне къ стопама благе Княгинѣ, она пакъ рекне му да устане, и пружи му руку да ю полюби.

После недѣлѣ дана дође Царица опетъ у Академію. Заповѣди одма, да іой се младый Вукасовићъ представи и запыта га, какву є радость и удовольство себи съ онымъ повцима учиніо. На ово пытанѣ постане младићъ наеданпутъ малодушанъ и стане запиняти у одговараню своmъ. „Да ли си проиграо новце, или на што си ій иначе употребіо?“ говораше Монархиня нѣшто намрштено и оштро. — „„„Послао самъ ій сиромашномъ оцу моме,““““ одговори младићъ учтиво. — „Тко є твой отацъ?“ — „„„Онъ є быо Лайтнантъ у служби Вашегъ Величества, па є због немоћи службу свою оставіо и садъ живи безъ пензіе и одвећъ бѣдно у Далмаціи. Мысліо самъ, да благоутробной намѣри, коіомъ ми є милостивый онай даръ учинѣнъ, никако болѣ соотвѣтствовати и одъ милости Вашегъ Величества никаквогъ благородніегъ употребленія учинити не могу, него да новце оне на помоћь оца мога обратимъ; єръ то є была найвећа радость и удовольство, кое самъ себи съ ньима причинити мог'о.““““

„Ты си валянъ младићъ,“ рекне тронута Царица. „Донеси мастило и перо овамо, сѣдни и пиши.“

Дрктаюћій и са силно ударающимъ одъ страа срцемъ учини младый Вукасовићъ, што му є Монархиня заповедила. Милостива мати Земальска диктираше му:

„Любезнѣйшій Отацъ! Писмо, коє Вамъ ево пишемъ, диктира ми Царица. Моє прилѣжаніе, моє владанѣ, а нарочно моя сыновна любовь и благодарность къ Вама милый Отацъ, тако су се допала Княгиньи Земальской, да ћете Вы одъ овогъ часа, па докъ сте годъ живи, годишню пензію одъ петъ стотина ф. сребра добыяти, а и я самъ у исто време опетъ двадесетъ и четири дуката на даръ добыо.“

Представимо себи радость доброга Вукасовића! Рукописъ радостногъ писма овога быо є доиста найрћавіи одъ свію писама, коя є игда онъ у животу своме дотле написао, а и артія быяше сузама нѣговыма сасвимъ исквашена. — Овымъ начиномъ буде благодарность и дѣтска любовь одма награћена. Ал' є іоштъ много већа была награда, кою му є будућность донела. Вукасовићъ, при излазку своме изъ Академіе, ступи као Официръ у царску войску, гди се брзо одъ степена на степенъ пеняо, и чиніо у различнимъ войнама, коє су се подъ Владѣніемъ Маріе Терезіе и нѣны наслѣдника водити морале, найзнаменитіе услуге. Временомъ узвыси се онъ до степена Фелдмаршал-Лайтнанта, єдногъ одъ найвышши достоинства у воєнномъ чину.

Великій є благословъ, кои на добрима, благодарнимъ сыновима почива!

Д. Исаиловићъ.

12.

КЪ ЧЕМУ НАСЪ ПОРЕДАКЪ И ТОЧНОСТЬ ВОДИ?

(Изъ Пфенигъ-Магазина одъ год. 1833.)

Поредакъ є душа у пословима; гди поредка у кући нейма, онде нити има среће ни напредка; єръ нейма тврдога основа, како бы се приновлѣно сачувати, или оно приновити могло, што у кући іоштъ ніе. Непоредакъ разорава, што є трудъ приновіо; онъ оно неда уживати, што є поредакъ на ползу изродіо. Точность є кћи поредка, и заслужує онда свако повѣреніе, када све у своє време извршує. Они свезую са разумомъ совѣстность, и обоє скупа доносе у кућу напредакъ и благостоянїе. Енглезъ Скоттъ изъ Ексетера, кои є до своє 80те год. по дѣлы свои путовао, отликує се особито своіомъ точностію и поредкомъ; и будући да є онъ две ове добродѣтельи са паметнымъ трудомъ скопчао: то є и велика богатства стекао и придобіо. Ево! ово су плоди поредка и точности. — Навести ћемо овде само нѣшто о точности нѣго-

вой: Одъ млого година знали су у гостилницы-ма Девонскимъ и Карнваллскимъ, гди є онъ на путу своме свρћао, точно данъ, да, и самъ часъ, када ће доћи. Мало пре смрти нѣгове, путовао є Господинъ нѣкій по Карнваллу, и дође на подне у малый нѣкій гостилникъ у Портъ-Ісааку, да руча. Служитель казывао є по реду, каква єла има: но ни єдно се путнику овоме не допадне, кои є при томъ смотріо, да се патка пече; и заиште ню. Вы патку неможете добыти, одговори му служитель; она се за Г. Скотта изъ Ексетера приправля. — Я познаємъ Г. Скотта врло добро, рекне путникъ: но не видимъ га садъ у вашой кући. Истина, одговори му овай: али онъ є пре шесть мѣсецій, када є овде последныій путъ быо, наручіо, да га печена патка данасъ управ' у 2 саата чека. — На велико своє удивленіє опази путникъ старога овогъ Господина, гди у гостилникъ улази, и то іоштъ одъ прилике петь минута раніє, нег' што є време назначіо, када є последныій путъ у гостилнику овоме быо.

Вл. Стоядиновићъ.

III.

ОРИГИНАЛНА СОЧИНЕНІЯ У СТІХОВЫ.

1.

З О Р А Є! *)

Одъ истока небо с' плави,
Роса сяйность даѥ трави;
Ноћь већь тавна крыла креће,
И свѣтлостю трагъ замеће.
Чуйте Србльи, зора ѥ!
У пупи вамъ гора ѥ.

Богу благомъ пойте хвалу,
Юнацима диж'те славу;
Ту ѥ добра свакогъ сила,
За небеса двоя крыла;
Божя помоћь изворъ якъ,
Примѣръ сиянъ С р б ъ юнакъ.

---

*) Ово ѥ узето изъ Србске Новине одъ 1838е год. кол ѥ у Пешти излазила.

Цркве вышнѣмъ подижите,
Манастыре украсите,
Да се вѣра чиста снажи,
Да небесна любовь важи.
Животъ онда й сѣнный гай,
Надежда вамъ спрема рай!

Ньиве валя поорати,
Чистымъ зрномъ засеяти;
Съ трудомъ гди годь рало блиста,
Онде среће цвѣтакъ листа.
Гди се сеє, ту се жнѣ,
Нит' є глади, нит' патнѣ.

Некъ вамъ рука землю рыє,
Коя злато, сребро крыє;
Каменъ лютый пробіяйте
И дубину проматрайте!
Иште блага рода честь;
У той злату цѣна єсть.

Грма, шлюнка єсть у гори,
Некъ є стакла у прозори;
Гди є воде и ритице,
Некъ се дижу папирнице.
Добыя се трудомъ трудъ,
Обыліємъ краси с' грудь.

Дунавъ, Сава, Дрина тече,
И Морава землю сече;

Што вамъ земля, гора носи,
Трговина некъ износи.
Ту се пружа длану длань;
Вашъ ће быти новацъ страннъ.

Законъ нека дужность веже,
Гнусный порокъ казню стеже;
Свак' некъ држи, тражи свое;
Што є мое, ние твое.
Редъ тай дае умъ и Богъ,
Да узвыси славе рогъ.

Судъ некъ правду тврдо храни,
И невинна одъ зла брани;
Милость нека краси Главу,
Ньой истинну плете славу.
Милость съ правдомъ злати вѣкъ;
Нечуе се тужбе єкъ.

Зависть, злобу удавите,
Слогу, любовь прославите.
Кой другога труде гази,
Онай свою свећу гаси.
Собомъ свакій сіянъ єсть,
Заслуга му носи честь.

Децу свою наставляйте,
Школе, знаня прибавляйте.
Умъ съ наукомъ гди годь сія,
Тамо благо свако клія.

Народу є мудрость свѣтъ;
Она пита славе цвѣтъ.

Садъ се истокъ лепо плави,
Небо трепти све у слави,
Свѣтлость землю осіява,
Роса травке оживлява.
У пупи вамъ гора є,
Чуйте Србльи, зора є!

М. Светићь.

2.

НА СРБСКУ ГОЛУБИЦУ.

Голубица Србска наша мила
Залетисе ширећ' бѣла крила;
Прелетила рѣке и долине,
Равна поля, высоке планине,
Необычно гуче на све стране
Дозываюћ' Србе одабране;
Да посею чиста зрна семе,
Коимъ с' дичи Србска рода племе,

И то Срби брзо послушаше,
Чисто семе они посеяше,
Ума росомъ лепо заливаше,
А любови сунцемъ угрѣваше;
Те прониче красанъ ево цвѣтакъ,
Кои но є по свемъ свету редакъ.
Нѣга носи голубица мила,
У радости ширећ' своя крила,
Да украси Србска рода груди,
Кои но се къ слави летит' труди.!!!

3.

С Р Б С Т В У.

Срби браћо мила моя любезна и драга!
Оправите зависть, злобу, нек' иде безъ трага;
Нек' се торня вражда тамо у дубљину Ада,
Надъ хидрама, скорпіони нека само влада,
Па нека се она мећ' насъ нигда не повраћа;
Єръ мы валя да будемо сви любезна браћа.
Вѣрность, правда и поштенћ, честность и истина
Валя, браћо, да нам' буду велика светиня;
Законъ, вѣру свету нашу треба да хранимо,
Дѣцу нашу, млађе наше здраво да учимо,
Познавати великога, истинога Бога;
У нѣга є срећа, здравлћ, а и милость многа;

Онъ є изворъ благодати, творацъ свію твари;
Благо ономъ, ко му с' моли и за нѣга мари;
Онъ є само спасеніе земаль' и народа;
Промѣне нам' то сведоче одъ искони рода;
Онъ подиже изъ пра бѣдне, горде доле руши,
Тешко ономъ ко своѓъ ближнѣѓъ жели да угуши.!!!

4.

НА СЛОГУ.

Нек' неслога одъ насъ бѣжи, слога нек' нам' дође,
Да живота нашег' време узалудъ не проће.
Сложно валя да радимо садъ на обштой мети,
Дугъ нам' животъ ніе овде, морамо умрети.
Єдни умомъ, други новцемъ приносите даре,
Да дижемо Минервине Храме и Олтаре,
Да с' посіе семе красноѓъ, доброѓъ и полезноѓъ
У срцама млады Срба отечества новоѓъ;
Па да никне и узрасте кано Монтбланъ гора,
А да с' плоди и разшири као вселене мора;
Па да сине светъ по свету кано ярко сунце,
Одъ милина да намъ игра у прсима срце.
Ево Срби браћо мила то є ваша мета!
Испуните што налаже вама дужность света.!!!

5.

НА ПРІЯТЕЛЬСТВО.

О пресладко пріятельство, изворе любови!
Тебе су нам' поклонили на радость Богови,
Ты живота нашегъ овде горке сладишъ дане,
Благомъ рукомъ дубоке нам' ты превіяшъ ранне.
Ты си свега човечества стубъ и подпоръ вѣрни,
Тебе само немож' сатрт' зубъ времена дерни,
Ты си Ідолъ, благодет' є твоє лепо име,
Благо ономъ ко се може поносити тиме.
Ты нам' тугу умекшавашъ а и сваку жалость,
У прсима подранюєшъ веселѣ и радость.
Ко годъ жели да олакша своегъ живота бреме,
Съ тобомъ може, у теби є сви врлина семе.
Ко што пчеле сокъ сисаю изъ мирисногъ цвећа,
Уживаюћ' сву лѣпоту любкога пролећа,
Так' изъ тебе црпећ' люди превелику мудрость,
Уживаю сву блаженства земальскога радость.
Али само чисте душе кано суво злато,
И ка што є зрело грожђе сладко одабрато,
Могу правогъ пріятельства сладошћу дисати,
Трновитый путъ живота весело провести.
О ты свети и велики вишнѣг' Бога даре,
Благо ономъ ко те нађе, па сретно избере.!!!

Божидаръ Любибратићъ.

6.

СТАРАЦЪ, ЈАБУКА, И ДЕЦА.

Єданъ старацъ са штапићемъ пође къ своіой јабуци,
Кою беше посадіо у свогъ века зрелости,
Да окуша труда свога како єсте сладакъ плодъ.
Ал' се деца наметнула, немилице млате родъ;
Старацъ псує и люти се, изъ далека диже штапъ.
Ал' да видишь јада старцу, кадъ гракнуше деца сва;
У гласъ вичу, ругу мећу, каменице бацаю:
„Ако си ты посадіо, за наше є зубе плодъ,
„Не за твое голе десни, погурена старчино!“
Єдва старацъ безъ обзира здраву кожу изнесе,
Да нестрада одъ потомства, за кое се трудіо.
Ей, веляше, залудъ мука, трудъ суетанъ, горакъ плодъ,
Кадъ зле пита, а злимъ враћа, на грѣхъ вуче людскій родъ.

Право ми є говоріо негда чича Марко мой:
„Та прођи се брайко света, за потомство страња,
„Гледай себе, и старай се, да су т' пуна текъ уста;
„Нитко неће „хвала“ рећи, пре ће ти се наругат'.“
Тако старацъ єдакъ, мучанъ, и са собомъ несложанъ,
Грдню света и неправду у мыслима претреса,
И палази за найболѣ, утаманит' јабуку,
Да се нѣму светъ не свети, деца не наругаю.
Єдно јутро онъ узима оштру свою сикиру,
И спрема се да удара стабло свое јабуке.

Ал' изъ лишћа нешто шушти, тужнымъ гласомъ говори:
„Немой старый да огрешишъ душу свою праведну.
Ты помысли на твогъ творца, и погледай на сунце,
Кое грее добре и зле, нит' га творацъ тамани.
Я ако самь наранила децу ону пакостну,
А они су место хвале теби ругомъ вратили,
Нити самь я томе крива, нит' е теби срамота,
Већь остае укоръ ньима, и вечита грѣхота.
Еда Богъ да, те и больи дођу купат' плода могъ,
Те ће прахъ твой благосилят', и поштенѣ мени дат',
Твое ћ' дѣло овѣчити споменъ болѣгъ потомства."

М. Светићь.

7.

СОНЕТТЪ,

или

САГЛАСИЦА.

(Мѣсеца Іунія 1828. у гор. Карл.)

Огрaни, звѣздо высока огрaни!
Већъ дуго зебемо у чарной ноћи!
Некъ Твой намъ буде свѣтъ садъ у помоћи,
О Сунце, о Мушицкій свеизбранный!

Крозъ Тебе свѣтли Сербима су дани:
Сви гледе союзъ; не смѣ вукъ ни доћи;
Гласъ „ВѢРА! ЄЗЫКЪ!“ ватра є той злоћи.
Алъ, мило Сунце, намъ надъ главомъ стани!
Твой лугъ, и съ кладенцыма чистымъ цвѣће,
Та новость вѣчна, што духъ съ серцемъ пита,
Честь свою пролѣтну пократит' неће;
Због шта є жеђца къ дивной пламенита
У млого душа путны; алъ безъ среће.
Садъ сяй, помози; крінъ ми дай безъ мыта!

Савва Меркаль.

8.

ОДА

НЬИНЫМЪ СІЯТЕЛЬСТВАМА,

КНЯЖЕВИЋИМА СЕРБІЄ,

МИЛАНУ и МИХАИЛУ М. ОБРЕНОВИЋИМА.

Приликомъ предузетогъ Ньиногъ, 15. Септемврія 1838. год. путешествія у иностранне Државе, на комъ ІЙ за нѣко време и

СВѢТЛѢЙША СЕРБІЄ КНЯГИНЯ,

ЛЮБИЦА М. ОБРЕНОВИЋА,

НЬИНА РОДИТЕЛЬИЦА СПРОВОДИ,

поднешена

ВЛАДИСЛАВОМЪ СТОЯДИНОВИЋЕМЪ.

Да щитомъ Вышнiй осѣни свакъ вамъ путъ,
На кои ваше кренете стопе, да
Оттуд' вратившис', принесете
Єлеа чиста въ лампаду — !

Лукіанъ Мушицкій у Кнь. 1. Од. 34.

⏑ — ⏑ — ⏑ , — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑
⏑ — ⏑ — ⏑ , — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑
⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑
— ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑ — ⏑

Путуйте срећно Поноси Сербіе! —
Да, къ цѣли и труда иштесе. — Общемъ кадъ
Благу и общу кадъ на ползу
Радисе Рода, зноя и доста

Муке: но сладакъ зной є у труду. И
Войникъ погледа сладко украшене
Себи за храбрость отличіемъ
Прси, тада заборавля труде

Претрплѣне: ври топла у нѣму крвь,
Одморъ му сладакъ; свагда на спопу своmъ
Тре зной съ чела слаѣе жетіоцъ,
Пѣва и старѣшина куѣный, када

Куѣа му цвѣта. — Срећно путуйте по
Земляма страннымъ! Бер'те мирисно са
Плодомъ за Вашу — коя за Вами
Изгледа — Сербію, майку цвеће.

Съ ньимъ кит'те милу, свѣтъ да упозна, да
Сивый соколе соко раѣа; способъ
На руцы Вамъ. Іоштъ слабе крыл'ма
Мати непушта изъ гньизда саме

Птичиће, съ ньима лети одъ гране до
Гране, довольно докъ ій ослободи. —
Путуйте Княжевићи срећно!
Сербія жели то, жели Сербинъ.

Срећный Вамъ МИЛАНЪ, срећный МИХАИЛЪ путъ!
За Васъ ће Вышнѣмъ Родъ молитве шилятъ,
Да здрави Сербіи, по крви
Здрави Родбини, у крыла с' врат'те.

9.

ПРВЫЙ ПРЕЛАЗАКЪ *)

Црнога Ђорђа изъ Сербіе у Сремъ, па у Крушедолъ манастырь, предъ Нѣмачко-Турскій ратъ, около год. 1787. —

ПѢСНА ЕПІЙСКА.

(сложена шестостопцемъ древнымъ.)

одъ

М. СВЕТИЋА.

Coelo Musa beat! Sic Iovis interest
Optatis epulis impiger Hercules.
Horatius Lib. IV. Od. 8.

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
— — — — — — — —

Доста се крви проливало Србске у окови' турски',
Страдала невинна дѣца у майчиной утроби грозно,
Гнуснымъ и блудомъ чистота осквернѣна дѣвице, брака;
Образъ и законъ, и црква и светци погажени явно:
Све є пропиштало ливаюћ' сузе у невольи горке;

*) Ово є узето изъ Магазина за художество, књижество и моду одъ 1839 год. кои у Будиму излази.

Онда се подиже силпа и храбра юначина мишцомъ,
Петра и Марице врстный сынъ Ђорђе, а потоньій, Црный,
Когъ є невидимо Божія десница водила крѣпко,
Народу смућеномъ почевъ говорити небеснымъ гласомъ:
„Докле ће Србске намъ падати жертве подъ ярости мачемъ?
„Докле и светиня наша се газити ногама турским'?
„Докле юначство, поштенѣ подъ кивнымъ пропадати ножемъ,
„Сваке безъ обране, освете праведне, накнаде, казни?
„Драга о жалостна Браћо! Я већ трпити нећу.
„Врату ми с' неће у гвозденый ярамъ свирѣпа врага.
„Ако є драго вамъ, чуйте ми свѣтлу и велику тайну,
„Коя дубоко у прсима моима скрыва се давно:
„Дететомъ кадъ самь Новкове чуваюћ' пасао свинѣ,
„Горомъ и долиномъ тамо и амо я ходіо много,
„Єдномъ сѣдећи изнадъ Кубршнице уморомъ свладанъ,
„Ладомъ и дебелымъ гранаты' дрва' покрывенъ я онде
„Према жубору сладостномъ, знате вы, воде текуће
„Крѣпко самь засп'о, а свинѣ су аняле доломъ и горомъ.
„У сну чудеснымъ околне ми планине синуше зракомъ;

„Лишће с' узвіяше дуванћмъ съ истока сунца на западъ:
„Над-а-мномъ два се указаше трептећа сяйностію лица.
„Кожа ми с' єжи, и садъ ми се споменомъ поднжу власи,
„Како самъ светогъ упазіо краля Студеничке лавре,
„И съ ньимъ Архангела Гаврійла, вѣстника Божеске тайне.
„Око ми ниє сватало небесне красоте лика,
„Срдце и душа, сва природа внутреня тресла се одъ стра';
„Кадъ ал' благе и силне имъ рѣчи зазвонише озгорь:
„„Съ нама є Богъ, чуй, храбри се! Бѣде и туге є доста!
„„Богъ хоће, небо и светци, турска да престане сила.
„„Ты ако вѣруєшь тврдо у Бога, сакрушитћешь врага.
„„Све може храбрость вольомъ са Божіомъ сдружена крѣпко.
„„Данашньій данъ ће одсудити снагу ти мишце и духа.
„„Далѣ ће т' Майка Анћелія тамо упутити млада,
„„Гди — но вамъ браћа подъ праведнымъ скиптромъ уживаю срећу.““
„Съ тимъ є изчезнуо санъ, и света и небесна лица.
„Іошт ми се срдце и чувства одъ страве повратила нису,

„Али два велика 'рта садъ прогоне хучно ми стадо;
„Погледамъ: Турчина опазимъ бѣсна на великомъ хату,
„Како силовито нагони керове, біе пиштолѣмъ.
„Два ми се прасца већ гушише крвлю, пѣнушише с' други.
„Срамно ми с' учини, трпит' безъ осветe силу и лягу.
„Бога се сѣтимъ и светца, и живо садъ къ мосту похитимъ.
„Кленомъ заштићенъ десной на обали потока брза,
„Премда ми с' груди стеснявале, страшнога Турчина свалимъ.
„Црномъ са крвлю онъ изблюва погану звѣрску му душу,
„Трупина лежа у праху, и єдва у кршѣ є свучемъ,
„Свѣтла скинувши іой ватрена ножа и удесне пушке.
„Крвь су заметнуле свинѣ, а коня самь пратіо натрагъ,
„Крыюћ' оружѣ у шуплѣму деблу, а тайну у грудма.
„Тако се воля испунила Светца и Божія прва,
„Срдца и мишце ми удесне снага се явила скоро.
„Ићи ми стои садъ тамо, где кажу да живе іошт' Србльи,
„Свете остатке и поштую Майке Анѣеліе вѣрно,
„Фрушка где гора се, чуваюћ' светинѣ, кулама блиста.

„Кои васъ вѣруе Бога и Светца, нека є са мномъ,
„Свирѣпость коме- є драга, некъ остає турскомъ у ярму!“
Сви садъ повикаше гласно: „Мы за тобомъ хоћемо Ђорђе!
„Кадъ те є вышня снагомъ укрѣпила десница Божја;
„Тебе кой остави, онога Богъ ће оставит' и Светацъ.!“
Тайно се спремише люди, и жене, и дѣца, и старци.
Дрвена веће зашкрипаше кола крозъ шуму и гору;
Риканѣ, блеянѣ съ меканѣмъ смѣшане даваху гласе.
Мила Загорица съ мѣстима краснима остаде пуста,
Скровито село Жабаре у корыту ливаде тучне,
Съ брзомъ Ясеницомъ, кићеномъ валяоницама многим',
Ђорђе гди сладка детинства му забавне проведе дане,
Крадомъ избѣгоше, Турска клонивши се страшнога хана.
Остаде црква Стефанова, Опленацъ за'ђе съ Тополомъ;
Вељ и Космая съ Неменикућама про'ђоше срећно;
Авала съ Порчиномъ куломъ са истока являла с' горда;
Къ Дубокомъ выше Оструженице до'ђоше здраво и мирно,
Где су починули уморомъ свладани, прелазу спремни.

Брзо имъ Сава са Сремомъ с' указала очима жельним',
Гди ће поумлѣну достићи мету, и данути душомъ.
Али зложелна є Судбина ту се испречила кивно:
Или є Сатана старцу уселіо пагубне мысли,
Или се срдце потрзало сластю прадѣдске му землѣ,
Ил' му се дугимъ заръ робствомъ къ слободи затупило чувство:
Петаръ каюћи се, Ђорђевый бабо, желяше се вратит';
Озбыльомъ стаде одвраћати сына и гомилу свѣта:
„Мы ли смо люди подъ сѣдима власима? Камо намъ разумъ?
„Када се варати даємо єдномъ неискусномъ дечку,
„Коме у жилама крвь ври, душа с' у пламену віс,
„Те му є тесна постойбина, тражећи широка свѣта.
„Гди самъ се родіо, младе проживіо съ другови дане.
„Ту некъ ме стара са старима любима покрыє земля;
„Сербіє унуци да се по гробной ми играю трави!
„Съ ове я землѣ ни крочити нећу за Ђорђевымъ трагомъ.
„Онъ ако слушати неће, небыло му никада трага;
„Вы ћете Турскогъ нештедећегъ жертва постанути мача,
„Пре него ногомъ на обалу ступит' узможете Саве,

„Идемъ я явити Туркомъ, шта сте наумили саде.
„Скоростю мунѣ похитатѣе яростни къ плѣну и крви.“
Трепетъ и страхъ по народу проѣе, и жуборъ се диже:
Жене су прси біюћи проливале потоке суза',
Дѣца завришташе, уздишу старци, у брizи су люди;
Зло єръ є вратити с' натрагъ, горе неврати-ти с' бѣдним'.
Ђорђе пакъ стегнувъ одъ жалости срдце гово-рити поче:
„Милый родителю! Шта ты рече, да одъ Бо-га на'ѣешь?
„Мало ли заръ намъ є страданя, туге и нево-лѣ тежке?
„Мало л' одъ вѣкова съ неслоге крви с' про-ливало Србске?
„Побуне, претнѣ се про'ѣи, и врати с', о вра-ти се амо.
„Гди намъ є Божіе сунце освѣтлило путове д'овде,
„Ту ћешь заръ ты се упиняти црный навлачи-ти облакъ?
„Сироте пиште, ах! небесна страши се гнѣва, и стрепи.
„Вѣчите правде, знай, око є будно. О! врати се натрагъ!“
Неслуша родитель молбе ни совѣта млађана сына;
Къ планини већ є окренуо лице, и Турцима спѣши.

Смутня у народу расте, и брига се диже и якъ.
Моле и заклиню, помоћи траже одъ Ђорђа и
майке.
Онда и Марица, руке небесима ширећи, врисну:
„Оде ах! оде, и садъ ће се невинне валяти жертве,
„Люты' кадъ вукова' сѣвати очи са мачима почну.
„Я ако погинемъ съ моєга супруга посступка
ружногъ,
„Нека бы; правда бы небесна раємъ насладила
м' душу;
„Съ насъ ал' кадъ страдаю люди, вѣчно намъ
пропада душа.
„Ено, да, ено га, одлази, неће ах! неће се вратит'.
„Жалостна майка ти, Ђорђе, коя те є родила сына!
„Отца ты устави силомъ, лѣпе кадъ неслуша рѣчи.
„Десница гди ти є бодра, съ оружіемъ удесно око?
„Тамо га шильи, гди Турци му неће саслушати гласа!
„Проста небыла ти утроба моя и майчино млеко!
„Оде, ах! Оде, и садъ ће се невинне валяти
жертве.“
Огнѣномъ Ђорђу є веће ускипила жестока крвца:
Трипутъ є подиг'о, спустіо десницу снажну недвижимъ;
Тежко єръ срдцу є сладку раскинути природе свезу.
Нужда ал' гвоздена свагда и свагди є меняла законъ:
Плачемъ сиротинѣ многе му с' срдце разтрзало силно,

Отца и матере клетва раздваяла душу и чувства;
Сва се потресала природа: къ небу садь сѣвнуше очи,
Вѣрномъ па Другу *) є пружіо цѣвь смртоносну са рѣчма:
„Бій! да нестрада толикій намъ народъ. Болѣ онъ єданъ.
„Ако є правда и Божія воля, погодити хоћешь!“
Плану и састави нишанъ, и згоди удалѣна старца.
Паде, и съ душомъ се разстаде; црна га покрыла земля.
Опоянъ онъ є у спроводу цркве и закона Србска.
Жена и сынъ му іошт залише гробницу сузама топлим';
Яре и овцу за душу му заклаше, дѣлише бѣдним'.
У то и тамна се спустила ноћца са звѣздама сяйним';
Сава є путнике пріймила, Срему є' прикучише срећно,
Леже гди свети остатци Кнеза и Деспота' Србски'.
Текъ што є с'ютра одъ истока стазе освѣтлило сунце,
Ђорђе Крушедолу цркви, къ Майки Анђеліи до'ће,
Волю да испуни Божю, Архангела, светогъ и краля.

*) Ђорђе Остоић.

10.

ПОСТОЯНСТВО.

Кадъ се ярость судбе сложи
Са безбожнымъ гоненѣмъ,
Злоба, кивность кадъ с' умножи
Надъ двоякимъ створенѣмъ,
Да г' у срамне забвености
И презреня сатре пра;
Благо ономъ, комъ снажности
Зракъ одгони женскій стра,
Комъ мужество и слобода
По жилама струіи текъ:
Тай ће видит' трудов' свода
Надвысити земный векъ;
Крвне войне постоянство
Преко стрмы долина
Пренеће га там' у тайнство
Божествены высина.

Ђорђе Малетићъ.

11.

ѺДА

на

ѿкры́тїе

БІБЛІѲѲЄ́КИ

Гумна́зїи Ново-Са́дскїа,

торжествова́нное л. 1822.

ѿ ѿпредѣле́нїи челове́чемъ.

ЛУКІА́НОМЪ МУШИЦКИМЪ,

Ѻби́тели С. Стефа́на Штила́новича, и҃же во Фру́шкой горѣ,

Архїмандри́томъ.

—⏑ —⏑⏑—, —⏑⏑— ⏑⏓
—⏑ —⏑⏑—, —⏑⏑— ⏑⏓
—⏑ —⏑⏑ —⏑
—⏑ —⏑⏑— ⏑⏓

Съ Ва́ми кꙋ́пнѡ и҆ а҆́зъ, ѡ҆ Ново-Са́дѧне,
Ба́чки до́брыѧ сы́нъ, ра́дость сїю̀ дѣлю̀!
Си́лна къ Ро́дꙋ любо́вь є҆сть:
Въ ко́ихъ пе́рсехъ живе́тъ, и҆зъ ни́хъ

Го́нитъ скѡ́рбнаѧ всѧ̀; гѡ́ры прехо́дитъ и҆
Ре́ки; къ бра́т'ѧмъ тече́тъ ра́достей въ ли́къ. Є҆сть и҆
Сла́дка: въ Ро́дѣ ѡ҆брѧ́щеш',
(Ко́ль блаже́нна ꙋ҆тѣ́ха та!)

Ко́ихъ в'злю́биш' дꙋше́й, ко́имъ и҆ ты̀ є҆сѝ,
Ꙗ҆́кож' хо́щеш', люби́мь! Въ не́мъ поеди́ныхъ стрѣ́лъ
Лю́тость всѧ̀ и҆счеза́етъ. —
Се́мъ ѡ҆ Мꙋ́зъ торжествѣ̀ вчера̀

Шꙋ́мъ коснꙋ́с' моегѡ̀ Ва́рвїта стрꙋ́нъ, и҆ о҆́нъ
Жи́знь свою̀ возгласѝ! Мы́слити, чꙋ́вствоват', *)
Жи́знь є҆ди́на є҆мꙋ̀ є҆сть.
Ро́дꙋ по́лзоват' тѣ́мъ, є҆мꙋ̀

---

*) Lesen, ist nichts; denken, etwas; denken und fühlen, die Vollkommenheit.

Müller.

Allen gehört, was Du denkst; Dein eigen ist nur, was Du fühlest.

Schiller.

Сла́дость вы́шнаа е̑сть. Мо́жемъ и̑ ма́лымъ чи́мъ
Ро́ду по́лзоват' всѝ. О̑бщее сокро́вище
Е̑сть намъ бла́го ѥгѡ́во! **)
Ра́зны ча̑стицы сѹ́ть ѥгѡ̀.

Цѣ́ль ѥди́на ѥгѡ̀: сре́дствомъ слѹжи́ти ко
Сла́вѣ въ кр҃ѹ́зѣ Нарѡ́дъ. И̑же ѥди́нагѡ
Здѣ́ низъ цѣ́ль челове́ка,
Тѣ̀ всегѡ̀ и̑ наро́да е̑сть:

**) Во общее сокровище народное (въ нравственномъ смыслѣ) каждый мыслящій народа членъ что либо, по силѣ своей, внести можетъ.

Пріятно и полезно єсть пространнѣе о семъ мыслити. — Се первія черты мыслей о приношеніяхъ въ тоеже сокровище:

I. Благотворенія:

а, пѣнязми:

α, въ сдруженіи.

β, частнѣ.

б, содѣйствіемъ и трудомъ.

г, возбужденіемъ, покровителствомъ и защищеніемъ.

д, взысканіемъ всевозможныхъ средствъ къ изображенію народному.

е, Удаленіемъ препятствій томуже.

II. Наставленія:

а, явна.

в, частна.

Къ симъ и

α, добріи совѣти;

β, началоположенія,

γ, упутствованія.

Тя́жки у҆́зы свлещѝ слѣ́пы живо́тности,
У҆́мна та́ж' прелетѣт' лю́дства въ предѣ́лъ, и҆дѣ́ж'
Свѣ́тъ блести́тъ и҆ позна́нье.
Два̀ предѣ́ла (***) позо́рища.

Ра́внѣ два̀ на́мъ даю́тъ. Въ пе́рвомъ держа́тъ лютъ
ски́птръ
Стра̑сти, чꙋ́вственность вся̀. У҆́мъ раболѣ́пствꙋетъ.

III. Книжество по всѣмъ отдѣленіямъ (XIV.) поля єгова.

Ближшее представленіє мыслимаго понятія:

I. Благотворенія. II. Наставленія. III. Книжество.	нравственноє сокровище народноє	средство ко

изображенію, чести, славѣ, щастію	всего народа.

Ле́гкѡ пїи́ты твори́телна си́ла сокро́вище дѣе́тъ:
Ле́гкъ трꙋ́дъ по́лнити є҆̄ и҆́стиннымъ Ро́да любце́мъ.

***) I. Предѣлъ животности, das Gebieth der Thierheit.

II. Предѣлъ человѣчества, людства, das Gebieth der Menschheit.

Подъ первымъ разумѣєтся цѣлый рядъ оныхъ дѣйствій человѣка, яко подъ слѣпою властію єстественнаго побужденія (Naturtrieb) стоятъ, и при испытаніи коихъ не видна єсть свобода воли; подъ вторымъ же рядъ дѣйствіи оныхъ, яже законы своя отъ свободы пріємлютъ.

Рабъ страстей ты своихъ сый,
Водитъ рать со страстми другихъ.

Грозны жертвы суть ты! Правда лежитъ; молчитъ
Сваты истины гласъ; страждетъ невинность; ты
Креплша щастье въ руку есть.
Миру сей ли конецъ дадѣ

Вышній? Краснѣй дадѣ! Нравности съ щастіемъ
Сей въ союзѣ живетъ (****). Сей же въ предѣлѣ зримъ
Иномъ. Здѣ утончам
Смертный страсти своя, влечетъ

Ихъ подъ иго ума; вольи даетъ ужѣ
Всю свободу, искать истинныхъ токмо и
Добрыхъ, красныхъ; гнушатис'
Симъ противныхъ. Собою тверда

Уж' стоитъ. Вса ведетъ силы въ согласіе:
Вся остритъ и крепитъ, вся ж' неумытна подъ
Власть ума подвергаетъ.
Чтитъ свою и другихъ цѣну.

Вся познанія мудръ къ жизни, къ содружествѣ
Онъ шноситъ всегда. Как' о себѣ радитъ,
Такъ общемъ о благѣ.
Къ Родѣ щастье се так' цвететъ!

****) Союзъ нравности (нравственности) со щастіемъ. — Sittlichkeit und Glückſeligkeit in ſchönem Verein.

Се́рбскїй Ро́де ликꙋ́й! Сѐ надъ Тобо́ю бди́тъ
Ге́нїй; ща́стїѧ ро́гъ по́лнитъ за Тѧ̀. Вели́тъ
То́кмѡ та́кѡ тещѝ, как'
Ꙋ̑ж' напра́вилъ ѐсѝ стѡпы̀.

Вѣ́рꙋй! нра́вности нѣ́сть, гдѣ̀ соверше́нства нѣ́сть,
Си́лы ни́жнїѧ гдѣ̀ (а̑щ' и̂ блиста́телны)
Ꙋ̑мъ слꙋго́ю творѧ́тъ, тꙋ
А̑хъ! борба̀ и̂ сраже́нїе

Си́лъ дави́тъ все лицѐ, ме́щетъ на бли́жнихъ ѕло̀.
Ꙋ̑мъ ѐди́ный ѐсть пло́дъ лю́дстѣмъ на дре́вѣ. Ни́ж'
Вы́шымъ си́ламъ цѣны̀ дай,
А̑ще съ вре́домъ спрѧже́ны сꙋ́ть

Прѧ́мѡ бли́жнихъ свои́хъ. Нра́вности гдѣ́ же нѣ́сть,
Та́мѡ ща́стїѧ нѣ́сть. Нра́вный въ бѣда́хъ щастли́въ!
Кто́ же да́стъ соверше́нство,
Ми́лый! ча́дѡмъ Твои́мъ? То са́мъ

Вѣ́си! Мꙋ́дрый ꙋ̂ро́къ, сла́венъ примѣ́ръ дадѐ
Стратимі́ровичь на́шъ (сла́дко́ коль е̑сть Ѐго̀
На́шимъ зва́т', И̂мъ хвали́тис'!)
Мꙋ́замъ къ Ро́дꙋ ѿве́рзе пꙋ́ть!

Дви́же дѣ́латель со́нмъ; всюд' сѣмена̀ прострѐ
Чи́ста, ꙗ̑же къ добрꙋ̀; влѝ во сердца̀ свѧтъ жа́ръ,
Ꙗ̑же пр'и́мчива бѣ́ша.
О̑гнь Ѐгѡ̀ воспалѝ менѐ.

Ва́шѧ мо́щнѡ грѧдꙋ́тъ, ѡ̂ Ново-Са́дѧне,
Мꙋ́зы къ цѣ́ли свѧтѣ́й. Мꙋ́дра и̂спо́лнь и̂хъ во́ждь

Жáра, ѝщетъ подпóры
Ѝмъ; Вы ж' дáт' спѣшитѐ. Костѝ

Нáмъ ѹ́ж' рáзныхъ дꙋ́хшвъ зрѣ́лище тꙋ́! Дꙋ́хшвъ
Пáче мíръ нарекꙋ́ тóже. Ѝзъ всѣ́хъ времѐнъ
Чáстей мíра прїи́дꙋтъ
Къ нáмъ. Ѐдúнъ человѣ́къ ѝныúмъ

Кáк' бывáетъ ѹ́чúмь, тáкш нарóдъ ѹ́чúмь
Рáвнѣ ѐсть ѿ дрꙋгúхъ. Цáрство ѹ́мшвъ ѐсть всѣ́мъ
Ѻ́бще. Свѣ́тъ тꙋ́ лїѐтсѧ
Дúвнш кáк' ѻкеáнъ. Лѣ́ть ѐсть

Пúти жáждꙋщымъ всѣ́мъ. Дóлгъ пꙋ́ть ѝ стропотенъ
Къ знáн'амъ, крáтокъ живóтъ! Скóрше ѝ лѐгше тѣ́мъ
Ѝдемъ, кой ѹ́гладúша
Прѐжде слáвни борцы̀. О вы̀,

Ѝхже рáди Собóръ хрáбрыхъ Мꙋдрѐцъ начáс',
Взóръ ѹ́чúтес' вперúт' лю́дска велúч'а въ вѐрхъ!
Мнóж'те кáпли познáнїй
Въ рѣ́ки — Рóдꙋ, себѣ̀ на чѐсть.

12.

ОДА

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВУ ПРОСВЕШТЕНІЯ

У

КНЯЖЕСТВУ СЕРБІИ.

(5. Юлія 1838.)

Цѣль просвѣщенія средство текъ єдно єстъ
Къ высокой цѣли бытія нашега
На земльи; къ чистой човечности!
Глава са сердцемъ тай союзъ иште.

Мушиц. Од. 37.

Радуй се, Србе! Князъ ти є пребогатъ
Лучама светлым'; штедро ій разсипа,
Да съ теб' одело таме скине,
Да те обуче у ризу свѣта!

У среди гньизда Србскогъ намъ народа
Излила с' зрака Светлогъ изъ МИЛОША;
Име Іой сладко: „Просвитъ рода;“
Варнице надежде изъ нѣ скачу! —

Вели ми Геній: „Србство є градина;
„Промысо неба даде Іой усеве,
„Окретне уме, витка срдца;
„Луча ће МИЛОША те намъ греят'

„Озбильски; Очи многе ће гледати
„Изъ ума, срдца колику цвеће намъ
„У варту свѣта дику чини;
„Србинъ ће плывати у радости!“

Да сяйне чести! Владатель друго є
У роду сунце; каошто знамо, да
Съ высине ово све подъ небомъ —
Божіомъ повладомъ — животвори

Тымъ яркимъ огнѣмъ: Онай так' — любовю
Зараженъ къ чистой савести — труди се,
Оживит' уме, срдца свои'! —
Зашто? — За ньину и свою срећу!

Єрусалиме Србства намъ, блаженъ си!
У теби, видимъ, скоро ће с' подиѣи
Купѣли дивне, гди ће се рода
Умови купати, тежку са се

Незнаня спират' болю и недугъ свак'! —
Чуѳ се труба съ Олумпа свештеногъ:
„О Србска чеда! мет'те дворе;
„Ето Мінерве са милым' Мусам'

„У госте къ вама; саборъ Богова' єръ
„Изрыкомъ каза: Сынови наши су
„И Срби; нек' с' и они съ нашим'
„Ћеркама, своим' а сеям' виде!“

Да миле вѣсти! Богинѣ Сербію
Посѣтит' иду; златнымъ ће даромъ є
Обдарит'; чистомъ човечношћу,
Лѣствицомъ к' правомъ блаженству смртны! –

В. Радишић.

13.

Вонми ѥгѡ благородствѹ:
Любовь Родѹ, Отечествѹ;
Умъ изящный, правда, честность,
Съ дѹхомъ бодрымъ мѹдра кротость.

Слезъ надгробныхъ ѡ зрителю!
Увы тыи въ благодарность
Своемѹ си Учителю
Даетъ и дасть школска юность.

Лира въ жалость шввїенна,
Плачѹтъ чада, стенѹтъ Мѹзы;
Ученицы, вѣрнїи дрѹзи
И грѹдь всяка шгорченна.

Равнѡ древѹ плодоснѹ
Вѣтромъ силнымъ низверженнѹ,
Нашъ любимецъ (рещи страшнѡ)
Паде! — — Ахъ зло нечаянно.

Л. Мѹшицкїй.

14.

ОДА

СЋНИ

ПРЕОСВЯЩЕННЋЙШЕГА

ГЕДЕОНА ПЕТРОВИЋА,

Восточне Цркве Православнога Епіскопа
Бачкога, Сегединскога и Єгарскога,
преминувшега

$\frac{10}{22}$ Ноемврія 1832. у 62ой години живота свога, красивша цркву и родъ,
у Новомъ Саду;

одъ

МИЛОША СВЕТИЋА.

Quod spiro et placeo, si placeo, tuum est.

Horatius.

Ни мудрость людска, благость нит' природе
Одвратит' могу завистне судбине
Ахъ! црный законъ, ладный каменъ
Кадъ Гедеона 1) покрыва вѣчно,

На штету цркве, вѣре и закона,
И уштербъ рода, жалостю смућена,
Где тужный Геній човечности
Оборенъ ліе токъ горки суза'.

Наученъ рано отчинымъ совѣтомъ
У свѣту ума, крылу и закона
Живота сласти тражит', трудомъ
Подиже истинну душе цѣну

На степенъ горньій; силу єръ науке
И кротки' Муза' питоме нарави
Ули у прси лѣпше глине,
Лѣствицу спремаюћ' вѣчне славе.

Тим' крылма чудним', 'Еркулу подобно,
У свѣту чести достиже небесны'
Высина' златне дворе гордо,
Трудова сбираюћ' сладке плоде.

Шта мудрость може съ благостю парави,
И чистымъ срдцемъ свршити,
У жару любве къ цркви, роду,
Примѣръ намъ остави на вѣкъ сяйный.

Познанствомъ душе, срдца и тайностій,
И страстій бурны' пилоту подобно,
Секуħи волне вѣшто, совѣсть
Доводишь тихо у блаженъ станакъ;

И крѣпкомъ рукомъ, совѣтомъ воħеномъ,
На стазу свѣта грѣшнога изводишь:
И добаръ больій быва, мударъ
Постае мудріи Твоимъ духомъ.

Са знанѣмъ права', цркве и вѣстнице,
Магнетску иглу лѣвомъ, а десницомъ
Кормило свето држеħ' силно,
Пролазишь скиллу, 'аривду срећно.

Ты срдцемъ снажанъ, светомъ са дужностю
Средъ оштра гвожђа Срему у бурному
Стоишь невредимъ, и витійства
Струяма огнѣне страсти гасишь, 2)

Бришуħи лягу чела са Србскога,
Да звѣзда свѣтли Авве на грудима
На радость роду. Самый ђорђе
Осећа слова Ти топлу силу. 3)

Паллада шета сяйномъ у спроводу
Олимпски' Муза' храму по красному;
Жеħь пити трпи Србско чедо,
Изворъ где ревности Твое струи. 4)

И горка суза бѣдне удовице
Са ситномъ дѣцомъ хоће пресушити,

Жаръ ако твоіомъ ставлѣнъ бригомъ
Наслѣдникъ пріймio буде вѣрно. 5)

Божество с' віе храму у свѣтлому,
Где Твоя нога ступа, и дивный стасъ,
Гласъ медоточный кадъ са мудромъ
Наукомъ умове пита сладко.

О чиста правдо! Кадъ ћешъ у Совѣту
Вечь одсадъ свѣтлит' подобно, заслугу
Увѣнчат' честю, и невиность
Тихимъ озарити свѣтомъ райскимъ?

Стефану сѣдомъ тко ће са совѣтомъ
И благимъ духомъ мудро разблажити
Наглость му жарка срдца, оштру
Жестокость водит' на тихость златну?

Громъ тко ли баченъ главомъ надъ полезномъ
Магнета штитомъ одсадь безснажити,
(Твоя то зна, о Лѣтописче
Србскій! сѣнь), тежећи къ обштемъ благу? 6)

Съ богатствомъ ума кадъ ће се подобна
Безшумность сдружит'? Небесногъ Раића
Крстъ златный Твоим' грудма на честь
Врученый достойна кадъ ће красит'?.. 7)

О дивный Душе лика прекраснога,
У вѣнцу любве, свѣту човечности
Блиставшій, прійми гласа скорби
Изъ благодарности чиста чувства!

Драгъ Богу, людма, славе у сяйности
Уживай мирно сласти безсмертія,
Задатакъ тежкій даюћ' свима
Цркве главарима одсадъ вѣчно.

ПРИМѢТБЕ.

1) Гедеонъ Петровићь родіо се у Сл. Кр. граду Сомбору у Бачкой вармеђи Кралѣвине Маћарске. Родительи су нѣгови были, Петаръ Ћирковићь, отацъ, у дѣтинству изъ Турске землѣ са отцемъ своимъ преселившій се, а мати Евдоксіа, роћена Маширевићь. Крштенъ є и мѵромъ светимъ помазанъ у саборной цркви Сомборской храма светога Георгіа, дана 12га Ноємврія 1770. и добыо име Георгій. Србску кньигу учіо є у Сомбору, гди по ондашнѣмъ обычаю упише га Учитель презименомъ одъ отчина имена произведенымъ, и тако буде онъ Петровићь, како после и остане. Латинске четири грамматикалне классе свршіи такоћеръ у Сомбору, гди су онда Францишкани предавали; и год. 1784. отиде у Сегединъ, гди за две године науке човечности изучи; по томъ у Печую за две године науке філософіческе оконча. Тако изображенъ врати се кући у Сомборъ год. 1788, и ту кодъ Магистрата поставлѣнъ буде за Канцеллисту, у коіой службы пребуде две године. За наукомъ и изображеніємъ жеднећи, после две године исту службу остави, и отиде у Пешту слушати права, гди є са особитымъ отличіемъ, првымъ мѣстомъ превосходства, четырелѣтно онда бывше теченіе Права' у Университету свршіо, и лѣта 1794. заклетъ буде за Нотарія при

Кралѣвской Табли, и као таковый проведе у практики правдословной и куріалной две године.

У то време Архіепіскопъ и Митрополітъ Карловачкій Стефанъ Стратиміровићь, извѣстившій се о способности нѣговой, позове га и лично самъ (идући єдномъ у Бечь, и крозъ Пешту прошавшій), и писмено, да ступи у монашескій чинъ кодъ нѣга; коєму є позыву онъ испытавши себе и слѣдовао. И тако одъ истога Митрополіта буде произведенъ за свога придворнога Дякона 30га Юлія 1797. у Манастыру Крушедолу (на память преподобне Матере Ангелине, Деспотице Србске); 6га Авг. 1797. на Преображенѣ за Протодякона; 8га Септемвра 1797. на малу Госпоину у цркви катедралной Карловачкой за Архіепископо-Митрополітскогъ Архидякона. По томъ 27га Дек. 1799. одъ истогъ Митрополіта рукоположенъ буде за Пресвутера; а 30га Януарія 1800. постриженъ буде за Іеромонаха у Манастыру Крушедолу рукомъ Авве свога Іоанна Раића, Архимандрита Ковильскогъ, и добыє име Гедеонъ. Исте године 1800. 23га Марта на Благовѣсти произведенъ буде за Протосингела велике Митрополітске цркве одъ истога Архіепіскопа Стефана, а лѣта 1801. 4га Маія реченый Митрополітъ произведе га за Архимандрита у Манастыру Крушедолу, гди є присутствовао и нѣговъ Авва Іоаннъ Раићь, Архимандритъ.

Кадъ 12га Априліа 1805. год. умре Епіскопъ Бачкій Іоаннъ Іоанновићь, онда Гедеонъ поставлѣнъ буде за Администратора Епархіє Бачке, и одъ Архіерейскога Синода у Карловцы 15га Януарія 1807. држаногa избранъ буде за Епіскопа Епархіе Бачке. За тимъ одъ Цара потврђенъ, буде 15га Юнія 1807. на память светога и праведнога Кнеза Лазара, самодржца Србскога (на видовъ данъ!) у саборной цркви Карловачкой одъ Митрополита Стефана Стратимировића са Епіско-

пы Кирилломъ Живковићемъ, Пакрачкимъ, и Петромъ Видакомъ, Вршачкимъ, за Епіскопа посвештенъ; а 28га Юлія год 1807. инсталлиранъ, и уведенъ буде у Епархію Бачку у саборной Новосадской цркви, при комъ торжеству быо є Ц. К. Коммесаръ Генералъ-Маіоръ и Бригадиръ Левенер-Драгонске Регименте Даніелъ, и Архіепіскопо-Митрополітскій Мандатаръ Іосифъ Путникъ, онда бывшій Архимандритъ Гргетежкій.

Гедеонъ є повѣрено себи стадо Христово преко 25. година совѣстно по светой дужности наставляо, и мудро и благоразумно црквомъ и Свештенствомъ управляо; и $^{10}/_{22}$ Нов. 1852. у ютру после 40 дневне болести, съ црквомъ, Свештенствомъ и стадомъ своимъ по обычаю и уставу цркве восточне православне примиривши се, Богу духъ предаде и пресели се у вѣчность. Тѣло нѣгово у пристойномъ и сяйномъ почествованю найпре є у Епіскопской сали, а по томъ у саборной цркви народу на скорбно виђенѣ представлѣно, а после неколико дана са великимъ печалнымъ торжествомъ у истой саборной цркви съ десне стране пѣвнице према олтару погребено; гди су Г. Мутибарић, Архимандритъ Гргетежкій и Г. Ковачић, Протопресвутерь Сомборскій скорбно ово торжество похвалним' надгробним' словама заключили и увѣнчали.

Ове у краткости назначене черте похвалнога живота Покойника нека на овомъ месту довольне буду. Нѣгове редке и велике даре природе, дивно проницателство разума, коимъ є дубљине найзамршеніи дѣла испытивао; благость и сладость природну, коима є свакога плѣнявао и обаявао; любовь и наклоностъ къ наукама, пространство искуства у свакой струци човеческа знања, коимъ є удивлявао свакога, кои є прилику имао или дѣла, или само разговоръ съ ньимъ водити; срдца милостивость и благодѣтелность, коима є сироте надгледао и зараньивао; редкій духъ човечности и пра-

вогъ изображенія, кои се на самоме лицу и изгледу нѣговомъ ясно и прекрасно изображавао; измѣрену мудрость и разборитость у совѣту, и способность у управляню іерархалномъ; непостижиму вештину и неку нѣму одъ саме природе свойствену присталость у богослуженію и велелѣпію црковномъ, о коєму само они право понятіе имати могу, кои су очима своима гледали; неописану силу слова и витійства, коима є душе напаявао; и при томъ безпримѣрну учтивость и смиреность, коима є сваку признателность и похвалу одъ себе удалявао; оне заслуге при предаваню Богословски' наука младежи у Карловцима, у оно време кадъ є самъ и науке саставлати и предавати морао, чимъ є лепъ споменъ будућим' учительима Богословіе, нарочито у сачинѣной Пасторалной науци оставіо; нѣгове труде и подвиге око' школа и наука у своіой Епархіи, коима є отличный Гимназіумъ у Новомъ Саду основао, уредіо, укрепіо, и са способнима Професорима снабдѣо, у коме смо са задовольствомъ сдног Шаффарика и Магарашевића дѣлати гледали; нѣгова стараня око' уредногъ и точногъ вођеня дѣла' Консісторіалны'; садржаванѣ и подраньиванѣ мира, любови, и доброга поразумѣнія; нѣгове труде, коима є Свештенство Бачко на првый степенъ отличія подигао, оне бриге о снабдѣнію удовица' Свештенически', коима є лепъ фондъ удовичный завео, и кои као єдинственый примѣръ за примѣръ служити може; — сва, велимъ, ова и остала отлична свойства оставлямъ за обширніе животописаніе, коє колико за вѣчну славу и споменъ Покойника, толико за угледъ и ползу потомству своимъ временомъ издати намѣравамъ, да тимъ саму чисту и прекрасну истину овѣковѣчимъ.

А ово нека за садъ буде као малый цвѣтакъ чисте моє благодарности спрама упокоєне нѣгове велике душе, коя є мене одъ слаба детинства до самога крѣп-

кога мужества благодѣтелно руководила, и на путъ доброте, истине, правде и науке управляла, и коя и садъ, чини ми се, изъ блажены свои мѣста' подобно Ангелу хранителю над-а-мномъ бди; нека, велимъ, ово малый цвѣтакъ на гробу нѣговомъ посађенъ, и топлима сузама истините признателности орошенъ буде.

2) Утишана буна Тицанова у Срему.

3) Састанакъ са Карађорђемъ у Земуну год. 1804. кадъ є Бећиръ-Паша долазіо у Сербію.

4) Заведенъ Гимназіумъ Новосадскій.

5) Заведенъ фондъ удовичный за снабдѣніе удовица' Свештенически' у Епархіи Бачкой.

6) Кадъ є Магарашевићу, као учреднику Лѣтописа Србскогъ подъ платомъ и иждивеніемъ Матице Србске бывшемъ, забранѣно было далѣ издавати га, онда є нашъ Покойникъ Гедеонъ нѣга у заштиту узео, и не само у томъ смыслу Представленіе Архіепіскопу учиніо, да Магарашевићу и у напредакъ дозволѣно буде „себи и другима на ползу быти (ut ei ultro liceat sibi et aliis prodesse)“ но іошть є на Свештенство своє Діецезе циркуларно писмо издао, коимъ опоминѣ, да се постараю „Лѣтописъ“ као свакоме полезну кньигу себи прибавити.

7) Іоаннъ Раићь, Архимандритъ Ковильскій, великій Богословъ и Історіографъ Србскій, толико є покойнога Гедеона цѣніо и уважавао, да му є између осталы знакова свой златанъ крстъ за споменъ любови и отличія даровао, да га онъ као найдостойніи на прсима носи.

15.

ПЕРВАѦ ПѢСНЬ.

ЛОРЕЦЦА.

Цари́ца, всѣхъ живы́хъ тваре́й
Воспалѧ́ше насъ, Люби́нѧ,
Лише́ннымъ еѧ̀ олтаре́й
Возвраще́нна на́мъ Боги́нѧ!

Еѧ̀ ца́рство возврати́тсѧ,
Опѧ́ть бꙋ́демъ мы блаже́нни;
Ѕдѣ̀ храмъ еѧ̀ освѧти́тсѧ,
Блеснꙋ́тъ вѣнцы̀ ѐй свѧще́нни.

Въ ю́ной Ни́нѣ всѧ̀ блиста́ютъ
Еѧ̀ пре́лести волше́бны;
Ꙋми́лности въ не́й сїѧ́ютъ:
Но хвалы̀ ѐй не потре́бны!

Въ блаже́нныхъ на́шихъ мы страна́хъ
Обожа́имъ Ерѵцы́нꙋ,
На тихогла́сныхъ всѝ стрꙋна́хъ
Велича́имъ Ми́лꙋ Ни́нꙋ!

Въ блескꙋ̀ весе́ннихъ ти́хихъ дне́й
Ꙗ̂ ви́жꙋ Моѐ божествѐ,
Ни́нꙋ, предме́тъ мои́хъ пѣсне́й,
Си́лныѧ любвѐ торжествѐ.

Во цвѣ́тныхъ, ми́лыхъ сихъ лꙋ́зѣхъ,
Лю́бви ѻ҆пѧ́ть поѧвѧ́тсѧ,
Во мнѣ̀ же, въ мои́хъ всѣ́хъ дрꙋ́зѣхъ
Стра́сти чꙋ̑вства воспалѧ́тсѧ!

Прекра́сный когда̀ де́нь гото́въ,
Ка́ждꙋ озари́ть были́нкꙋ,
Въ разви́тїи нѣ́жныхъ цвѣ́товъ
Ни́ны ви́жꙋ ѧ ꙋ҆лы́бкꙋ.

Ꙋбо́рь брегѡ́въ сихъ блаже́нныхъ,
Рꙋ́жа е́ле развїе́нна,
Блести́тъ въ глаза́хъ засѣне́нныхъ
Блести́тъ Ни́на ꙋ҆краше́нна.

Ꙗ҆ въ зефѵ́рѣхъ, въ цвѣ́тѣхъ дышꙋ̀
Дыха́нїемъ еѧ̀ нѣ́жнымъ,
Гла́съ прїѧ́тный ѐѧ̀ слы́шꙋ
Съ шꙋ́момъ стрꙋ́й всемѧте́жнымъ.

Менѐ къ Ни́нѣ воспалѧ́етъ
Все въ приро́дѣ ѡ҆живле́нной,
Все мнѣ̀ тебѐ представлѧ́етъ
Нина! тебѐ въ все́й вселе́нной!

Цари́ца всѣхъ живы́хъ тваре́й
Воспалѧ́ше на́съ, Люби́нѧ;
Лише́ннымъ ѐѧ̀ олтаре́й
Возвраще́нна намъ Боги́нѧ!

Терлаичь.

16.

НАДПИСИ.

а, НА ЗАНЕШЕНОВИЋЕ *)

Ладнымъ спрамъ рода ми милогъ паричете м',
отрова лютогъ
Съ препуномъ жаокомъ вамъ, буйно што
немыслимъ я?
Родъ што ли съ незрелымъ желяма
горкій на туђина подсмей
На танакъ неводимъ ледъ, холость
подпируюћ' му?
Зато л', што зебући, „ова" да не буде
сметаня каменъ
Слабачкой ноги му іошть, ладно-
сти лепите м' знакъ?!
Празне ма найблаж'е — празнима, глупыма зо-
вемъ я желѣ;
Съ ньима намъ недиже с' родъ, можно нег'
шкодити му.

---

*) Овоме є надпису приватно препиранѣ поводомъ было, у коме є сочинитель нѣговъ, што ніе 'тео допустити да бы требало „Vivat" и „ура" са „слава наша" заменути, одъ неки родолюбаца, нечувствителнымъ према роду названъ быо.

Свакій л'? и буйный заръ?! на срцу жаръ добродѣтельи цену —
Зрелый а разсудакъ свакъ, а пат'є да жанѣ жигъ?!
Све є поделѣно найболѣ браћо!, што є подъ сунцемъ; —
Свога одъ таланта што Роду а приноси свакъ:
Роду намъ нуждань є младићъ, нуждань ал' често и старацъ;
Роду мож' служит' єръ жаръ, кадъ га ал' управи текъ
Ладнога сазрела паметь, другчіе бояти с' вреда. —
Разно се достиже цѣль, — праведни буд'те ми текъ!!

17.

б, ЧОВЕЧНОСТЬ
НА ГРОБУ
ВУКА БРАНКОВИЋА.

(15. Іулія 1838. у Крушевцу.)

Sunt, qui defunctorum quoque amicos agant.
Plinius L 1. Ep. 17.

Млога л' проклећа на главу ти излишес' несрећный мртвый!!

Праведно л'? — Богъ зна самъ, споменъ
текъ црни ти жигъ.
Сваке безъ утѣхе с'участна срца (чудно и рећи!...)
Стотине равны' ти заръ, клеше те за дру-
гимъ текъ;
Струня и перо у слоги, кою неимаше Србльи
Муратъ имъ яви кадъ ратъ, нештедно го-
ните т' већъ
Четири стогода цела, заслуге тражећи неке
У томе. Свему ал' край доћиће морати кадъ,
Клетвены' ужа и простиће т' справедльивъ Ге-
ніе рода
Съ „покаіо с', ако с' и кривъ!“ — Лака
ти земльица буд'.

18.

в, **МЛАДЕНИ.**

Власть Цітерейе да і' прошла, остао празный
и споменъ
Быћа іой негдашня текъ, я самь се уз-
дао гордъ;

Мудру Зенона *) и главу облогъ у тврдый бы дао,
Тамянъ да неће већь мой кадити светый
іой храмъ.
Тебе ал' Младена кадъ у кругу я Грація види',
Съ невиногъ образа твог' ока изъ чарно-
га л' севъ
Стреле ме погоди тако, несташногъ дерчета
нѣногъ,
Признат' да морадо власть матере силне
му іоштъ;
Тамянъ и кои одрица іой, — Крезова да су
ми блага
Сва бы іой жертвов'о радъ, къ мени да
Т' приклони текъ.

Станко Воляновићъ.

---

*) Зено Ціттійскій, быо є основатель Стойческе секте Філософа, кои су, врло строги будући, све страсти као болести душе сматрали, и тога ради утврђивали, да мудрацъ овыма никако подложанъ нетреба да буде.

19.

ПОЗДРАВЛЄ ОДЪ БРАТА СЕСТРИ СВОІОЙ НА ДАНЪ РОЂЕНЯ.

(1821.)

Virginibus, puerispue canto.

Horatius.

Текъ ако є зора заплавила,
Яснымъ зракомъ ласта запловила,
Мила шева у высъ узлетила,
Сладкомъ пѣсмомъ ютро поздравила:
Али скаче изъ постелѣ Ранко,
Добрый братацъ сестрице Милице.
Зорица му свѣтлый данакъ носи,
Кои му є сею поклоніо,
И свѣтлостю своіомъ обасяо.
Добро му се у прсима срдце
Одъ радости бѣше разиграло,
Са очію санъ му растерало,
А на ноге крыла наметнуло,
Те онъ лети крозъ росну травицу,
Брзо бере любичицу плаву,
Кринъ высокій, румену ружицу,
И покланя милой сестри своіой,
Па овако данакъ іой поздравля:
Най ти сестро! ово красно цвѣће,

Ньимъ украси твоє добро срдце.
Дична буди међу дѣвойкама,
К'о међ цвѣћемъ што є кринъ поносный;
Буди мила, кано любичица,
И весела, к'о румена ружа.

20.

НЕБО и ДѢВОЙКА.

Дѣвойка є зоромъ уранила,
Предъ сунце є млада излазила,
На цвѣће се росно наметнула,
Вѣнацъ плела, умна бесѣдила:
Боже благій! Да лѣпа намъ свѣта.
Да л' у небу росно цвѣће цвѣта,
И да л' сунце вѣчно тамо сія,
Коимъ радость овде райска клія?..
У томъ сунце лице помолило,
Свѣтле зраке на цвѣће пустило.
Лишће прену, нешто прошаптава,
Потокъ шушти, тихо проговара:
И у небу цвѣће процвѣтава,
Ярко сунце вѣчно просіява.
Ты погледай землю и небеса,
Десну руку спусти у нѣдарца,

Па ћешь дознат' пренебесну тайну,
А за тебе истину пресяйну:
Да є небо твоя душа лѣпа,
Огледало невиђена свѣта;
Прозор'є му твоє очи плаве,
Са ясности пуне свѣтле славе,
Сва природа куда се улива,
Да прекраснымъ цвѣћемъ процвѣтава,
Кадъ га благость росомъ орошава,
Нѣжна любовь жаромъ угрѣява,
Ума свѣтлость тихо озарава,
Те доброта свѣту просіява.

М. Светиђь.

21.

ОДЗЫВЪ С.....У

(20. Августа 1838.)

Пріяне! често пыташъ ме: зашто я,
Ка' и ты, перо нережемъ, неводимъ
По теби руку, єзикъ не обрѣемъ
Ка'но по устма т' твой се врти? —

А каж' ми, брате, право, што тебе я
Садъ пытамъ: зашто телесна зграда ти
На мою ніе наликъ? нити
Моя на твою? што л' мени лице

Паллада сени, теби а 'Єфестъ Богъ?
Шта ћутишъ? радъ самь, да ми одговоришъ!
Найпосле желю бы' ти твою
Чиніо, никад' ал' Меркур - Бога

На помоћь ты не призва, да каже ми,
Да люто грешимъ, тебе што неслушамъ! —
Та Богъ по свему створу ліе
Различность; люди є мудри любе! —

22.

КРЕПКА МОЛИТВА.

Боже благій!
Братъ ми драгій
Стакша Пая
Нема края
Ох! невольи
Главобольи;
Глава пуна
Єстъ ми буна'. —

Браћа сложно
Вежу можно
Былѣ, траве
Око' главе;
Пая боланъ
И неволянъ
Опетъ стои
Бонъ 1) се брои! —
Теку реке...
Носе леке;
Водомъ прсну
Главу врсну
Изъ нѣ буну,
Да изсуну;
Понеари —
Ядъ све старый;
До помоћи
Ніе доћи! —
Дакле, Боже!
Све Ти с' може;
Сади тила 2)
Паи крыла,
Нек' у стыру 3)
Антікvру
Живо брза,
Па да трза 4)

---

1) Црногор. боланъ. — 2) скора, лака. — 3) стару. — 4) бере.

'Елл'боръ 5) витый
Лековитый
Больи своіой,
Тузи моіой. —

23.

НЕЄДНАКОСТЬ.

Філаделфій свуда,
Некъ ми чини чуда;
Одъ пьи' стаю *) люди
Раскалашне ћуди;
Смею се веселе,
Све ій више желе! —
Али, чуй ме, брате!
Яко мрзимъ на те,
Кадъ ми одъ комарца
Сатворишъ магарца,
Одъ сићушна л' мрава
Читавога брава;
Ніє, боланъ, шала!
Стварка тако мала,
Кадъ нарасте грда
Више свію брда',

5) Место 'еллеборъ, трава противна буника. — —
*) Постаю.

Чини люд'ма штету: —
Съ ума себе смету;
Место да ти с' диве,
Одъ смея л' искриве,
Они, мое м' душе,
Плачемъ сви се гуше. —
Човекъ смея тражи;
На плачъ га не дражи! — —

24.

ПАРНИЦА.

Лепойка седи,
У недра гледи;
Ньой срдце плаче,
Изъ грудій скаче;
Обтекла г' Тройска —
Любовна войска;
Срдашце с' пали,
Она га жали;
Срдашце сева,
Она г' опева:
„Ох! мое драго,
„Васцело благо!

„Ак' ты ми линешъ *)
„Одъ огня згинешъ,
„То тад' и цело
„Сирото м' тело
„Живота нема,
„По теби с' спрема.“ —
Срдашце с' миче,
Лепойци кличе:
„Псуй очи, драга!
„Та оне, врага!
„Зову се верни
„Чувари дерни
„Нашега тела
„Милогъ намъ села **)!
„Па зашто тол'ку
„Да даду полку
„У наске уђи,
„И насъ потуђи?“ —
Ал' очи веле:
„О мила, селе!
„Мы нисмо верни
„Чувари дерни
„Вашега тела,
„Милогъ вамъ села;
„Но само врата
„Одъ Бога дата! —

*) Преминешъ, умрешъ.
**) Седиште; као одъ прести п р е л о; тако одъ сести с е л о, с е д а л о.

„Добру н' *) отвор'те,
„А злу затвор'те!“ — —

25.

СРБСКА ГОЛУБИЦА.

Већъ славуи летише,
Давно Србе сетише,
Да є време славити,
Животъ песмомъ бавити! —
Већь су пчеле зучиле,
Србску браћу училе,
Да изъ рада тече медъ,
А изъ чаме горакъ єдъ! —
Данице су сіяле,
Србску браћу свіяле,
Да се светомъ 'мываю,
Да се сяйни зываю! —
Садъ намъ лећe Гучица,
Мила Србу учица,
Питомость у нарави,
Да са Срб'ма борави! —

*) Не - насъ.

26.

ОДА

РАДОЄЛЦИМА И РАДОПИЛЦИМА

па безъ неволѣ

ЗАДУЖЕНИЦИМА.

(10. Септемврія 1838.)

„Кадъ за твою малу главу, малу капу тражишъ, а ты и за твое мало станѣ и маленъ живлѣня начинъ угоди.“ Стеиѣь. У Сабору 80.

„Дугъ є рѣавъ другъ.“

Стара речь.

О, како люди грдно се затиру!
Братъ Єдко... савъ у желѣ є огрезо
Кукаванъ, да му животъ буде
Япетовъ *); само, да єломъ каля,

А пиѣемъ пере гемскій си грклянъ и
Одъ своғъ бурага житницу читаву

---

*) Баснословія каже, да є Япетъ єданъ многолетный и найпрвый Єллинъ быо.

Да прави! — Новацъ, вели, стра' ме
Изъ кесе шћерда'ћу кудгодъ; дай да

Я нћга одма крозъ гушу верный ми
У ковчегъ спустимъ. — Чуданъ си човече!
Не знашъ ли тога смешну справу? —
Сутра ти не'ма у нћму оног',

Што с' данасъ тако верно му предао. —
Да люте болћ, човекъ кадъ уєденъ
Одъ Дипсе *) — коя не у песку
Лубіе раћа се, но по срдцу

Віє му с' — мора гасит' ватруштину,
Коя му прети, тело у пепео
Преврнут' ядно! — Тежки' яда'!
Рана одъ дипсе єдину штету —

Живота конацъ — наскоро доноси;
Угрызъ ал' гуе, у срдцу живеће
Чемерне свакомъ раћа плоде:
Лежи у постельи болной скупа

Са теломъ душа, име му, личность, честь! —
Да, онда свак' є наликъ на човека
Разумногъ само съ поля; другче ї
Животно грће одъ свію други'.

---

*) Дипса є родъ таки' змія', одъ кои', кадъ човекъ уєденъ буде, таку ватру и жећь добые, да донде ладну воду пити мора, докле найпосле и не умре.

У глави умъ є пречиста птичица;
Стомахъ кадъ смрадным' гађа є воняма,
Она намъ с' плаши, бежи далѣ;
Ко ће намъ човечность певат' милу? —

Та Данаіде *) давно су минуле,
Мучећ' се, буре безъ дна да напуне.
Жедници стан'те! 'ко ће данасъ
Налити несытость вамъ продрту?

Отвор'те очи! кеса васъ свету є:
„Проклета црева! зашто ме єдите?
„Видите кол'ко я вам' могу
„Давати; што ми толико ято

„Долеће ваши' жеља' и раскошне
„Отвара руке? — Гле! шта я говоримъ? —
„И не сећамъ се, вы у мысли,
„Свега да доста имате; лако

„Можете вольно живити. Жалостна!
„Тако ми люта дужна болештина
„Лови васъ, роби, мучи? — Она
„Очи вамъ квари и крати, чистымъ

„Обликомъ млогим' у очи погледат'! —
„Она вамъ лице маже руменіломъ

---

*) Петдесетъ кћерій Даная, Краля одъ Аргоса. Оне су по отчиномъ налогу своє мужеве прву ноћь поубіяле, због чега Богови осуде ій, да лію воду у пробушено буре, и кадъ ово напуне, онда да се муке избаве, коє никако ніє могло быти.

„Прави га додомъ..., кадъ васъ когодъ
„Поздрави речцама: дай ми! — Она

„Почесто здраве читаве забуну
„На васъ набаци тежку, па нипошто
„Не знате покрай людій проћи,
„Већъ ми басате по странпутицам',

„Но пробытачным'. — Каж'те ми, душе вамъ,
„Не лаж'те: єсте л' мрзки и себи? єръ
„Да млогой браћи єсте, зна се!“ —
Пуна є важности речь старинска:

„Кадъ майка ћерку кара, пребацуе
„И снаи своіой!“ Ода ми приличи
Свакоме брату, кои преко
Краткогъ се губера яко пружа!

В. Радишићъ.

27.

СРБЉИНУ.

Свакомъ є своя слава на земльи. — Некъ
Свакъ свою множи, туђой не завиди. —
Мушицкій.

Брате! Мы смо већь садъ на врху знатномъ.
Доле грози некъ пропасть Араратска,

Смртна валя с' некъ лава,
Подиже пламенъ и дымъ.

Врхъ є свѣтомъ обученъ, ведро светли
Сунце, маглу пробія густу; слоге ѣ'
Обдржати насъ благость,
Пропасть претворит' у рай.

Онай незна за сладость, комъ у чанакъ
Ніе отрова капля пала; после
Мркле ноћце и грома
Любкій сунашца є зракъ.

Тко годъ ценити незна стужу зиме,
Незна благость ни весне. Неће моћи
Страшну судбомъ размаженъ
Труса преноћити ноћь! —

Неће Срблыину зракъ засенут' окце,
Нит' пробити у срца тайну свету;
Грѣшну сумню ће, вере
Крѣпкій одбіяти штитъ.

Гласъ ће г' Геніа руководит' свагда,
Греят' пламеномъ светымъ душу нѣжну;
Страшит' вечне одъ тайне
Грѣшный потражити ключъ.

Благо свакомъ по триста пута, кои
Ярку светлость са быстрымъ гледа окомъ;
Мрачность неће г' погрузит',
Свѣтъ нит' осквернити храмъ!

Франкомъ завидишъ и Тевтономъ єли? —
Храму смерномъ удол'є мало доста;
На пространству є буря,
Здроби о стену се бродъ.

Гледай! Смртни стекоше крила, дальномъ
Смѣло небу одлеђу — траже срећу —
Пусти бодре некъ лете!
Пашће изнурена моћь.

Некъ проникну пучину синя мора;
Ноћь є вечита тамо мутномъ оку.
Некъ деветогъ до неба
Паромъ одплови имъ бродъ;

Гибель вечна є тамо. Све є земно,
Веруй! пара и дымъ. У срцу свакогъ
Цвета щастія цветакъ,
Спольный текъ шири га светъ.

Слабость людска є грдна, непоправна,
Текъ у мутномъ пузыру снує срећу. —
Єданъ плоде гди жанѣ,
Трнѣ є другоме ту! —

Г. Малетићь.

28.

НАДПИСИ

ЛУКІАНА МУШИЦКОГЪ

(изъ непечатаногъ рукописа извађени)

(год. 1822.)

а,

Судба Србски' кньижника.

Двоици, ахъ! быяу при смрти другови плачни:
Бѣда и туга и гладь. Коимъ, мари л' ко чут'?
Кои нектеше ньи за живота надгледати братски,
Молебный слушат' ньинъ гласъ, нисамь открывати радъ.
Кои имъ за живота не даваше хлѣба насущна,
Шта ћ' тымъ по смрти слухъ? Нѣжна младежи чуй!
Двоица та су Орфелинъ*), Соларићь! Вы ћет' узданут'
Кротко, и рећи, знамъ: „Лака имъ земльица буд'."

---

*) О смрти Орфелина овако є Раићь у свомъ Дневнику записао: 1785. 19. Януарія умре любезный мой братъ Захаріє Орфелинъ въ Н. Садѣ въ Епископскомъ маюрѣ пребѣдно.

б,

Когда наука, илъ природа
Дадутъ и духъ, и умъ и вкусъ,
Ни чинъ, ни должность, ни природа
Быть не препятъ друзьями Музъ.
И тольколь въ полѣ на сраженьѣ,
И за зерцаломъ дѣлъ въ вершеньѣ
Сыновій нуженъ царству жаръ? —
Нѣтъ! — проклятъ всякъ сокрывшій даръ.

Державинъ.

Огнѣни, вишъ, одзиви на Арфу Народу даю
Извѣстну надежду своимъ, поздніи шта ће дат' вѣкъ!
Отцеви! текъ дѣйствуйте штедро на учену младежь.
Вольи множите жаръ, дайте подпору, штитъ!
Изъ нье ћ' Везилићи, Терланићи устати, изъ нье ћ'
Устат' Милуновићи, устати Соларићи!
Изъ нье ћ' Палладини ратницы устати храбро
Противъ зала тме, падшымъ осветит' лютъ рокъ.
Коіомъ славомъ юнацы србски цѣлымъ предъ свѣтомъ
Свой увѣнчаше Родъ, томъ ће и ученый сборъ!

В,

„Honos alit artes.“

Сатрудниче Димитрієвъ *), кои милый намъ шилѣшь
Обходителства листъ, поздравъ прими за трудъ!
Рано с' ушао намъ у поље полезны дѣла.
Нит' ти покоя умъ, нит' ти десница зна!
Штитомъ подъ Минервинымъ множишь србске юнаке.
Ѳемидинъ ученикъ пишешъ намъ забавну вѣсть.
Првымъ ты одзивомъ на Арфу поведе красанъ
Млады пѣваца ликъ! Цѣнишъ примѣромъ трудъ!

Г,

„Nomen et omen habet.“

Милый, коме првенство даѥ учена младежь
Србскогъ народа садъ; првога Милоша сѣнь
Гласъ на чій спокойства у крылу, са сѣнкама Србскимъ,
Заигра се сва; второга Милоша духъ
Ватрену пѣсму на чію до звѣзда се попе за Народъ;
Комъ Титанъ створи боље изъ земльице грудь;

*) М. П.

Кои с' стремишъ у предѣле тамне излити свѣтлость,
Младый Светићу*) нашъ! Задржи презиме то.

Д,

Пирамида умногъ величія народногъ.

Чиме умногъ величія дигоше своегъ пирамиду
Гркъ, Латинъ, Французъ, Немацъ, съ ньимъ и Англезъ?
Своимъ єзыкомъ, є л'? Гле задатка, юноши србски!
Дић'ете исту вы себи и народу своемъ.
Єзыка ньины толмачь быт' мора намъ србскій
Єзыкъ, вѣранъ у свемъ. Толмачь свакъ буд' изъ васъ,
Вештества къ той пирамиди леже у вама самымъ.
Ише с' къ томе текъ трудъ, подвигъ, юношскій жаръ.

Е,

Право народолюбивы писателя.

Ако народолюбцы прави не стану браћи
Ползе одкрывати; та стѣне ћ' повикати већ!

*) Свѣтић? сынъ свѣта, Минерве?

29.

УМСТВОВАНЂ.

Удоліѕ вечне блажености
И холмови светогъ размышленя,
Застраница узвышеногъ жића,
Отечество земске благодати,
Огледало пресветости вечне,
Непостижность чистогъ троичества
У комъ одблескъ совршеногъ трепти
Човечества цветаюћемъ оку, —
Тежньомъ гонћнъ предѣлима светымъ
Духъ разигранъ людскій пыта гдіѕ
И награде добротворства венацъ
Каквой цвета на ливади чудной?
Низкость землѣ замаглѣне снужѕмъ
Презирући светымъ осећанћмъ
На Пегазу стокрилатомъ ѕзди
Отачбини вышечовечества;
Средоточ'ѕ тражи прстенова
Разливене плаве воздушности.
Шта ѕ капля у пучини мора?
Изгуби се стаза обичности
На разскршћу безгранич'я тайногъ.
Боравити у санова гаю,
Измышляти необично круж'ѕ
И лебдити надъ сводовма рая
Похвално ѕ, ал' са мирнымъ грудма.

Овамо деръ умно човечество,
Меурићу смесе светвореня,
Не губи се у дальности зраку,
Нит' презири твое очевине!
Єднакости себе любе взаймно,
А прашина заръ да с' гнуша праха?
Што й надъ тобомъ изпытивашъ жельно,
У тайнама тражишъ позорія
Да ти врелу окрилѣне душе
Умилношћу разоноде желю. —
Даєшъ грому ты вещества сродногъ
Да раздвои согласія мила
Човечество одъ божества вечногъ. —
Дивность, редкость, совршено, свето,
Прекроєну божества одежду
Да т' покажемъ, оди, не срами се!
Величія узвышени стубцы
На природи утврдише темель.
Ты, Светыньо! Бож'я посестримко,
Задржи ме у лугови твои,
Искру выни запретану тайнствомъ
Гасећемъ се никадъ жертвенику!

30.

СРБСКОМЪ СТІХОТВОРЦУ.

Теби є судба на прагу іошть быћа украсила темє
Даромъ Божества, єръ зракъ сави ти венца у кругъ.
Устне ти накваси дивношћу неба красный Аполло,
Свете у любкости гай обсене выси те чаръ.
Мыслима хвалнымъ надлећешъ житкость смесе створеня,
Вечне красности цветъ любови сгрева ти жаръ.
Србина славу да ставишъ на светлу гордости точку
Теженя ватреногъ духъ, главна некъ буде ти цѣль.
Име Србинъ некъ зуіи громко и странномъ потомку
Дивность нека му свой сталный утврди темель
Безсмртія ображаню твомъ у красномъ узвышномъ;
Духа т' гордога летъ звѣздный некъ носи г' у кругъ.

31.

НОЋЬ.

Wenige, ach! nur wenige sind
Deren Aug' in der Schöpfung
Den Schöpfer sieht!

Klopstock.

Ведрога дана гди є любка светлость и живость?
Пламени холмови заръ призрака были су сенъ?
Гди є дивна красота неба и вечно огньиште
Съ кога светови сви божіи облаче с' у свѣтъ?
Гди су гаєви свети, олтари побожности чисте? —
Оку изчезло є све, густый обладао є мракъ.
Ништа се живо не миче у грдномъ простору света,
Нигди не чує се гласъ, живости какове знакъ.
Любка се неба плавость у вечну претворила маглу,
Нема ни звездица там', светлогъ ни месеца већь.
Заръ се угасіо пламенъ средоточія вечногъ?
Ил' првобытный є мракъ новъ да сотвори намъ светъ? —
Ты си намъ вечно, силный, трисвятій преблагій и Боже!
Светови сруши с' сви, вечно остаћешъ намъ Ты.
Рука ти блага таме изъ густе ће светъ произвести;
Твой некъ загрми текъ гласъ, дигнуће с' светова рой.

Неизслѣдима вечность и безграничность пресвета,
Сунца безбройны и свѣтъ престолъ божества
є Твогъ.
Мркла некъ тама и глува тишина Т' подножіе
тишти;
Духъ самобытности Твой вечный огреваће свѣт'.
Вечни некъ стану сати, некъ ланацъ прекине
се тврдый;
Духа Т' свесилнога створъ праздности врати
с' некъ савъ:
Величествени светови Теби ће трептити опетъ;
Своmъ се источнику єръ натрагъ повратило све.
Време и просторъ и вещества силна нису Ти
нуждна;
Доста єръ себи си самъ, целый у Теби є
светъ. — —
Каква, о! промена красна! Густа се развуче
магла;
Величественый храмъ букти у пламену савъ!
Безграничномъ по мору плове ватреный крузи;
Слетлость разливасе свудъ, благости Божіе
трагъ.
Златни се рози блистаю луне, землѣ любовце;
Кола и млечаный путъ любкости сипаю зракъ. –
Нема заръ живе душе да с' диви китнастомъ небу?
Заръ се крепителный санъ вечну претвор'о
у смрть?
Доста ће т' сна быт', о човече! прени се, ди-
ви се самномъ,

Чувством насладисе тым, стопи с' у восторгу савъ!
Чуй! како гласъ Создателя благогъ са престола грми:
„Прійдите, пріимите вси разума, мудрости духъ!“ —
Двери се храма премудрости обноћ' отвараю широмъ,
Ризу одбацы са себ' бренности, нетлѣный духъ
Само на ветреномъ крилу некъ се нѣму узвыси. —
Само гди с' чувствуе Богъ, мудрости изворъ є там'!
Пѣсань трисвята некъ му грми свакогъ изъ грла;
Свакогъ створеня некъ гласъ славе разноси му духъ.
С' лицемъ припадамъ къ земльи славе Т' предъ величеством
Благій Создателю мой; мравка не презри ме твогъ!
Пусти благій текъ погледъ с' высине престола Т' светогъ.
Мравакъ оживиће Твой, чувствоват' блажена себ'.
Отче! освети ме силный, мишцомъ пресветости твое,
Вечно ћу смиреный жрецъ служит' олтару текъ Твомъ.

32.

СОВЋТЪ.

Съ єдногъ прни края света,
У другій се смести кругъ:
Врагъ, питомацъ ада клета,
Пратиће те, верный другъ.

Велико є свагда маломъ
Препречило къ слави путъ;
Зато г' свагда (текъ у тамномъ
Кругу) гони врага прутъ.

Слабогъ духа само срамне
Разлеже се жалбе гласъ,
Къ величію нека хвалне
Постоянство води насъ.

Густомъ магломъ кивне беде
Претиснутъ є земный кругъ,
Све тамане сестре бледе,
Само єданъ штеде лугъ.

У нћму є благостыня
Човечества, дивный цветъ,
Сама глува и пустыня
Нћговъ піе ведрый светъ.

Нћга нема свой у смеси
Амалѳее пуный рогъ,

Као нетлѣнно текъ завѣси
Бренной благій спусти Богъ.

Коренъ му се у мрачности
Глувой плоди као лугъ,
Нѣговъ любкой у светлости
Холо гибѣе, шарный кругъ.

Само вечность непостижна
Разцветат' му може склапъ;
Зато души навекъ милна
Чистой каплѣ быстра капъ.

Съ овымъ цветомъ, милый друже!
Благородну краси грудь,
Пакъ ѣешъ смртно пресѣ' уже
Кое вечный сплете судъ.

33.

ТИХОЙ НОЋИ.

Тиха ноћи,
Небо ведро
Милый свѣте мой!
У самоћи
Срце м' єдро
Шалѣ т' хвале строй.

Поздравлѣнъ ми
Навекъ буди
Песмомъ гласа могъ!
Вечно ће ми
Крепит' груди
Сладость чувства твогъ.

У тайности
Твога храма
Новъ ми с' роди свѣтъ;
Изъ любкости
Чистогъ срама
Райскій м' ниче цвѣтъ.

Слутню благу
Безсмртія
Твой ми ули зракъ;
Нову снагу
Гоненія
Разагнати мракъ.

Ты ми слади
Свѣте милый
Бѣдный животъ мой,
Новой младый
Докъ у силѣ
Духъ воскресне мой!

Г. Малетићъ.

34.

ПРЕДРАГОМЪ И РОДОЛЮБИВОМЪ

МИЛОШУ СВЕТИЋУ,

приликомъ посѣћенія

КНЯЖЕСКО-СРБСКЕ ГИМНАЗІЄ.

(у Крагуєвцу Месеца Юлія 1837.)

Данасъ гусле увелико єче,
Вила ін є дивно удесила,
Грло ми є ясно као звоно,
Духъ пробуђенъ, а весело срдце,
Све због Тебе Светићу предрагій,
Жельный госте, знаменитый Србе,
О добро намъ и найболѣ дошо!
Гусле мое славу Буж'ю пое
И витежка разглашую дѣла,
Ал' слабе су да радость изяве,
У коіой ми Србско плыва срдце,
Што Те данасъ у Свойбини гледимъ,
У коіой се Савва посветіо
И Кралѣвићъ прославіо Марко;
Што л' Те милой младежи одкрывамъ,
Да си главомъ, за когъ самъ казив'о,

Да є негда на Парнасу быо
И одъ Феба лиру задобіо,
Коіомъ Србска очарава срдца,
Очарава, духъ ли приволява
Теħи къ добромъ, истиномъ и красномъ.
Кадъ по жельи одбранiи Срба
И Княжеской па и Божіой вольи
Трудно дѣло єсамь започео, — ?
Повѣрену младежь провоħати
Крозъ дворове вечнокрасногъ Феба,
Полезно ли са веселимъ слюблят'
Текуħ' къ цѣли трудъ да неосети —;
Ты ме онда племенито-Србски
На Божієгъ угледавши с' Луку,
(Коєга си Арфу наследіо)
Нħговима редцыма охрабри,
Шафарика негда задунувшим' —,
Те ми посо излази за рукомъ:
Но одсадъ ħе и болħ и лакше,
Кадъ си собомъ дотле с' потрудіо,
Къ намъ да доħешъ и у храмъ да уħешъ
Богокħер'ма Князомъ посвеħеный;
Єръ присутствомъ благе Твое Музе
Колико ħешъ Србчадь обчинити
И паштню имъ къ цѣли осладити,
Кадъ одсутствомъ толико си мог'о!?

Исидоръ Стояновиħъ.

35.

ОДА

ЛУКІАНУ МУШИЦКОМУ.

Бíждь дрýга Сéрбстéмъ ýже блистáюща
На Пíндѣ, въ жúцы Сéрвскїа кáкъ лúры
Óнъ дúвнш, тáмъ блúзъ грáда сýщїй
Дрéвнагш, днéсь ýдарлéтъ. Рímскїй

Сéй Пáрнасъ, въ нéмже Сéрбынъ нéсть славы
Презрéвый, нынѣ лéтитъ на мáтерню
Крилъ, Лýкà гдѣ сѝ на глáвъ
Лáвровъ вѣнéцъ положúлъ ирóю.

Въ дýшѝ мъ бóдрость въ дýсѣже крéпость, а
Любóвь во сéрдцѣ, íже въ ловúтвъ тмы,
На вéрхъ внегдà мъ слáвъ возлéтѣть,
Пáсти ѣмъ недадýтъ. Задáтокъ

Сéй въ лéтѣхъ млáдыхъ сы́й положѝ себѣ:
Въ тмъ л вѣчнъ пáсти, жúти л въ славѣ во вѣкъ
Бесмéртенъ.“ врáгъ пóлкъ лю́тый злáа
Мыслящїй, всѣе ѣмъ протúвъ

Ста̀: О̃нъ, перо̀ сѝ въ щи́тъ и̂ о̂ру́жїе
И̂збра́въ, погна̀ ꙗ̃, и̂ возврати́шасѧ
Вспѧ́ть; пу́ть же и̃хъ бы́сть тма̀ и̂ по́лзокъ
Ꙗ̃же верго́ша впадо́ша въ се́ти:

О̃нж҆ въ бра́нѣхъ лю́тыхъ си́це му́жа́ѧсѧ
Покры́сѧ до́брѣ пла́щемъ заслу̂гъ свои́хъ,
И̂ е̃сть тебѣ̀ ѕдѣ̀ ни́з҆ приме́ромъ,
Кра́сномъ любвѝ доброты́же дру́га.

Одъ Непознатога Пѣвца.

36.

ЛЕПОСАВИ.

О, Лепосаво! бежи, уклонисе,
Не дижи бурю ярости пакостне
У светымъ грудма; рука снежна
Неће убрисати вечну лягу.

Не мысли, да ћешъ съ устима оживити
У срцу, любве пламенъ угушеный,
Нит' зракомъ топлымъ ока т' быстра
Сметове ледене стопит' душе.

За тобомъ неће м' стреляти уздысай,
Нит' чиста суза слећат' низъ образе:
Ружичну свезу Пѣнородне
Раздера вечито млада Муза.

Глед'! бездна бурна разстави полѣ одъ
Ружичногъ гая. — Погледъ укоченый
Зашт' пружашъ преко мора синя;
Бродъ се утопіо спасенія. —

Да! иди — плачи, траж' у самоћи садъ
Надежде холме сунцемъ позлаћене:
Прошастогъ дана животворну
Нећешъ повратити светлость никадъ.

Кадъ блага ноћца съ китнастогъ неба свудъ
По бурномъ свету блаженъ разаспе миръ;
Кадъ съ холма среброкосна ноћи
Светыня милно засине: онда,

О! онда ћ' вечнотайне изъ пећине
Гласъ съ одра презнут' чувства т' разслаблена;
У грудма тешко ћ' куцат' срце,
Сузе ћ' угушити тужный гласакъ.

Небесномъ духу плаве изъ дальности
Некъ одзывъ седмострунке м' загрми тад';
Подобно грому нѣжны грудій
Смртно уязви некъ подло т' срце!

Г. Малетићъ.

37.

Ко є већомъ пламеніо, међь кньижевницима нашим',
Любов'ю къ от'честву свомъ? Дѣлы доказао ту?
Неже ли твой, Мохоле, Терланћь? Нежел', Землине,
Давидовићь твой? Лютъ и' растави рокъ!
Любовь къ отечеству са нуждомъ дође у борбу!
Борише се, свакъ зна, дуго и храбро за Родъ
Оба юнака та! Изломише премнога копля.
Рокъ имъ прободе щитъ. „Съ Богомъ сродници садъ!

38.

Людской добродѣтельи и сили подпора є нуждна.

Любовь ко отечеству и вѣри чудеса у войни
Чини и чинић' увекъ. Оклопъ да неспадне текъ!

39.

Nemo diu gaudet, qui judice vincit iniquo.
Cato.

Почесть Вукъ за вечеромъ доби отъ Кнеза, а Милошъ
Нечесть. Освану данъ. Првый последньій бы!
Л. Мушицкій.

IV.

ПРЕВОДИ У СТИХОВЫ.

1.

БЛАГОПОСПѢШНА ПЛОВИТВА.

(Слободно по Геѳею.)

Магла се разиђе,
Небо се разведри;
Єръ Еолъ грозеће
Препоне раскрсти.
Вѣтрићи дуваю,
Возари послую, —
О воз'те брже!
Далекость стиже,
Віоръ престаде:
Гле землѣ брате!
Погледай окомъ,
Съ малымъ си скокомъ
Тамо, кудъ тежишъ,

Веслай, шта мыслишъ?
Весломъ у воду,
Часъ си на брду:
Заръ там' не гледа
Тко на теб' съ брда? —
„Таласъ се дѣли,
Чуй! сынъ ти вели,
„Віоръ се слеже,
„Ако се сложе,
„Ето ій къ земльи
„Скорымъ весели. —
Ледъ ты пробіяй
Дѣцы неоставляй;
Кормило юнаку
Стои у руку.
Сложно! гле землѣ,
Там' намъ є веселѣ!

2.

НАДЕЖДА.

(Слободно по истоме.)

Вышньій Творче! да дѣло дай
Слабы руку докончамъ,

Духъ да м' клоне недопуштай,
О, я дѣламъ, не санямъ. —
Ове воћке — сад' шибльике —
Даће ладакъ, плоде сладке.

Вл. Стоядиновићъ.

3.

О Д А

Изъ К. 'Орапіа Флакка Кнь. III. 3.

(Размѣромъ Алкаійскимъ.)

Праведногъ, тврдогъ мужа у намѣри
Нит'. жаръ граћана', на зло устремлѣны',
Нит' грозный ликъ тирана креће
Умне са крѣпости, нити Австеръ,

Водитель бурный несташне Адріе,
Нит' веля рука Іовиша огнѣна:
Сгрувано небо нань' да с' с'урва,
Неће ударци му задат' страха.

Томъ згодомъ Поллуксъ, скитный и 'Еркулесъ
Узнешенъ, дворе домаши пламенне:
Међ коим' Августъ посадившій с'
Устма пурпурнима піє нектаръ.

Томъ, Бахе Отче, ты си заслужіо,
Да т' твои носе рысови, неукимъ
Вратомъ ярамъ вукућ'. Томъ Квиринъ
Избѣже Ахеронъ съ коньма Марса;

Кадъ є Юнона Божѣмъ на совѣту
Изрекла згодно: „Иліонъ, Иліонъ
Несрећный любострастанъ судацъ,
Странна и женица преобраћа

У прах, одкада остави Богове
Лаомедонъ за награду, проклѣтъ прах
Одъ мене, и Минерве чисте,
Съ народомъ, войводомъ варалицомъ.

Већ нит' Лаконке блиста облюблѣне
На гласу гостъ іой, нит' вѣроломный домъ
Пріямовъ бойне Ахивляне
'Екторскомъ силомъ узбія натрагъ:

И нашимъ 'воћенъ раздоромъ стиша се
Ратъ. Я ћу скоро ярости тежке, и
Унука мрзка, когъ є Троя
Свештена родила, опет дати

Марсу на поклонъ. Нѣга ћу пустит' я,
Да се ко свѣтлим' столицам' попинѣ,

И піюћ' сокъ нектара, счисли с'
Редовма мирним' Богова вышњи'.

Дугачко докъ се волнує море међ
Иліомъ и Римомъ; срећни некъ владаю
Прогнанци на све стране. Докъ на
Пріяма, Париса гробу скаче

Стока, и дивѣ звѣрине крыю одъ
Освете штенце; некъ Капитоліумъ
Блистаюћ' стои, Римъ и силный
Сяйнима Медима права дає.

Са страхомъ име крайне у землѣ некъ
Далеко простре, срединомъ вода гди
Европу дѣли одъ Африке,
Нилъ где изливаюћ' ньиве плави.

Незнано злато, болѣ и смѣштено
Што земля скрыва, лакше да презире,
Нег' скупля, за потребу людску
Грабльивомъ рукомъ све свето вукућ'.

Све нека свѣта краєве дирне онъ
Оружѣмъ своимъ, тежећи доспѣт' там'
Где с' огань віє у радости,
Магле се дижу и кишне каплѣ.

Ал' ратоборним' 'вако Квиритима
Изричемъ судбу: „Да, на побожность и
На срећу ослонивши с', небы
Древну зажелили дићи Трою.

Єръ ако Троє съ тужнымъ прорицанѣмъ
Узрасте срећа, пропастће жалостно;
Я ћу побѣдоносне водит'
Войске, я жена и сестра Зевса.

Да с' трипутъ дигне зидина гвоздена
Са вольомъ Феба: трипутъ ће пропасти
Одъ мои' Грка; трипутъ жена ћ'
Плакат' у робству за мужемъ, дѣцомъ.

Шальивой ово лири неприличи!
Кудъ тежишь Музо! Престан', продрзльива,
Испричат' говоръ Божій, пакъ и
Велика таньити мѣромъ маломъ.

М. Светићь.

4.

ОДА

Изъ К. 'Орацiа Флакка Кнь. IV. 3.

Ето, любезный мой Торквате, пролѣћа! Веселисе, живи; скоро насъ не буде за вавѣкъ!

Савъ є одмагліо снѣгъ; вечъ се повраћа полями трава,
Горама зелена честь.

Земля помлађує ликъ; међу обале вода спласива,
Те мимотекућа єсть.
Граціа распасна смѣ у Сестара и Нумфа скупзбору
Коло заводити садъ.
Не чекай безсмертно што! гледъ, сва година каже узъ Ору,
Коя є благогъ дне тать.
Зефиру зима скроча, и сласть пролѣће поразизи лѣто,
Комъ є изданути редъ,
Єсень кадъ воћоносна родъ изнѣдрава зрѣлый дочето;
Онда с' пакъ враћа лѣнъ ледъ.
Али што небу гине, то надомѣсти окретна луна:
Мы, кадъ смо доспѣли там',
Побожный Еней гдѣ, Туллъ гдѣ, и Анкъ, што моћь блисће имъ пуна,
Сѣнка и прашакъ смо самъ.
Знаде л' тко, вышній оће л' іошъ къ досадашнѣмъ збиру данака
Сютрашній придати данъ?
Наслѣдникъ не виђе твой у свеграбливо лакомы шака,
Себи што дашь пріятанъ.
Долѣ кадъ пао будемъ, и свой Міносъ пресвѣтлый там' за те
Єдномъ изговори судъ:
Већъ те ни племе, ни рѣчь, ни прамъ Бозима любавь, Торквате,

Не врати натрагъ отудъ.
Та не искуплює, (знашь,) ни Діана изъ тавни-
це Ада
Чистогъ Іпполѵта свогъ;
Ни Піріѳою миломъ силанъ Ѳезей поскидати нада
Окова оносвѣтскогъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Горама зелена честь: Орацъ пѣва у Епод. 11. овако: Hic tertius December, ex quo destiti
Inachia furere, silvis honorem decutit.

Граціа распасна: голяна, гола; то єсть: у танану претанану, провидну (прозрачну) одѣлу; премда є Граціе каснія древность и голе живописала. Има нетко, гдѣ вели, да є Аморъ Граціяма украо покрывала.

Сва година каже узъ Ору: Ора, часина, (одъ часъ — Augenblik, — као година одъ годъ,) Богиня и Господарица премѣнама времена.

Али што небу гине: небу, єръ на небу премѣне времена постаю: будући да сунце, или, како што Орацъ вели, луна (мѣсецъ) не стои, него се окреће; то се отудъ небу надомири штета: отудъ времена годишня долазе, пролазе, и опетъ долазе.

Побожный Еней: Еней, Троянскій витезъ, потомъ Краль Латінскій, и праотацъ Римлянима.

Туллъ, и Анкъ: Туллусъ Остіліусъ, трећій Краль Римскій; Анкусъ Марціусъ четвертій К. Р.

Міносъ: Міносъ є єданъ између судія Тартара (ада.)

Діана: Діана Богиня веома є миловала Іпполѵта.

Ѳезей: Ѳезей пратіо є у Тартаръ любезника свогъ Піріѳоа, кадъ є овай хтѣо да отме Плутону дра-

гу нѣгову Прозерпіну, и кадъ є зато у Тартарске окове доспѣо, коє скинути вѣрный Θезей тако злосрећно поиће, да и нѣга оковаше.

Окова оносвѣтскогъ: или Леθеискогъ. Леθе, кажу Баснословцы, єстъ єданъ између 5 Тартарски потока, изъ коєга кадъ се піє, све се, што є прошло, заборави.

Нада: надо є челикъ, близница у Тимоку; т. є. гвожђа, гвоздія окова.

Савва Меркаль.

5.

О Д А

Изъ К. 'Орація Флакка Кнь. II. 14.

Пролазе брзо Постуме! Постуме!
Лета, неможе боре, настоєћу
Старост и смрт неукротиму
Смиренност да заустави. Ты ћеш

Бадава с' триста волова блажити
О друже! сваки дан неумолимог'
Плутона. Геріон є од три
Тѣла и Тиціус тужном водом

Тога укроћен. Єрбо земаљска ко
Ужива' добра, Краль ли он био ил
Сирома земљделац, мора
Воду препливати. Та бадава

Ћеш се од Марса крвавог клонити,
И лупе шумне таласа Адрини;
Бадава ћеш у єсен чуват'
Тѣло одъ юга нездравог' твоє.

Морамо видит' лагано текућег'
Коцита црног', Данайски нараштай
Безчестни, и на муку вечну
Сисифа Еолья осуђена.

Любезна жена, кућа и землѣ ће
Нам' остат'. Мрска ће те купрес између
Свію твог' сада дрва у гроб
Пратити времени господару.

Под сто затвора скривено цекубско
Наслѣдник неће штедити вредніи;
Болѣ ће вино, нег' што Папе
Пію, проливати на под скупи.

Одъ Непознатога.

6.

АНАКРЕОНОВЕ ОДЕ.

(съ Єллинскогъ.)

а,

(2.) НАЖЕНЕ.

— ◡ — ◡ — ◡ ⏑

Наравь быку обрану
Дала роге якостне;
Коньма даде копыте;
Зецовима брзину;
Оштре зубе лавов'ма;
Рыби пловлѣ итлено;
Птици летѣ лагано;
Здравый разумъ людима.
Жени ништа немаде!
Шта ли ньойзи? Лепотность
Место штита' шыроки',
Копля' ли оштрляты';
Зато свака лепушка
Гвожђе, ватру надмаши. 1.)

---

1) Победи. т. є. гвоздена срца умекшава.

б,

(8.) НА СВОЙ САНЪ.

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡

Санакъ сладко боравећи
Морцрвену на ћилимцу;
(Веселость ми Бакусъ дао)
Видимъ у сну, гдино путемъ
Напретачке трчимъ брзо,
Съ додама се играюћи,
Ал' ми деца ругаше се
Нѣжнія нег' истый Лvей
Люто, горко съ речены ме
Диркаюћи лепоякa'.
Истомъ я ій любит' тедо',
Ал' ми изъ сна све с' разрое;
Тако тужанъ морао самь
Опетъ спати у самоћи.

в,

(10.) НА АМОРА ОДЪ ВОСКА.

— ◡ — ◡ — ◡ ◡

Младићъ нѣкій Амора
Одъ воска продавао;

Я за ньиме пристао,
Пошто ћешъ ми, пыта' га,
Рукотворѣ дати то?
Срдно на то рече онъ:
Пошто оћешъ узми га;
Ал' и ты ћешъ зазнати. —
Та восколепъ ни самь я,
Вѣчъ не могу съ несташнымъ
Да ти живимъ Аморомъ.
Дай га дакле, момче, дай,
Драхму зань га даћу ти;
Єсть зборавко... лепотанъ.
Де Любинко таки садъ
Гледай да ме угреешъ;
Єръ ћу Богъ ме тебе я
На пламену стопити.

Г,

(11.) НА САМОГЪ СЕБЕ.

— ◡ — ◡ — ◡ ⏑

Мени жене беседе:
Анакреон', старъ си вѣчъ!
Огледай се, видиѣешъ,
Да ни косе немашъ све.
Я управо за косу,
Имао є, нем'о є,

Незнамъ, само добро знамъ,
Да ми стару приличи,
Докъ іошъ смрть ме не зграби,
Све милине терати (проводити).

Д,

(12.) НА ЛАСТУ.

— ◡ — ◡ — ◡ ⏑

Шта да садъ ти учинимъ.
Ласто ты цвркопушо?
Оћешъ да ти вита та
Крыла твоя окрешемъ?
Ил' изъ уста єзикъ ти,
К'о Терей што некада,
Волишъ да ти искинемъ?
Зашто изъ сна сладког' ми,
цвркутанѣмъ преранымъ
Ты украде Баѳулла?

Е,

(15.) НА ИЗОБИЛАНЪ ЖИВОТЪ.

— ◡ — ◡ — ◡ ⏑

Нієми до Гігея,
Та одъ Сарде властеля;

Нит' самь бio ревньивъ кадъ,
Ил' тyран'ма завидльивъ;
Мени брига, мyромъ є
Орошават' брадицу;
Гледимъ, све да ружама
Увенчавамъ главицу.
Я с' за данасъ бринемъ текъ,
За сутра ти, шта ко зна?
Докъ є дакле ведро iошъ
Коцке с' сиграй, вiнце пiй,
Лгею пакъ жертве лiй!
Да те боля каква годъ
Неузме, па суди ти,
Да не сркнешъ никадъ ништ'!

Ж,

(16.) НА САМОГЪ СЕБЕ.

— ◡ — ◡ — ◡ ⏑

Ты извiяшъ песме ми
Све одъ Θиве поносне;
Овай пакъ одъ Фрггiє
Изводи ми гласове;
Я вамъ моя певамъ зла:
Нит' є конь ме убiо,
Гди по суву єздеħа,

Нит' ме войска напала,
Гди по мору пловећа,
Но съ очію другій новъ,
Збуніо ме, браћо, ратъ! —

3,

(18.) НА СРЕБРНУ ЧАШУ (друга).

— ◡ — ◡ — ◡ ◡

Куй ми, сладкій кояле!
Купу лепу пролетню.
На ньой стави време ми,
Кое носи ружице!
Понда сребро разтапкай,
Те ми чашу дивну куй;
Смешны по ньой не буд' ми
Ти' піянски' несносны
Обреда', нит' причиня'!
Болѣ гради Евіна,
Юпіт'рова унука;
Кіпру, любве причину,
Коя слаже гмене;
Безъ оружја Аморе;
Съ ньима Милке смешкасте!
Подъ він'градомъ плоѣанымъ,
Китнястымъ и листатымъ

Све момчадь леполику
Реж' у игри съ Фебомъ ми!

и,

(19.) ТРЕБА ПИТИ.

— ◡ — ◡ — ◡ ◡̄

Пiє црна земльица,
Ню ми дрва сисаю;
Море гута реке намъ;
Сунце суши Оцеанъ;
Луна сунцемъ светли се!
Што є, браћо, стало вамъ,
И я што самь пити радъ? —

і,

(20.) НА ДЕВОЙКУ.

— ◡ — ◡ — ◡ ◡̄

Мученику Танталу,
Властелю одъ Фрiгiє,

Каменъ *) ста л' на обали?
Пандіона ћерка є л',
Ка'но ласта летила?
Момо! и я зырцало,
Нека будемъ, да се ты
Често на ме огледашъ!
Нек' се створишъ одећа,
Да се мноме огрћешъ!
Вода б' био чиста я,
Нагу да те мыємъ свудъ!
Мирисъ, дево, Боже дай!
Стао я, да т' намажемъ;
Я ти био удесна
Око' прса' утега; (мідеръ)
Бисеръ, боланъ, постао,
Да ти белый грлимъ вратъ,
И свилена ципела,
Да ме газишъ нономъ ти!

---

*) Т. є. кадъ є то чудо было, да є каменъ, кои є Танталу выше главе висіо, и мучіо га, милошћу Богова' съ нћга на обалу реке, у коіой є онъ мученъ, одскочіо и муку му умаліо, и кадъ є Пандіонова кћи Філомила, као ласта летила, то нека и ово буде, да я постанемъ огледало, одећа, вода и т. д. —

К,

(23.) НА БОГАТСТВО.

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡

Благо, злато, кад' бы могло,
Продульиват' смртным' животъ,
Я бы г' онда теко, чув'о,
Да, кадъ смрть ми за вратъ дође,
Платимъ іой, па, да ме с' мане!
Али, кад' є немогуће
Смртну благомъ животъ купит',
Што залуду за њимъ учемъ,
Што ли тол'ке носимъ бриге?
Было каде, мора с' мрети,
Па одъ злата коя полза?
Зато, Бого! дай ми здравля,
Да я могу вінце пити,
Съ пріятель'ма вес'о быти,
И у мекомъ одмориштy
Бавити се съ любкомъ Пенкомъ.

Л,

(24.) НА САМОГЪ СЕБЕ.

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡

Я самъ човекъ на светъ рођенъ,

Да живота стазу прођемъ;
Време знамъ већъ, што є прошло,
Кол'ко одъ сад' іошъ га имамъ,
То никако, браћо, незнамъ!
Ман'те ме се дакле бриге;
Мени до васъ сада ніе;
Пре нег' што ћу къ мети доћи,
Радъ самъ с' играт', смеят', скакат'
Съ Лґеусомъ моимъ краснымъ! —

М,

(30.) НА АМОРА.

Мусе негда Ерота
Венчићима везаше,
Па га даше додама; (девойк.)
Онда брже Цґѳера
Ктене добромъ одкупомъ
Избавити Ерота.
Ма га 'ко и купіо,
Неће доћи, оста'ће;
Служит' онъ се навыко! —

Н,

(32.) НА СВОЄ ЛЮБОВИ.

— ◡ — ◡ — ◡ ⏑

Ако лишће дрвля ми
Свегъ узумешъ казати;
Ако целогъ мора ми
Вале знашъ преброяти,
То ћешъ тад' и мои' ты
Люб'вій быти счислитель!
Изъ Аѳине найпре де'
Двaєстъ стави любовій,
И поредъ ньи' петнайстъ іошъ!
Мети садъ изъ Корінѳа
Поворке одъ любовій;
Рани и Ахаіа
Лепотворне женице!
Айде сад' изъ Лесба ми
Числи и изъ Іоніє,
Родоса и Каріє
Две тысуће любовій! —
Е! већъ доста, престани!
Стави, брои' ми, докле ћешъ?
Каза' л' ти изъ Сгріє,
Изъ Канове, Крете ли,
Любови, гди Аморъ ми
По градов'ма светкув с'? —

Оћешъ ли да пишемо,
Оне, изванъ Гадіре,
Вакра' и изъ Індіє
Душе мое Ероте? — —

О,

(33.) НА ЛАСТУ.

Ласто! ты одъ пролећа
Долазишъ до пролећа,
Гньиздо себи слеплюешъ;
П' опетъ зими ил' у Нілъ,
Ил' у Мемфісъ одвиташъ!
Мой ал' Еротъ у срцу
Неизлетно гньизди се;
Аморъ сданъ леће текъ,
Другій є у яету,
Трећій полакъ искрсо!
Стои писка млађаны,
Као, да су глађани;
Еротићи већи ми
Ове мале клюкаю;
Одячавши ови пакъ
Друге таки легу ми! —

Како да се помогнемъ?
Ято л' ово Амора'
Како 'ћу да растерамъ! —

п,

(34.) НА ДЕВОЙКУ.

— ◡ — ◡ — ◡ ⏑

Небеж', момо! небежи
Гледећ' ми на седину,
Нит' се ты, на теби што
Смеши с' цвеће младости,
Клони мое любови;
Погле', како венцима
Доликуе белый крінъ,
Кадъ е сплетенъ съ ружама?! —

р,

(35.) НА ЕВРОПИНЪ ЛИКЪ.

— ◡ — ◡ — ◡ ⏑

Я бы реко овай быкъ,
Да е правый Юпітеръ;

Погле, гди на леђима
Носи жену лепоту
Изъ Сідона зграбивъ є;
Преко мора броди брзъ;
Вале сече папцима.
То заиста други быкъ,
Одъ чопора с' одтргши,
Не бы моремъ пловіо,
Но сушт'ственый онъ є онъ!

С,

(45.) НА АМОРОВЕ СТРЕЛЕ.

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡

Мужъ Цѵѳеринъ, црный Ефестъ
У Лемніским' у пећкама
Гвожђе узевъ итро кова,
Та Аморске оштре стреле;
Връове имъ маза Кѵпра
Медомъ сладкимъ изабранымъ,
Аморъ опетъ жучю трео!
Ратоборацъ на то Марсе,
Бойнымъ своимъ машућ' коплѣмъ
Стрелу Любка презираше.
Аморъ виче: „Моя стрела
Одъ твогъ копля єсте тежа!

Узми-деръ є, па ћешъ видит'!“
Али Аресъ зграби стрелу;
Сладко Кипра смешнула се;
Тада Марсе стенћ, выче:
„Тежка л' ти є! на є коси!“
Али Аморъ враже зборне:
„На часть ти є, дрзкій пришо!“

Т,

(47.) НА СТАРЦА.

— ◡ — ◡ — ◡ ⏑

Любимъ старца шальива;
Младъ ми плеско *) мио есть;
Та кадъ плеса старина,
Беломъ косомъ онъ є старъ,
Али умомъ врло младъ! —

У,

(52.) НА САМОГЪ СЕБЕ.

— ◡ — ◡ — ◡ — ⏑

Младежи кадъ саборъ видимъ

*) Играчъ, Tänzer.

И кодъ мене тад' є младость!
Онда, онда и я старацъ
У плесъ брзо тужанъ летимъ;
Причекай ме, ты Цгбебо!
Прости, оћу да с' увенчамъ
Беж' далеко старости ми!
Съ младежи ћу младъ да плескамъ
Бакусовогъ дед' одъ воћа
Нек' ми влаге 'ко донесе,
Да старине види врлость,
Кои уме бесединти,
Кои знаде сладко пити
И любавно вес'о быти! —

Ф,

(54.) ЯДИКОВАНЂ.

— ᴗ — ᴗ — ᴗ — ᴗ

Зулови су већъ ми седи,
Глава сва и она бела;
Миле неста младости ми;
Зуби су ми остарили;
Сладкогъ пакъ живота време
Ніе млого остало ми.
Зато цвилимъ, горко єцамъ
Тартара се страшећ' лютогъ;

Єрбо пакла зло є дано,
И у нѣга сужанъ силазъ;
Ко єданпутъ тамо уђе,
Нигда више не изиђе! —

В. Радишићъ.

Примѣч. У Уранiи за 1838. г. изясніо самъ се я предъ драгимъ ми Србствомъ, о Анакреоновым' Одама, да ми ньинъ раскошъ ніе дао, да іи све у светъ пустимъ. Но садъ, мыслећи, да оне тымъ ньинымъ раскошомъ могу човека веселити, те и тако му одъ неке корысти быти, ево іи, али опетъ не све, но само 22. шилѣмъ миломъ роду моме у госте! — Да се Оде ове не даю карати, ни осуђивати, то ће свакъ живый признати, кадъ му се да на знанѣ, да є ньи и самъ покойный нашъ мітроносный жаркій певаць Л. Мушицкій, не само радо читао и ньима се забаляо, но неке одъ ньи' и на Црквено-Славенски превео и у Србскимъ Летописима обнародіо. — А вредностъ ньину вальда дознае и нашъ Г. М. Светићъ, кадъ ме є негда у разговору съ ньиме и онъ опоменуо, да іи издамъ.

7.

РОДОВИ.

(Изъ Шиллера.)

Глед'! у нѣжномъ отроку два с'единѣна цвета,
Момче и дѣва; іоштъ пупакъ покрыва оба.
Тихо с' одвіе свеза, раздвою се природе нѣжно,
Стида одъ благога ватрено дели се моћь.
Пусти дерче да с' игра, у дивльой да склоности бесни:
Дражести враћа се текъ натрагъ засићена моћь.
Двострукій цветъ начинѣ малогъ изъ пупка развитакъ;
Дичанъ є свакъ, ни єданъ грамзеѣ' не мирити духъ.
Дражестна єдрость пуни дѣве гиздаве уде,
Гордость ал' строго тай чува као поясъ іой чаръ.
Плашльива, као кошута крозъ гору гонѣна ловцемъ,
Бежи одъ мужа, єръ любови незна іоштъ сласть.
Изподъ мрки намрштено гледи обрва младиѣь,
И очврснутъ за бой силно напреже се лукъ:
Бойна мећъ копля далеко и страшну у лупу оруж'я
Славе мами га зракъ, кипећи вуче га духъ.

Садъ сачувай о природо твоѥ створенѣ! Єръ навекъ
Твога безъ союза сродно разделиће се. —
Ту си вечь, ты свемоћно божество! дивлѣ изъ борбе
Дижешъ согласія ты дивнобожественный миръ.
Ганянѣ мучи дубоко грмеће; дана бунтовногъ
Мирно развлачи се шумъ, звезда низпушта се рой;
Шапће уздишућ' трска, жуборомъ валя се потокъ,
Крозъ славуя и гай стройный разлеже се гласъ.
Шта наводи на уздисай дѣве дижућа с' прса?
Момче! ока т' шта мути са сузама зракъ?
Всуѥ, ахъ! тражи у наруч'ю нѣжномъ што б' сродила срцу,
Теретъ и савія къ земльи набубренный плодъ.
Непреривно грамзећ' та ѥ у собственной ватри
Младићь, пламенъ ахъ тай ништа угасит' немож'!
Глед' саставше се! силомъ своіомъ сведе ій Аморъ,
Богу окрилѣномъ побѣда прла слѣди.
Любво божествена, ты си што сраћашъ цвеће човеч'ства!
Вечно разделѣно текъ тобомъ союжено ѥ.

8.

НАДПИСИ

(Изъ Шиллера.)

а, НАУКА.

Єдномъ высока, небесна є богиня наука, а другомъ
Крава добра, коя съ масломъ снабдѣва му домъ.

б, КАНТЪ И НѢГОВИ ТОЛКОВАТЕЛЬИ.

Како ти єданъ богатъ толике просяке рани!
Кралѣви зидаю кадъ зноє се рабаджіє.

в, ОТАЦЪ.

Дѣйствуй колико хоћешъ, текъ опетъ вечно остаєшъ
Самацъ; съ целымъ докъ природе скопчате моћь.

г, ЧОВЕЧЕСКО ЗНАНѢ.

Лежи на жизни улазку отворена намъ безграничность;
Кругу у найужемъ ал' престає наймудріи.

Д, ОЧЕКИВАНЂ И ИСПОЛНЕНЂ.

Океану съ безбройнымъ ядри катаркама младиħь;
Старца избавлѣный чунъ води къ пристанищу там'.

Е, ПОПРАВА.

Слободанъ быт' одъ укора й найвышiй, найнижiй степенъ;
Само єръ води несвесть или высокость до тогъ.

Ж, СОГЛАСІЄ.

Истину тражимо скупа, ты с' поля у жизни, у нутри
Тражимъ у срцу є я; свак' ħе ю наħи одъ насъ.
Ако є здраво око, с' поля наħи ħе Творца;
Ако є срце; у нѣм' читавъ огледа се светъ.

9.

СТАРИ ПѢВЦЫ.

(Изъ Шиллера.)

Каж' те ми, гди су изрядни пѣвцы, гди ħу и наħи,
Словомъ живымъ кои слушный уздизаху родъ?

Богове съ неба кои, човека дизаху къ небу
Песмомъ, и носише духъ песме на крилы у
высъ?
Ахъ! іоштъ живе намъ пѣвцы; текъ нема дѣла
да лгру
Милно презну; ахъ! слухъ нит' створенъ є
комъ.
Срећни о пѣвцы срећногъ века! Одъ уста до
уста
Вашъ, одъ рода у родъ, зуяше чувственный
гласъ.
Благоговѣйно, као Богове, дочекиваше свакій,
Што му є Геніа ствараюћ' грміо гласъ.
Песме са жаромъ собраће с' разбуктаваху чув-
ства;
Съ чувствомъ собраће є свой пѣвацъ поди-
зао жаръ;
Дизао и чистіо г'! Срећный, комъ є у народа
гласу
Натрагъ чисто іоштъ песме одзывао се духъ,
Съ поля іоштъ комъ с', у животу, небесно по-
яв'ло божество,
Кое Новый єдва срцу осећа у своме.

10.

МЛАДОМЪ ПРІЯТЕЛЮ

Предавшемъ се Мудролюбію.

(Изъ Шиллера.)

Тежке є испыте морао грчкій претрпити младићь
Пре нег' искушеногъ што пріими г' єлеузійскій домъ.
Єси л' зрео н преправанъ свето да ступишъ у мѣсто,
Палласъ сокровище гди храни подозрително?
Знашъ ли іоштъ шта те там' чека? знашъ ли пошто ћешъ купит'!
Добро неизвѣстно платишъ съ извѣстнымъ да ты?
Снаге осећашъ ли доста да борбу найтежу сносишъ,
Разумъ и срце се кадъ, чувства раздвоє и умъ?
Доста л' слободе съ безсмртномъ сумнѣ хрвати се хvдромъ,
Да мужественно у себ' врагу напротивъ идешъ?
Ову са здравлѣмъ и са светомъ невиношћу срца
Лажь да откріешъ, као истина куша т' коя?

Бежи, — ак' ниси съ воѣомъ у собственнымъ
сигуранъ грудма, —
Брега одъ мамливогъ беж', пре нег' што т'
прождере адъ!
Некій су тражили светлость, а згрували с' дублю
у мрачность;
Сигурно детинство хода по сутону там'.

11.

М И Л И Ц Ы.

(Изъ Хорація Кнь I. Ода 13. къ Лидіи.)

— ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏓
⏓ — ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏓

Ты кадъ Милице Младена
Ружичне хвалишъ образчиѣе,
Нѣжне Младена ручице,
Ахъ! гнѣвъ ми кипеѣу трус грудь.
Мысли блуде разлуштене,
Нит' лице боіомъ се еднакомъ
Краси; образе квасе ми
Потайно сузе, сведоцы ахъ!
Туга како ме мори та.
Ил' груди т' модрице ружиле

Снежне; дерче л' разпалѣно,
За споменъ, устнице т' угризло —
Беснимъ — тугомъ превіямъ се.
О! ако м' добро познаєшъ, знай!
Веранъ, постоянъ ніє тай,
Кой вреѣа сурово устнице
Сладке, слашћомъ напоєне
Небесномъ. Три пута срећни и
Више, кое нераздѣлимъ
Скопчава союзъ; нит' злобномъ са
Распромъ любва раздвоєна
Пре дана рѣши последнѣга!

Г. Малетић.

12.

НАДПИСИ.

а,

(по Хердеру.)

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ⏑
— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡

— ◡ — ◡ —, — ◡ ◡ — ◡ ◡ ⏑
— ◡ ◡ — ◡ ◡

Свѣтлости као што с' пенѣ на вышше, и ако узбієнъ,
Пламенъ: дижесе так' врстный, ма гонѣнъ судбомъ.

б,

МЫСЛИ БРАМИНА.*)

(Изъ общеполезногъ додатка Будимски Новина г. 1838.)

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ⏑
— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡

— ◡ — ◡ —, — ◡ ◡ — ◡ ◡ ⏑
— ◡ ◡ — ◡ ◡

Две су живота намъ сетре: надежда, мила и
любовь.
Она лети напредъ, кормиломъ ова влада.
Носе у невольи души цѣлителный мелемъ на крылы,
Благимъ и питаю насъ задаіомъ, силно крѣпе. —
О нераздѣлиме миле не бѣж'те ме сестрице никадъ!
Животъ безъ надежде єръ копни и миле любве.

В,

(Изъ истогъ додатка вышенаведене године.)

Зимзеленъ є свагда зеленъ, нити кадгодъ вене,
Ил' препека грозила му, ил' му прет'ло инѣ:
Тако свагда себи раванъ мужъ добрый остае,
Ил' га бѣде какве стигле, ил' га судба біе.

Вл. Стоядиновићъ.

---

*) Брамини или Браманни найотличнія класса людій кодъ Индіянаца; и само изъ ове классе бываю кодъ ньи Свештеницы, кои између осталы дужностій Веду (свете по закону ньиномъ кньиге) читаю, и осталый народъ у томъ поучаваю.

V.

СМѢСИЦЕ.

1.

СРБСКИ СПОМЕНИЦЫ.

а,

✝ Ꙋиме ѿца исна: ис҃таго дх҃а: ѣ *) бань: босьньски кꙋлинь: присезаю тебѣ кнеже крьвашꙋ: ивьсѣмь граѣамь: дꙋбровьчамь правы: приѣтель: быти вамь ѡ҆ь селѣ: идобѣка: иправь гои дрьжати сь вами: иправꙋ: вѣрꙋ: доколасьмь живь: вьси дꙋбровьчане: ипреходе: **) помоемꙋ владанию: трь-

*) Овде готово свуда стои ѣ место я, тако н. пр. приѣтель, диѣкъ, место пріятель, діякъ.

**) Ипреходе: може быти, да є правіє кире ходе.

гѹюке: гьдѣси кто: *) хоке: крѣвати: годѣси кто **) мине: правовь вѣровь: исправымь срьдьцомь: дрьжатие: безь всакое зледи: развѣ що ми кто да всевь воловь поклонь: идаимь небѹде: ѡ̀ьмоихь: чьстниковь: силе: идоколѣ: ѹмне бѹдѹ: датиимь сьвѣть: ипомокь: какоре: исебѣ: коликоре моге: безь вьсега: зьлога примысла: такоми бж̑е помагаи: исие сто̑ еваньгелие. ѣ радое: диѣкь бань: писахь сию: книгѹ: повеловь бановь: ѡ̀ьрожьства: хв̑а: тисѹка исьто: ишсмьдесеть: идеветь: лѣть: мѣсеца: авьгѹста: ѹдьвадесети: идеветы: дн̑ь: ѹсѣчение: главе ишана: крьстителя.

(1189 Авг. 29.)

---

*) Гьдѣси кто
**) Годѣси кто

} Могло бы се читати и овако: гьдѣе икто хоке. — годѣе икто мине.

Примѣчаніе. Ова є повеля писана на узаномъ дугулястомъ пергаменту найпре Латински, а после овай преводъ Србскій. Да бы се любопитсву читателя удовлетворило, зато є овде ставлѣно и Латинско писанѣ, но само не у онимъ мучнимъ сокращтеніяма, као што є у Подлинику написано.

Преписатель.

✠ In nomine patris et filij et spiritus sancti amen. Ego banus culjnus bosnae juro Comiti Gervacio, et omnibus ragusejs rectus amicus fore perpetuo et rectam vobiscum pacem manutenere, et amicitiam veram, et omnes raguseos per totam terram nostram ambulantes, mercantes, seu habitantes, vel transeuntes, recta fide et conscientia vera recipere absque ulla datione, nisi quis suam per voluntatem mi donum dare voluerit, et aput nos dum fueritis manutenere et cosilium eis praebere ut nostrae personae adnr̃ posse absque fraude et malo ingenio, sic me deus adjuvet et haec sancta . . . evangelia. *)

б,

✠ Ѡбещавасе црвми любовнимь властелѡ̃ црвами дꙋбрѡвьчькимь вь гд̃а бг̃а вседрьжителѧ и-прѣчтꙋю его матерь ивьсилꙋ чтнаго иживотворещаго крта хва ивь прѣчтое тѣло икрьвь гд̃а бг̃а исп̃са нашего їсх̃а. ивьст̃а бж̃иѧ еѵ̃лиѧ. ивь ві. ст̃и врьховни̑ ап̃ль. ивь. ти̑і. сти̑ бг̃оносни̑ ѡц̃ь никеиски̑ ивьвсѣ̑ сти̑ потѡ̃ ивьдш̃ꙋ црвми. инасези ви даю

*) Оне речи, коє се у подлинику прочитати нису могле, означене су овде само съ точкама.

мою вѣрꙋ цр҃скꙋ исези ѡбещание. ꙗко дави имамь вѣрнѣх исрдчнѣх каковисꙋ имали имои прьви идаидете свободно кьцр҃вꙋми безь всакога страх иѡпеть даси поидете почтено ѿ цр҃вами ꙋдꙋбровникъ како мои почтени властеле. иѡнꙋзиви землю дава цр҃вми даесть ваша икьди бꙋдете ꙋцрвами дави цр҃вми запише ѡнꙋзи землю. иѡзаконѣх иѡваших трьговцихь иѡиномь ѡвсемь какомисте писали попрече икакомисте порꙋчили пологоѳетѣ цр҃вами подеѧнѣ ипогрьгꙋрѣ икакосте имали сроидтелемь цр҃вами. иѡще иболе тога ѡбсемь ѿомь дави цр҃вми ꙋтврьди изапише како дабꙋде тврьдо довѣки. иѡвази вса дави цр҃вми испльни исьврьши на бз҃ѣ инавѣрѣ цр҃вми. икакоке цр҃вми ѡвьзи сьхранити испльнит исьврьшит властелѡм дꙋбровьчькимь тако игдь бг҃ь дапомилꙋе цар҃твоми ам҃нь

✝ Стефань Ꙋрѡшь вѣрни Царь Срблемь и Гркѡмь. ✝

(около 1358.)

В,

✝ Добродѣтелно ивсеразꙋмно сьистиною цр҃скаго словеси поставлѧеть цр҃вомн вьсвѣдние вьсѣмь. како приходише кцр҃вꙋми насѣнице всепочтени҃ властеле дꙋбровьчьци. здарови исьчтию. михѡ дрьжикь иꙗке манчетикь. иꙋспоменꙋше цр҃вꙋми ѡработахь градскихь. иѡзаконѣхь иѡцаринахь. кохесꙋ сьги настале анѣсꙋ биле ꙋроидтелѧ цр҃вами. има хотение иѡсемь благоизволи иствори мл҃ть цр҃вми всемꙋ градꙋ дꙋвровникꙋ всѣмь властелѡ҃ дꙋбровьчкимь велимь ималимь идадеимь цр҃вомн ѡвози записание имою вѣрꙋ цр҃скꙋ. ꙗко щосꙋ властеле аили трьговци дꙋбровьчци дагредꙋ стрьгѡ҃ исьвсакѡ҃ кꙋплѡмь слободно ꙋземлю цр҃вами. инавѣрѣ цр҃вами дагредꙋ или назетꙋ набалшике. аили надрьжавꙋ кнеза воислава. иꙋземли цр҃вами датрьгꙋю иходе свободно ꙋкюки цр҃вами иꙋградовѣхь ипотрьговѣхь ипоземли цр҃вами. аникто даимь неима забавити никефализа коилюбо нивластелинь цр҃вами никои кнезь даиинь никто нималь нивеликь. тькмо дадоходе свободно стрьгѡ҃ ꙋземлю цр҃вами иѡпеть даси походе своимь добиткѡ҃ безь всаке забаве ꙋдꙋбровникь. иѡще заѡнези царине коеносꙋ сьги постале анѣсꙋ биле ꙋроидтелѧ цр҃вами. инатѣхзи царинахь данеплакѧю никомꙋ нищо. ктолимь забави ѡче҃ натѣхь царина҃ аилимь що ꙋзме дасе каже како невѣрникь идаплати тисꙋкю пепе҃ цр҃вꙋми. иѡвози записание имою вѣрꙋ дарова҃ властелѡ҃ дꙋбровьчкимь ꙗко даимь е҃

тврьдо иникимь непотворимо. изацарине никомꙋ нищо данеплакаю нидаимь є тези царине що нѣ било ꙋдѣда иꙋродителѧ црвами иꙋмои први. исие ѡбичьное излатопечатное слово црвами записасе иꙋтврьдии знамениемь црскимь влѣт ѕ. ѡ. ѯ д. индиктиѡ. ді. мца сектеб. кд. днь. насѣница прилого драгославѣ.

✝ Стефань Ꙋрошь вѣрни Царь Срблемь и Гркѡмь.

(М. П.)

(1361 Септ. 29.)

Г,

✝ Добродѣтелно ивсеразꙋмно сьистиною црскаго словеси поставлѧеть црвми вьсвѣдние всѣмь. идарꙋеть црвми сие ѡбичное слѡво црвами всепочтенимь властелѡмь црвами дꙋбровьчкимь ивсемꙋ градꙋ дꙋбровникꙋ. понеже затакова врѣмена прилꙋчившасе какосе бѣхꙋ дꙋбровчане поплашили ѡдцрвами исвадилисе збратѡм црвами скнезѡм воиславѡм изградомь црвами скоторѡм. ицрвми вьсхотѣвь исьтворих властелѡм дꙋбровьчкимь ивсемꙋ градꙋ ѡвꙋзи млть

цр҃вами. иприехь властеле дꙋбровьчке дасꙋ вьседино
сцр҃вми ѡдн҃ь ивьсь гра҃ь какосꙋ били исроителемь
цр҃вами. исмирихьи҃ збратѡ҃ црвми скнезѡ҃ воисла-
вѡ҃ изградѡ҃ цр҃вами скоторѡмь. идадохьимь старе
законе коесꙋ имали сроителемь цр҃вами. ипрьва за-
писаниѧ роителѧ цр҃вами ицр҃вами коѧсꙋ ꙋни҃ то-
зимь вса потврьжꙋе цр҃вми симзи записание цр҃ва-
ми какоимь пише ꙋтѣхзи прьви҃ записаниѧхь тако-
зи даимь е҃ твердо довѣки. идокле ними непоскочи
вѣра иеединьство кцр҃вꙋми. итакози даимаю ѡцр҃ва-
ми мл҃ть. дагредꙋ ни҃ трьговци стрьгѡмь повсои
земли цр҃вами ипоградовѣхь свободно ибезь всаке
забаве иѡпеть своимь добиткѡ҃ даси гредꙋ свободно
ꙋдꙋбровникь адасе зани҃ никтѡ незадѣне како е҃
било иꙋроителѧ цр҃вами. игдѣгодѣси имаю дꙋбровча-
не покладе аили дльгове ꙋземли цр҃вами аили ꙋгра-
довѣхь даси҃ ꙋзимаю позаконꙋ аникто даими҃ неза-
дрьжи ниеднѡ҃ зарꙋкѡ҃. аколи коѧ сва҃ бꙋде дꙋ-
бровникꙋ скоимь годѣ властелинѡ҃ цр҃вами. затꙋзи
свадꙋ данератꙋю ниищꙋ сьзлѡ҃ котора. тькмо како-
но е҃ било ꙋродителѧ цр҃вами такози дагредꙋ свла-
стели цр҃вами прѣ҃црвми ꙋѡчи завсакꙋ злобꙋ аили
свадꙋ даимь цр҃вми исправи поправдѣ ипозаконꙋ.
аколисе ꙋсхоке цр҃вми шними размирити даимь
дамь глась прьвотога нашесть мц҃ь како кои бꙋдꙋ
ни҃ трьговци ꙋвсои земли цр҃вами дасисеи справе и-
земле цр҃вами сьвсѣмь своимь ꙋдꙋбровникь. аколи-
се сваде скимь годѣ властелинѡ҃ цр҃вами. ни҃ трь-
говци даходе свобо҃но поземли цр҃вми адазатꙋзи

властельскꙋ свадꙋ данеимаю забаве ничтете ниѿко-
га. ищосе бꙋдꙋ ꙋчиниле коелюбо чтете аили злобе и-
ли крьви ꙋсиюзи рать ѿдꙋбровника сцр҃вми аили
скнезѡ҃ воислабѡ҃ ишнеговѣми людми аили зградови
цр҃вами ктогодѣ гость аили ни҃х приѧтель кто бꙋде
нимь помагаль този все да є просто ивеке затѡзи
дасе неище довѣки. ащосꙋ доходци цр҃вами стари
изаконити даихь даваю цр҃вꙋми какои҃хсꙋ давали и-
ро҃дителю цр҃вами. азамлѣть задох҃докь цр҃вами иза
ѡпата како є҃ записало цр҃вми икако є҃ постарѡ҃ за-
конꙋ такози инапрѣдь да є҃. азаземлю жрьновничкꙋ
какоимь є҃ дало изаписало цр҃вми такози даимаю
идрьже азани҃х затꙋзи землю. данеима посла никтѡ
ѿвластель цр҃вами довѣки. ащосꙋ бащине которске
ꙋдꙋбровникꙋ даихь поврати всѣ҃х которанѡ҃ исꙋжне
даимь пꙋсте. ипокладе идльгове всакомꙋ члвѣкꙋ
цр҃вами дададе поправдѣ. апочт҃и идох҃доке цр҃ске да-
ми даваю како є҃ било иꙋро҃дитель цр҃вами. асꙋжневе
ни҃х коисе ѿбрѣтꙋ ꙋвсои земли цр҃вами иꙋвластель
цр҃вами даихь всѣ҃х цр҃вми пꙋсти. инасезимь даде
цр҃вми ѡбещание иклеть имою вѣрꙋ цр҃скꙋ исвласте-
ли цр҃вами иѡбещавамимсе бг҃мь ипрѣч҃томь бц҃омь
ивсѣми ст҃ими. ѧко даимь ѡвози все више писанно
цр҃вми испльни исьдрьжи иꙋсемзи даимсе цр҃вми
непотвори идокле ними непоскочи кцр҃вꙋми. исие ѡ-
бичное излатопечатное слѡво цр҃вами записасе иꙋ-
тврьди ꙋѡногощи кьди доидоше кцр҃вꙋми почтени
властеле поклисари дꙋбровьчьсци никола соркочевикь.
иживе николе гꙋндꙋликѧ. повелѣниемь гн҃а ст҃аго

цр҃а лого҃ деѧнь прѣрꙋчи влѣ҃т ѕ҃. ѡ҃. с҃. индиктиѡ҃. еі҃. мц҃а авгꙋ҃. кв҃. дн҃ь.

✝ Помл҃сти Бж҃и Стефанъ Ꙋрошь вь Ха҃ Ба҃ Благовѣрни Цр҃ь Срблемь и Гркѡмь. ✝

(1362 Авг. 22.)

Д,

✝ Ѡ҃кнеза воислава моимь дразѣмь приꙗтелемь владꙋщемꙋ ивлал҃емь исꙋдиꙗмь ивѣкникомь и всои ѡпкинѣ дꙋбровьчкимь дазнате како доге ѡ҃ва҃ никола сорькочевикь иживе гꙋндꙋликь поклисарие и бла҃ле ваши изащоихьсте послали всꙋ равотꙋ сьврьшише згн҃омь цр҃емь исьмчомь кнезо҃ иклесе гн҃ь цр҃ь иꙗ ивла҃ле гн҃а цр҃а како дасꙋ приꙗтелие дꙋбровникю икоꙗсесꙋ зла чинила дослеи мегю нами дасе тои непомене идахь ꙗ кнезь вѣрꙋ иклетвꙋ всакомꙋ ѡ҃ва҃ ѡще боле него како҃сь ипрѣи биль свами итакои ми сьда неби нарꙋчно датамокꙋ послати мое вла҃личике дамисе закльнете какосе с҃ь ꙗ вамь заклель изапил҃ь изакꙋмирькь сольски продахга вашимь поклисаромь загодище за д҃. с҃ь пепе апочина годище к҃е. дн҃ь мц҃а авьгꙋста старимь законо҃ какосмо ипрьво имали идазнате ѡтидеми печать напрѣдь даꙗкꙋ ꙋдати мою печать.

(М. П.)

(1362.)

е,

ГС ХС
НІ КА Ми мл҃тію бж҃іею гн҃ь сръвлеѣ̀ деспо҃т҃ лаза҃р҃а. даава҃м҃ назнаніе сва́ком҃ в҃ чл҃вкъ. пр҃ѣкогасе изне҃ с҃ вз҃и на҃ ш҃ творени҃ листь. како ц҃ось били поставили светопочивши҃ родителіе г҃пствами. гн҃ь деспо҃т҃ гюрь имаиками г҃пога деспотица Єрина покла҃д҃ уп҃очтенни҃ х҃ наши҃ х҃ пріате҃ с҃ и братіе. ѹкнеза иѹвласте҃ д҃ѹврове҃ц҃ки҃ х҃. Злато исребро гламско҃. Исребро бе҃ло иа҃с҃при. иковь злаати҃ исребрьни. този все шпе҃т҃ приживотъ присво҃м҃ родителеє г҃пствами ѹзеше ѹсвою рѹкѹ: разеєе било шстало ѹпочтеннога кнеза иѹвласте҃ д҃ѹбровачки҃ х҃ две҃стѣ литрь злата. Изашне҃ зи две҃сте литрь злата какосъ били ѡ҃ѹрисали светопочиши҃ в҃ родителіе г҃пствами: дасе намь тре҃м҃ братеце҃м҃. грьгѹрѹ истепанѹ игпоствѹми шнози натри҃ чести. ѡ҃швогаи г҃пствоми свои трети деш ѹзехь напѹно. Ибра҃т҃ми степа҃ ѹзе свои трети део напѹно ѡ҃почтеногa кнеза иѡ҃власте҃ д҃ѹбровъки҃ х҃. атрети деш грьгѹро҃ в҃ почтенни҃ кнезь ивластеле ѹдрьжаше ѹсе҃. Ивекеє ѹни҃ х҃ ниц҃ о҃ не҃шстало ѡ҃нашега иманіа нимало нимно҃. низлата нисребра гла҃скога. нисребра бе҃лога ниаспри҃. никова зла҃тога нисребрьнога. нийнога ничеса. Иакоби тко ѡ҃нась или ѡ҃наши҃ х҃ после҃ни҃ х҃ йзнесь кою книгѹ йпоиска҃ ѡ҃почтеннога кнеза йѡ҃власте҃ д҃ѹбровъки҃ х҃ цо ѡ҃швогаи иманіа. шсвень цоеє ѡ҃шве҃зи двесте лирь бра҃т҃ми грьгѹра трети деш. азаино акоби тко цо ѡ҃више поиска҃. всакаа книга дане҃ тврь҃да нидаєє вѣровала ниаєєднои правде лихо шво҃м҃зи г҃пствами книго҃ даєє

раскидена. Изавекее верованіе постави гпⷭ҇ⷣствоми свою печать висꙋкю҃. Писано вь лѣⷮ. ѕ. ц. ѯ. є. мⷭ҇ца аѵгꙋста. вторинадеⷭ҇те. — —

✝ Ꙗ дамиꙗнь жꙋневи҃ пѡзаповеди гⷣна деспота лазара прими҃ ѡⷣь гⷣна кнеза ивластела дꙋбровачци҃ како поклисарь прими҃ завась ѡстатакь щѡе билѡ поклада гⷣна деспѡта ꙋдꙋбрѡвникꙋ шесⷮьдесеⷮ идевеⷮ литрь иѡсамь ꙋначь҃ злаⷮ завась ѡстатакь щѡе диѡ гⷣна деспѡта лазара.

(1457. Авгꙋста 12.)

Ж,

іс҃ хс҃ з҃ѻд. а҃ѯѕ жꙋна и҃і ꙋмолдави

Бж҃ею милостию Алексеньдарь воєвода господарь земли молдовскои, пишемь племенити҃ имꙋдри҃ ивакоє части бг҃ом дане ипхвалене достꙗним ивазде изабрани҃ иверовани҃ господамь и властеломь дꙋбровачкиемь кнезꙋ и властеломь дꙋбровачкиемь веле драго илꙋбимо поздраление. асада даемь зти господствꙋ вашемꙋ кака єсмо здраво докле хоѣе бг҃ь ꙋздравью честитога цара, асада да зна ваше виеѣе почтовано, како имамь консебе неке слꙋге исироте три братенце наиме геѡргиꙗ ипавла истефана идвие сестре имаю наиме катаринꙋ имарию, ѡвесꙋ речене сироте праꙋнꙋци херцега стефана коие биѡ ꙋ вриеме минꙋто господар земле херцеговине аваш бег града

дꙋбровника сꙋседъ иприꙗтель, асада ꙋ ѡво вриеме ѡве речене сироте хранесе кодъ господствами, ѿ богоданагоми иманꙗ терьми казаше за неки ѡбичаи вашега госпоцтва какосте имали сврхꙋ речениех сирота некꙋ милос исврхꙋ стариех них даимсте давали милостинꙋ ꙋповашои доброи воли тога радн посилаю речене сироте геѡргие ипаваѡ и стефань и сестре нихь катаринꙋ имарию посилаю човека наиме лазара себишанина etc. etc. (просе да имъ Властеле Дꙋбровачке пошлю каковꙋ милостиню.)

Алексендр воевода повеле господарь земли молдавскои.

писа драгомир с҃бнь ꙋместꙋ сꙋчаве.

(1566. Іꙋн. 18.)

Примѣчаніє. Ове Дипломе приложіо є Г. Тиролъ, кодъ кога се налази 162. комада коє Диплома, коє осталы писмены древностій, коє све у скупи скорымъ временомъ печатати намѣрава. И прошавше године печатао є онъ у Београду єдну Диплому Стефана Уроша год. 1357. Апр. 10. подъ заглавіємъ „Проба штампаня стары Диплома Србски Царева, Кралѣва, и Деспота, Босански Кралѣва и Банова и Дубровачки Властелина", кою смо доцніє у Лѣтопису у II. Ч. год. 1838 стр. 40. препечатану читали, само што Г. Учредникъ по убычаю свомъ ниє ясно то назначіо, и искренно признао, коє бы валяло; и што примѣчавамо, да о числу речены Диплома, коє на 30. ставля, ниє точно извѣштенъ быо.

2.

а) ПРИКАЗЪ ПЛЕТКАШУ.

Одкако те, брате, знамъ, тво: ришъ єднако дѣла добра-
Я; злочинства никадъ не пре: чинявашъ ником'; мирни о-
Стаю; одъ тебе сви люди; бе: генише те све живо дру-
Же, к'о да знаю да си ты све: тло огледало свію добро-
Та; саблазань, драгій мой, ниг: ди ты не сеєшъ; нит' пакъ,
Да за миръ на свету ты не маришъ; єстъ истина! — *)

б) ПРИЧА.

Ил' у моіой градини . . .
Ил' у туђой садини . . .
Вышньичица виђана
Люлюшка се киђана,
Кора іой є танана
Кошульица ланана;
Листакъ зеленъ листао
За вышньицомъ пристао:
Меће на ню одећу,
Ткану іошъ о пролећу;
Цветакъ белянъ цватіо,

*) Смысо овога Приказа єстъ двоякъ; кадъ га читашъ редомъ, не сматраюћи ништа на оне у среди двоточке, фалишъ човека, коєму є онъ приказанъ; а, кадъ се у свакой врсти одъ оны средоточака' таки натрагъ у другу врсту враћашъ, то га онда ружишъ. И ово ми є єдна играчка ума, іошъ у Земуну направлѣна.

А чега се латіо? —
Одећу іой шарує,
Очи людске чарує;
Плодъ іой поч'о рудити,
Съ нѣга єсте судити,
Куд' се вышня дигнула,
Да є сретно стигнула! —
Ил' у моіой градини,
Ил' у туђой садини,
Мома шеће стасаста
У облику красаста;
Бела, мека кожица
Майчина іой кошица;
Место лишћа зелена
На ньой лея селена,
Млађаность га садила,
Те лепойку младила,
Ньимъ се она огрће,
Срдца на се обрће; —
Место цвећа беляна
Ньой невиность пеляна 1)
Селендиву 2) красує,
Дичѣмъ доду 3) пасує;
Плодъ є лепшинъ 4) милявость 5)
Душе л' срце смилявость 6)! —

В. Радишићъ.

---

1) Одъ Рватскогъ упиляна, урађена, очишћена; дакле чиста. — 2) Одъ селена справљену диву; т є. дивну одећу. — 3) девойку. — 4) Лепойка, или лепша єстъ лепа девойка; а лепойчинъ и лепшинъ єсть то, што и девойчинъ. — 5) милина, драгоценость. — 6) душе и срдца мирисанѣ, т. є. мудрость и поштенѣ.

3.

ЛОГОГРИФЪ.

Пре нег' тебе Богъ ме созда, ал' м' и ты изнађе:
Три ти ствари означуємъ, то ми є іоштъ слађе.
Да ти кажемъ: петь писмена*), а само два слога,
(Погоди ме, садъ лако є), имена су мога. —
Ил' самь големъ и преголемъ, ил' маленъ и мала;
Ил' се кише яко боимъ, ил' м' с киша шала.
Земля нѣка (дед', коя є?) самномъ се поноси;
Радъ ученый купує ме, жена м' радо носи.
Млога, чуй ме! производимъ, као и друга земля;
Ал' самь опетъ выше вода, него здрава земля.
Пунъ самь всде, ал' се опетъ боимъ я одъ воде;
Єръ, кадъ само попрскамсе, слава моя оде.
Пунъ самь воде, ал' ученый кадъ сѣди край мене,
Воде тражи, да жеђь гаси; єръ нейма кодъ мене.
Гледай мене, савъ светъ гледишъ, све ћешъ ты предѣле
Упознати, све ћешъ воде, све горе изъ мене.
Садъ знашъ шта самь? — Стварь самь она, коя те одѣва;
Ил' самь опетъ, съ цѣлымъ светомъ коя т' упознава;
Ил' ме држа светъ покойный, да самь ти край света:
Све троє самь, — то є брате лака загонетка. —
Првый слогъ мой съ репа читай, редомъ додай другій;
Онда самь ти я стварь она, коє с' плаши млогій.
Єръ кадъ букнемъ стрепи свакій, гди ти є годъ вода,
А силу ми изсмѣява, кои м' гледа съ брда. —
Слогъ последньій редомъ читай, првый наопако,
Пакъ ћешъ видит', да постаємъ я животно нѣко,
Коє радо свагди живи, гдигодъ живе люди;
Ал' да єдно мѣсто чувамъ, ніє ми по ћуди.
Мысли л' зима да нагрне, съ Богомъ, кажемъ, мѣсто!
Гди самь любовь съ паромъ моимъ проводила често.
Сине л' опетъ мило свакомъ кодъ тебе пролеће,
Ето ти ме съ паромъ моимъ, онъ остати неће.

Вл. Стоядиновићъ.

*) Безъ ъ.

4.

Іованъ Петровић, познатый Србима подъ именомъ Іованъ Ковачь, съ коимъ су именомъ и услуге нѣгове у найопаснiемъ времену и найвећой нужди и потреби вештиномъ заната свога око топова Сербіи и Србима учинѣне неразлучно скопчане, преселіо се у вѣчность и отишао на истину 11га Юлія 1837. у Земуну. — После нѣгове смрти овако є за нѣга Димитрій Давидовић (кои такођеръ већ у вѣчности почива, преминувшій 25га Марта 1838. на Благовести у Смедереву; куда є на скоро и вѣрный у ревности другъ нѣговъ и имепякъ Димитрій Фрушић, преставившій се 13га Октоврія 1838. у Трієсту, слѣдовао!) сроднику своме Г. Г. В. изъ Смедерева у Бѣоградъ у писму одъ 26га Юлія 1837. писао, кое є вредно да се спомена ради одъ речи до речи овде назначи: „Богъ да прости Майстор' Іована Ковача! Да я Србске Новине и садъ пишемъ, споменуо бы о нѣму и нѣговимъ о Роду заслугама, ако бы было и у двѣ рѣчи. Овако пакъ могу само Духу нѣговомъ рећи: „Лака му буди земльица! Кости нѣгове кости су Рода Србскогъ.“ — Заиста и право нашъ съ ньима у вѣчности почиваюћій великій Мушицкій вели, да: „Србльинъ дигнути Србльина текъ може къ слави.“ Ода. XLI.

5.

СПИСАКЪ.

У

СЕРБИИ НАПЕЧАТАНЫ КНЬИГА

ПО ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ РЕДУ.

1832 год.

1. Средство противъ Холере. У Београду у Княж. Србск. Типографіи 1832. фол. 1. табакъ.

2. Проба Србски Новина. У Београду при Княж. Срб. Типографіи. 1832 — 4. 1. табакъ. Редигирао Димитрій Ісаиловићъ.

3. Песма о случайной буни Срба противъ Даія и о срећномъ изображеню ньины народны дѣла. Саставлѣна Гавріиломъ Ковачевићемъ. Садъ другій путъ издана трошкомъ Глигорія Возаровића, кньиговезца и кньигопродавца. У Београду, у Княж. Срб. Печатньи. 1832 8° IV заєдно съ кньигомъ, подъ заглавіемъ: Србскомъ Роду списано и посвећено одъ Н. Стаматовића стр. VI и 16. — Ова є прва кньига, коя є у Србіи печатана.

4. Саборъ Истине и Науке. Одъ Іована Стеића, Доктора Медицине. У Београду у Княж. Србск. Кньигопечатньи 1832. 8° стр. 224.

5. Политическо Землѣописаніе за употребленіе Србске младежи. Одъ Димитрія П. Тирола. У Београду, у Княж. Србск. Кньигопечатньи. 1832. 8° стр. 175. (Посвећено миломъ роду Србскомъ.)

1833 год.

1. Забавникъ за 1833 годину. Сочинѣніе Димитрія Давидовића, Секретара Княжескога и Члена ученога Краковскога дружства. У Бѣограду у Княжеско-Србской Печатньи, трошкомъ Глигорія Возаровића. 16л осимъ Календара стр. 223. Съ єднымъ образомъ.

2. Молитвице. Печатано у Београду 1832 год. на фол. на єдномъ образу. — Ово є написао и издао Димитрій П. Тиролъ.

3. Брачный поклонъ младыма супружницыма, заручницыма и оныма, кои мысле то да буду. Лаза Зубана, по М. Х. Ф. Т. Фоігту. У Београду у Княж. Србской Кньигопечатньи 1833. 8° 129 стр.

4. Животъ и Приключенія Димитрія Обрадовића, нареченога у калуђерству Досиѳеа: ньимъ истымъ списана и издана. На ново препечатана и издана Глигоріемъ Возаровићемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ Перва часть. У Београду, Княжеско-Србской Кньигопечатньи 1833. 8° Предговори XXII стр. 134. Съ образомъ Досиѳея Обрадовића.

5. Историа Славено-Сербскаго народа изъ разныхъ Ауктора по Раичу и другихъ нѣкихъ собрана и на простый діалектъ Сербскій отъ начала народа до силнаго Стефана, перваго Царя Сербскога, списана Милованомъ Видаковићемъ, Профессоромъ. Часть перва. У Београду, у Княж. Сербск. Типографіи 1833. 8° стр. XVI и 179.

6. Слово при благодаренію Богу воздаваномъ; за полученіе Хатишерифа, съ коимъ в всемилостивѣйшій Султанъ Махмудъ II. свѣтлога и державногъ Княза нашегъ обдарити смиловао се; говорено Іоанномъ Павловићемъ, Протопресвутеромъ. У Шабцу 26га Ноемврія 1833. У Крагуевцу 1833. 4°. стр. 4.

7. Слово на данъ радостне вѣсти, о признанію Султаномъ Сербски граница, при торжествованомъ благодаренію говорено: Іоанномъ Павловићемъ, Протопресвитеромъ. У Шабцу 27а Маія 1833 год. У Београду 1833. 4° стр. 6.

8. Руководство къ Ариѳметики за Княжеско-Сербске школе. Составіо Георгій Зорићъ. У Београду, у Княж. Сербской Типографіи. 1833. 8° стр. 70.

9. Езопове и прочихъ разныхъ Баснотворцевъ съ различны єзыка на Славеносербскій єзыкъ преведене, садъ првый редъ съ наравоучителнима, полезнима изясненіяма и наставленіяма издане, и Сербской юности посвећене Басне. На ново препечатане и издане Глигоріемъ Возаровићемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. Часть трећа. Musarum sacerdos virginibus puerisque canto. Мусей свештеникъ девойчицамъ и децы я поемъ. У Београду у

Княжеско-Србской Типографіи 1833. 8° VIII и 309 стр.

10. Писма Досіѳея Обрадовића, као продуженіе живота и приключенія нѣговы. На ново препечатана и издана Глигоріємъ Возаровићемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. Часть втора. У Београду у Княж. Срб. Типографіи 1833. 8° стр. VIII и 206 заедно съ кньижицомъ, подъ именомъ: Сѣни Досіѳеа Обрадовића. У Будиму тупомъ кралѣвскогъ Универсітета 1811. Препечатано у Београду 1833 године.

11. Златный Изворъ домостроителства или Лондонскій Фамиліарни рецепити, и новоизобрѣтене тайне природе; за сва станя людій къ возвышенію домостроителства и художества. Съ Енглескогъ єзыка на Немецкій, а съ овогъ на Србскій преведено Іоаномъ Николићемъ, Конціпістомъ Народногъ Суда Србскогъ. Часть прва. У Београду, у Княж. Срб. Типографіи 1833. 8° стр. XVI и 128.

12. Садъ изображены умова. Засађенъ Саввомъ Поповићь, Учителѣмъ Iве Классе младежи Шабачке. Прва Часть. У Београду у Кн. Ср. Типографіи. 1833. 8° стр. VIII и 85.

13. Совѣти здравога разума. Досіѳеємъ Обрадовићемъ сложени. На ново препечатана и издана Глигоріємъ Возаровићемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. Часть четверта. У Крагуєвцу у Княжеско-Србской Типографіи 1833. 8° стр. VIII. и 104.

14. Феодора. Позорищна игра съ пѣванѣмъ у єдномъ дѣйствію одъ Г. Августа отъ Коцебуе. (Поводъ є къ тому истинитый догађай дао). У Београду у Княжеско-Србской Типографіи 1833. 8° 44. — Ово є превео Г.

Димитрій Ісаиловићъ и Єго Императорскому Высочеству Александру Николаєвичу, Великому Князу и Наслѣднику Престола Всероссійскаго посветіо.

15. Старый Лейбкучеръ Петра трећегъ. Истинитый догађай у єдномъ дѣйствію. Одъ Г. Августа одъ Коцебуе. У Београду у Княжеско-Србской Типографіи 1833. 8° одъ 44 до 84 стр. — Ово є превео и само 20 ексемпларa печатао Г. Димитрій Ісаиловићъ.

16. Нова Милошіяда, или освобожденіе Сербіе одъ несносногъ ига Турскогъ. Василіємъ Іовановићемъ, Писаромъ Суда Нахіе Пожешке у Чачку. У Крагуєвцу, у Княжеско-Србской Кньигопечатньи 1833. 8° страна 58.

17. Бѣоградска Лира. Перва година. Издана трошкомъ Глигорія Возаровића, кньиговезца и кньигопродавца. У Бѣограду у Княж. Срб. Кньигопечатньи. 1833. 16ел осимъ Календара стр. 27.

1834 год.

1. Забавникъ за 1834 годину. Сочиненіе Димитрія Давидовића, Секретара Княжескога и Члена ученога Краковскога дружства. У Крагуєвцу, у Княжеско-Србской Печатньи. 16ел осимъ Календара стр. XXII и 243. Съ єднымъ образомъ.

2. Бѣоградска Лира. Друга година. Издана трошкомъ Глигорія Возаровића, кньиговезца и кньигопродавца. У Крагуевцу у Княж.

Срб. Кньигопечатньи. 1834. 16ел Осимъ Календара стр. 16.

3. Етіка или Філософія морална по системи Г. Профессора Соаве, Досіѳеємъ Обрадовиħемъ издана. На ново препечатана и издана Глигоріємъ Возаровиħемъ, кньиговезцемъ и кньигопрод. Часть пета. У Крагуєвцу у Княжеск. Срб. Типографіи 1834. 8° стр. VIII и 148.

4. Ле Сажовъ Жилъ Блазъ Сантиланацъ. Съ Немачкога превео Лазо Зубанъ, Секретаръ Суда Народнога Србскога. Часть друга. У Крагуєвцу у Княж. Срб. Типогр. 1834. 8° стр. 160.

5. Фронисісъ и Софія. Єдна поучителна преповѣдка. Сочинѣна Іосифомъ Вукмировиħемъ. Игумномъ, Свят. Монастира Николя. У Крагуєвцу у Княж. Срб. Типогр. 1834. 16ел стр. 24.

6. Житїє ст҃агѡ свѧщенномꙋ́ченика Харала́мпїа и и҆́же съ ни́мъ пострада́вшихъ преве́дено на ѧзы̑къ Славеноболгарскїй. И҆ собесѣ́дованїє грѣ́шника съ Богоро́дицею по а҆лфа́вїтꙋ Свѧщеннаѧ хронологїѧ по восто́чномꙋ и҆счисле́нїю, напеча́тасѧ настоѧ́нїємъ и҆ иждиве́нїємъ Нїкола́а Кара-Стоѧ́новича, Книгове́зца и҆ Книгопродавца Самоко́вскаго: Въ Крагꙋєвцѣ въ Кнѧж. Срб. Типографїи 1834. 8° стр. 32. Съ и҆зображенїємъ Свете Троице.

7. Новый Плутархъ или кратко описаніє славнѣйшій людій свію народа одъ древнѣйши времена до данасъ по Бланшару свободно преведенъ и новыма Біографіама умноженъ Еѵѳіміємъ Івановиħемъ, Протопресвѵромъ, Честнѣйшаго Консісторіума и пречестнѣйшаго Архіепіскопо-Митрополітскаго Аппелаторіума, и славнога Комітата Сремскога Сосѣдателѣмъ. Втора часть.

У Крагуєвцу у Княж. Србск. Типографіи 1834. 8° стр. VIII и 204.

8. Schriftprobender Fürstlich Serbischen Druckerey in Kragujewatz 1834. Великій Плакатъ.

9. Ода Нѣговой Светлости Милошу I. Обреновићу, Князу Сербіе при освећиваню храма святы Апостола Петра и Павла, собственымъ трошкомъ Нѣгове Светлости, у Топчидеру, летнѣмъ дворцу, дигнутогъ. Спѣвана Іованомъ Печеновићемъ. У Крагуєвцу у Княж. Срб. Типографіи 1834. 4° стр. VI.

1835 год.

1. Собраніе разныхъ нравоучителныхъ вещей въ ползу и увеселеніе Досиѳеємъ Обрадовићемъ. На ново препечатано и издано Глигоріемъ Возаровићемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. Часть шеста. У Београду у Княж. Срб. Типографіи 1835. 8° стр. X и 365.

2. Исторія Черне-Горе одъ искона до новіегъ времена. Списана Симеономъ Милутиновићемъ Сарайліомъ. У Бѣограду у Княжеск. Србской Кньигопечатньи 1835. 4° VIII и 120 стр. Съ єднымъ изображеніемъ.

3. Исторіа Славено-Сербскаго народа, изъ разныхъ Ауктора по Раичу и другихъ нѣкихъ, собрана, и на простый діалектъ Сербскій одъ Царя Стефана Силнаго до смерти Стефана Деспота Сербскаго, списана Милованомъ Видаковичемъ, Професcоромъ. Часть втора. У Београду у Княж. Срб. Типографіи 1835. 8° стр. IV и 168.

4. Пѣснь историческая о житіи Святаго и праведнаго Алексія человѣка Божія. Сочиненная Викентіемъ Ракићъ. Препечатана трошкомъ Глигорія Возаровића, кньиговезца и кньигопродавца. У Бѣограду, у Княж. Србск. Типографіи. 1835. 8° стр. 25.

5. Жертва Авраамова и собесѣдованіе грѣшника съ Богоматерію. Препечатано трошкомъ Глигорія Возаровића, кньиговезца и кньигопродавца. У Бѣограду у Княж. Срб. Типографіи. 1835. 8° стр. 62.

6. Волшебное Огледало, кое открива тайне ствари великога Алберта и осталы знамениты Египетски мудреца, кои на звезде сматраю и преко ныій показую, кои є подъ каквомъ планетомъ, и знакомъ небеснымъ родіосе; у каквомъ догађаю свога живота имаће срећу свою. Съ Россійскаго на просто Сербскій преведено. Препечатано трошкомъ Глигорія Возаровића, кньиговезца и кньигопродавца. У Бѣограду у Княж. Срб. Кньигопечатньи 1835. 8° Предговоръ 4. стр. 184.

7. Забавникъ Димитрія Давидовића за годину 1835. У Крагуєвцу у Княжеско-Србской Кньигопечатньи. 16ел. Осимъ Календара стр. VIII и 248. Съ єднымъ изображеніемъ.

8. Бѣоградска Лира. Трећа година. Издана трошкомъ Глигорія Возаровића, кньиговезца и кньигопродавца. У Крагуєвцу, у Княж. Србской Кньигопечатньи. 1835. 16ел. Осимъ Календара стр. 16.

9. Сила пріятельства или Донъ Жуанъ и Дона Теодора. Шпанска повѣсть изъ Ле-Сажевы кньига. Превео Димитрій П. Тиролъ. У

Београду словима Княжеско-Србске Типографіе 1835. 12ел стр. 132.

10. Начертаніе Устава ученога Србскога Друштва одъ Димитрія П. Тирола. У Београду при Княжеско Србской Типографіи 1835. 12ел Предговоръ VI стр. 20.

11. Историа Славено-Сербскаго народа, о владѣнію Деспотовъ дома Бранковича отъ Георгіа I. даже до Георгіа, послѣдпегъ Деспота и Графа, у кратко изъ Гд. Раича изведена, изяснена и на простое у Сербовъ нарѣчіе списана Милованомъ Видаковичемъ, Професcор. Часть трећа. У Бѣограду у Княж. Серб. Типографіи 1835 8° стр. 162.

1836. год.

1. Забавникъ за преступну годину 1836. у Бѣограду, у Княжеско-Србской Књигопечатньи. — Овай Забавникъ издала є Княж. Типогр.

2. Ле-Сажовъ Жилъ Блазъ Сантиланацъ. Съ Немачкога превео Лазо Зубанъ, Секретаръ Княжеско-Србскогъ управител. Совѣта. Часть трећа. У Бѣограду у Княж. Срб. Типографіи 1836. 8° стр. 150.

3. Мезимацъ Г. Досіѳея Обрадовића. Часть втора Собранія разныхъ нравоучителныхъ вещей въ ползу и увеселеніе. На ново препечатана и издана Глигоріемъ Возаровићемъ, књиговезцемъ и књигопродавцемъ. Часть седма. У Бѣограду, у Княж. Срб. Типографіи 1836. 8° стр. 167.

4. Христоиѳія, сирѣчъ благій обычай и вѣнацъ одъ Алфавита списана Досиѳ. Обрадовиѣмъ. Юности Сербской посвећена дѣлца. На ново препечатана и издана Глигоріемъ Возаровиѣмъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. Часть осма. У Бѣограду, у Княж. Срб. Типографіи 1836. 8о стр. 72.

5. Досиѳ. Обрадовиѣа Првенацъ. Ужица или Досиѳ. Буквица. На ново препечатана и издана Глигоріемъ Возаровиѣмъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. Часть девета. У Бѣограду у Княж. Срб. Типографіи 1836. 8о страна 136.

6. Нравоучителне повѣсти. Превела Анна Є. Обреновиѣа. У Бѣограду при Княжеско-Србской Типографіи 1836. 12л стр. VI и 136.

7. Сраженіе страшно и грозно, между Србльима и Турцыма на полю Косову, подъ Князомъ Лазаромъ, случившесе у 1389мъ лѣту Юнія 15 дана. Саставлѣно Гаврилом Ковачевиѣемъ, 1805. На ново препечатано и издано Глигоріемъ Возаровиѣемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. У Бѣограду у Княж. Србск. Кньигопечатньи 1836. о стр. 87.

8. Житіе святаго и праведнаго Іосифа прекраснаго, сочинено є Г. Викентіемъ Ракиѣемъ. На ново препечатано и издано Глигоріемъ Возаровиѣемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. У Бѣограду, у Княж. Срб. Кньигопечатньи 1836. 5о стр. 37.

9. Мѣсецословъ за преступну годину 1836. У Бѣограду при Княж. Срб. Типографіи. 8о осимъ Календара стр. XII. и 64. Ово є редигирао Димитрій П. Тиролъ.

10. Пробе писмена Княжеско-Србске Словоливнице. У Бѣограду у Княж. Срб. Кньигопечатньи 1836. — 8° два табака.

11. Zur Namensfeier Ihrer Erlaucht des Fräuleins Anna E. Obrenovits. Belgrad den XXV. July MDCCCXXXVI. 8° по табака.

12. Ле Сажовъ Жилъ Блазъ Сантиланацъ. Съ Немачкогъ превео Лазо Зубанъ, Секретаръ Княж. Срб. Управ. Совѣта. Часть шеста. У Бѣограду у Княж. Срб. Типогр. 1836. 8° стр. 136.

13. Ле Сажовъ Жилъ Блазъ Сантиланацъ. Съ Немачкога превео Лазо Зубанъ, Секретаръ Княж. Срб. Управ. Совѣта. Часть пета. У Бѣограду у Княж. Срб. Типографіи 1836. 8° стр. 150.

14. Ле Сажовъ Жилъ Блазъ Сантиланацъ. Съ Немачкога превео Лазо Зубанъ, Секретаръ Княж. Срб. Управ. Совѣта. Часть четврта. У Бѣограду у Княж. Срб. Типографіи 1836. 8° стр. 157.

15. Worte freudiger Begrüßung an Seine Hochwohlgeboren dem k. sächsischen Oberberghauptmann Freyherr v. Herder, bey der hieher gelangten ersehnten Nachricht Seiner glücklichen Ankunft im Vaterlande. Dargebracht von Seinen Verehrern in Serbien. Gedruckt in der Fürstlich-Serbischen Typographie 1836. 4° четири листа.

16. Во сла́вꙋ ст҃ы́ѧ, є҆диносꙋ́щныѧ, животворѧ́щїѧ, и҆ нераздѣли́мыѧ Тр҃цы О҆ц҃а̀, и҆ Сн҃а, и҆ ст҃а́гѡ Дх҃а: Повелѣ́нїемъ Благовѣ́рнагѡ Госꙋда́рѧ Кнѧ́зѧ Се́рбскагѡ, Ми́лоша Ѳео́дѡровича О҆бре́новича, Благослове́нїемъ же Преѡсщ҃еннѣ́йшагѡ А҆рхї-Є҆пїп҃а Бѣлгра́дскагѡ и҆ всеѧ Се́рбїи Митрополі́та Гд҃ина Петра̀, напеча́тасѧ кни́га сїѧ Ѱалти́ръ, въ Бѣлгра́дѣ въ Тѵпогра́фїи Кнѧ́жеско-Се́рбской, въ лѣ́то ѿ сотворе́нїѧ

мїра ҂зтм҃д. ѿ рождества̀ же по пло́ти Бг҃а Сло́ва ҂аѿл҃ѕ. Індїкта д҃. мц҃а Ма́їа. 8° рад. рп҃ѕ осимъ Сѵмвола и Устава светы отаца.

17. Усамленый Юноша. Повѣсть нравоучителна отъ Милов. Видаковића. Препечатана. У Бѣограду, у Княж. Срб. Кньигопечатньи 1836. 8° стр. 159.

1837. год.

1. Исторіа Славено Сербскаго народа. а.) о состоянію Сербовъ у Унгаріи после рата на Мухачкомъ полю. б.) о Георгію (II.) Бранковичу, Деспоту Сербскомъ, даже до нашего времена: списана Милов. Видаковичемъ, Профессоромъ. Часть четврта. У Бѣограду у Княж. Серб. Кньигопечатньи 1837. 8° стр. 195.

2. Мнѣніе о употребляваню страдателне частице *се*. У Бѣограду 1837. 8° стр. 8. — Ово є написао Димитрій П. Тиролъ.

3. Пизаро. Жалостна игра у петъ дѣйствія. По Коцебуовоме Шпаньолци у Перу или Роллова смрть одъ Рихарда Бринслая Шеридана. Съ Немачкога превео Лазо Зубанъ. У Бѣограду у Княж. Срб. Кньигопечатньи 1837. 12л стр. 152.

4. Исторія Руссіє, кою є одъ основанія Русскогъ Государства до данашнѣга времена преславно владѣтельствуюћегъ Императора и Самодержца Всероссійскогъ Николая I. Павловића, по различнымъ Списательима на кратко извео, и на Сербскій свѣтъ издао Аѳанасій Ѳеодоровићь, С. С. Х. Х. и Філософіє Докторъ, у сл. Всеучи-

лищу Пештанскомъ Факултета філософическогъ содружный Членъ. пр. — и у хуманіялнымъ классама Княжеско-Сербске Гѵмназіє историческіи и філософическіи наука Профес. У Бѣограду, печатана у Княж. Срб. Типографіи, 1837. 8° стр. X. и 219.

5. Огледало дѣтскогъ воспитанія или начинъ, по коємъ родительи свою дечицу достодолжно воспитовати, и пакъ дечица своє родителѣ пристойно любити и почитовати дужни єсу. Сочинѣно Димитріємъ Чобичемъ Нормалнымъ учителѣмъ при церкви Свято-Ніколаєв. Земунской. У Бѣограду у Княж. Серб. Кньигопечатньи 1837. 8° стр. X. и 116. — Ово є посвеѣено Нѣговомъ Сіятелству младоме Господару Милошу Є. Обреновиѣу.

6. Во сла́вꙋ ст҃ы́ѧ, є҆диносꙋ́щныѧ, животворѧ́щїѧ и҆ нераздѣли́мыѧ Тр҃цы, О҆ц҃а, и҆ Сн҃а, и҆ ст҃а́гѡ Дх҃а: Съ дозволе́нїємъ Благовѣ́рнагѡ Гдⷭ҇рѧ Кнѧ́зѧ Се́рбскагѡ, Ми́лоша Ѳео́доровича О҆бре́новича, Благослове́нїємъ же Преѡсщ҃еннѣ́йшагѡ Се́рбїи Митрополі́та Гдⷭ҇ина Петра̀, напеча́тасѧ Кни́га сїѧ̀, содержа́щаѧ слꙋ́жбы съ житїе́мъ препо́добнагѡ и҆ бг҃оноснагѡ О҆ц҃а̀ на́шегѡ І҆ѡа́нна Ры́лскагѡ чꙋдотво́рца, прилѣ́жнѡ оу҆́бѡ и҆спра́вленнаѧ ѿ дре́вныхъ рꙋкопи́сей Неофѵтомъ І҆еромона́хомъ. а҆ тѵпомъ и҆зда́нна на о҆́бщꙋю всѣ̑мъ правосла́внымъ Хрⷭ҇тїа́нѡмъ по́лзꙋ, всеꙋ́серднымъ настоѧ́нїємъ и҆ со́бственнымъ и҆ждиве́нїємъ Г. І҆ѡаса́фа І҆еромона́ха, сꙋ́щагѡ ѿ тоѧ́жде сщ҃е́нныѧ О҆би́тели Ры́лскїѧ. Въ Бѣлгра́дѣ въ Тѵпогра́фїи Кнѧ́жеско-Се́рбской. въ лѣ́то ѿ сотворе́нїѧ мі́ра ҂зт҃мд.

ѿ Рождества̀ же по пло́ти Бг҃а Сло́ва ҂аѿл҃ѕ. Інді́кта д҃. Мц҃а Ма́рта 4. стр. ѯ.

7. Кратко Хрістіянско поученіє за Сербску дѣцу, съ Русскога єзыка на Сербскій преведено. Съ одобреніємъ духовне Власти издао Г. Л. З. У Бѣограду у Княж. Серб. Типографіи 1837. 12л стр. 28. Съ изображеніємъ Свете Троице.

8. Житїє и҆же во свѧтыхъ о҆тца нашегѡ Васїлїа Великагѡ А҆рхїепїскопа Кесарїи Каппадокїискїѧ: сочиненное стїхами Вїкентїємъ Ракичемъ Фенечкимъ. и҆ проч. Въ Бѣлградѣ въ Кнѧж. Серб. Кньигопечатни 1837. 4. стр. ѕі.

9. Проба штампаня стары диплома Србски Царева, Кралѣва и Деспота, Босански Кралѣва и Банова, и Дубровачки Властелина. У Београду 1837. 8о стр. 6. — Ово є дао Г. Тиролъ печатати.

10. Ода на смрть Высокопреосвященѣйшега Господина Лукіана Мушицкогъ, восточне цркве православнога Епіскопа Карлштадскогъ увѣнчана славомъ и честію у вѣчность преселивша се 15/27 Марта 1837 у 61ой год. живота свога роду посвећенога; одъ Милоша Светића. Печатано у Княжеско Србской-Кньигопечатньи 1837. год. 4т по табака.

11. *Θαυμασια της υπεραγιας Θεοτοκου.* Сїесть Чꙋдеса пресвѧтыѧ Богородицы, преведенаѧ съ Гре́ческагѡ Вікéнтїємъ Ра́кичемъ Фе́нечкимъ, и проч. Препечатана трошкомъ Георгїѧ П. Марковича, рожденогъ у Новомъ Пазарꙋ, а҆ здѣ называемогъ Попадичь. Въ Бѣлградѣ, въ Кнѧ́жеско-Се́рбской Кньигопеча́тни 1837. 4т стр. и҃. и 164.

12. Ураніа за годину 1837. У Бѣограду у Княжеско-Србской Кньигопечатньи. 16тељ осимъ Календара стр. XIV. и 285. Съ изображенiемъ Николая Првога, Императора Россiйскога.

1838. год.

1. Ураніа за годину 1838. Издао Димитрій П. Тиролъ, Воспитатель сіятелне Фамиліе. У Бѣограду, Словима Княжеско-Србске Кньигопечатнѣ. — 16ељ осимъ Календара стр. XIV. — 297.

2. Мѣсецословъ за годину одъ рождества Хрістова 1838. У Бѣограду при Княжеско-Србской Кньгопечатньи. 8o стр. 54. — Ово є редигирао Димитрій П. Тиролъ.

3. Малый Учитель или Србскій Буквaръ, садржаваюћій у себи правила церковногъ и граждaнскогъ читаня, нуждне молитве, и млоге полезне предмете за Србску дѣцу. Саставіо Г. Л. Зорићъ. У Бѣограду при Княжеско-Србской Кньигопечатньи 1838. 8o стр. 43.

4. *Ὁ Λύδιος Λίθος εἴτοι Ἀποκάλυψις τῆς πηγῆς τῶν παθῶν προυπάντησις αὐτῶν καὶ ἐλπιζομένης Θεραπείας. παρὰ τοῦ Περίνει. Ἐν Βελιγράδι ἐν τῇ Ἡγεμονικῇ Τυπογραφία* 1838. 12т стр. 50.

5. Ода Њиным Сіятелствама, Княжевићима Сербіе, Милану и Михаилу М. Обреновићима приликомъ предузетогъ Њиногъ, мѣсеца Септемврія 1838. год. путешествія у иностранне Држа-

ве, на комъ Ій за нѣко време и свѣтлѣйша Сербіє Княгиня, Любица М. Обреновића, Ньина Родительица спроводи, поднешена Владиславомъ Стоядиновићемъ, Учредникомъ Новина Сербски и Корректоромъ при Княжеско-Србской Типографіи. У Бѣограду, печатано у Княжеско-Србской Типографіи. 4° стр. IV.

6. Мѣсецословъ за годину одъ рождества Хрістова 1838. У Бѣограду, при Княжеско-Србской Кньигопечатньи. 8° стр. 54. осимъ Календарны стварій. Ово є учредіо Димитрій П. Тиролъ, а Типографическо заведеніє на свою користь печатало.

7. Знаменитіи догађаи новіє Србске Исторіє на кратко у везаномъ и простомъ слогу. Списани Герасімомъ Георгієвићемъ, Епископомъ Шабачкимъ. У Бѣограду печатано при Княжеско-Србской Кньигопечатньи. 1838. 8° стр. 124. Съ нѣговымъ портретомъ.

1839. год.

1. Мѣсецословъ за годину одъ рождества Хрістова 1839. У Бѣограду при Княжеско-Србской Кньигопечатньи. 8° стр. 60. — Ово є учредіо Владиславъ Стоядиновићъ, а печатано є о трошку Типографическомъ и на корысть Типографіє.

2. Школска Правила. Печатано у Бѣограду при Княж. Срб. Типографіи 1839. на великомъ медіану.

3, Маня Читаоница за начално упражненіє младежи у нижима нормалнымъ школама Кня-

жества Сербіе. У Бѣограду при Княжеско-Србской Кньигопечатньи 1839. 8° стр. 55.

4. Namenbüchlein zum Gebrauche der Volks-Schulen in Serbien. Belgrad im Verlage der Fürstlich-Serbischen Buchdruckerey 1839. 8° стр. 160.

5. Уставъ Княжества Сербіе. У Бѣограду, печатано у Княжеско-Србской Кньигопечатньи. 1839. 4° єданъ табакъ.

6. Утукъ, или Одговоръ на Одговоръ, на Ситпице єзыкословне, печатанъ у Бечу у штампаріи Єрменскога Манастыра (у Февруарію год. 1839. одъ В. С. К.) одъ М. Светића (у почетку Марта 1839.) 8° стр. 24, печатано у Бѣограду у Княжеско-Србской Типографіи.

7. Голубица, са цветомъ кньижества Србскогъ І. Глигоріемъ Возаровићемъ, кньиговезцемъ и кньигопродавцемъ. У Бѣограду при Княжеско-Србской Типографіи 1839. 12^{a} стр. 293.

Тиролъ.

Примѣчаніе. Неназначене іошть у списку овоме, печатане овде, кньиге слѣдоваће другомъ приликомъ.

6.

ГОЛУБИЦА.

Потреба згоду раћа, а згодомъ се потреба накнаћа! Тако є заръ и Голубица наша постала, да разсуто, заметнуто и прикрывено цвеће кньижества нашега прибира и скупля, у киту слаже, веже, и народу предае, и тако по силама своима народну ползу и честь подпомаже и подиже. Почетакъ намъ є указао се прекрасанъ; єръ текъ што се мысао прва зачела, и іоштъ честито ни сгреяла се ніе, а камо ли у свой обширности развила, али є ревностный Г. Григорій Возаровићь къ родолюбивомъ срдцу своме, коимъ све што є добро и полезно и къ напредку Србскогъ Кньижества тежи, обузима, прими, и са неуморнымъ трудомъ, коега смо постоянство у новомъ изданію свію дћла нашега Анахарса Доситея Обрадовића искусили, настоявати почне, да Голубица не само садъ изиће, него и отсадъ непрекидно излази, и ползу приноси. И у той намћри тимъ се већма укрћпіо и утврдіо, што є безпримћрну ревность и помоћь одъ стране Кньижевника наши искусіо, кои су на єданъ само позывъ нћговъ са многима и краснима прилозима своима нћму притекли.

Премда се изъ саме ове прве кньиге предузетый планъ и теженћ довольно видити може, опетъ, колико за олакшанћ и праваць самога издателя, толико за прегледъ Кньижевницима, судили смо, да неће излишно быти у кратко овде исто назначити. Сва се ова кньига дћли на петъ оддћленія, одъ кои у прва четири долазе

сви производи у кругъ Литературе у строжіемъ смыслу узете принадлежећи, у коима су ствaрь и слогъ єзыка поради важности ньине неразлучни, тако, да єдно друго грли и помаже, єдно на друго се осланя, и у красной свези видъ савршенства прима и издає, и къ образу правоме човечности тежи; у пето пакъ оддѣленіе долази све оно, што се къ овима однети неможе, али у каковой му драго струци или виду къ распространяваню знаня човечески тежи. И зато смо предмете овако расположили, да у оддѣленіе I. дођу: *Производи оригинални у прози;* у II. *Преводи у прози* (у строгомъ и вышемъ смыслу узетой); у III. *Оригинални производи у стиховы;* у IV. *Преводи у стиховы;* а V. *Слѣсице.* И премда бы къ савршенству оваковога дѣла іоштъ выше се принело, кадъ бы се по єдно оддѣленіе за подражанія како у прози тако и у стиховима опредѣлило, и кадъ бы се и сами Оригинали и преводи на выше струка по родовима своима разлучили; опетъ сматраюћи на обстоятелства, гди нити се Учредникъ за ово дѣло плаћати може, кои бы силе своє томе послу жертвовао, нити намъ є Литература іоштъ тако многостручно разграната, судили смо, да ће за садъ простота плана лакше одговорити намѣренію и окружностима своима.

М. С.

СОДРЖАНІЄ КЊИГЕ.

I. ОРИГИНАЛНА СОЧИНЕНІЯ У ПРОЗИ.

Стр.

1. Санъ єднога младога Србина. . . . . 3.
2. Дѣвойка и стыдакъ. . . . . 7.
(М. Светићъ).
3. Петко Лирићъ. . . . . 9.
4. Палиславъ Староволя. . . . . 15.
5. Радиславъ Славковъ. . . . . 22.
(Др. І. Стеинъ.)
6. Слово говорено Л. Мушицкомъ. . . . . 24.
(Савва Меркаль.)
7. Ружичный бокоръ. (Вл. Стоядиновићъ). . 29.

II. ПРЕВОДИ У ПРОЗИ.

1. Пустыньикъ — съ Нѣмачкогъ изъ Еберсберга. 34.
(Вл. Стоядиновићъ.)
2. Царъ Александеръ и польска Старостка. . . . 59.
3. Добры людій налази се іоштъ млого. . . . . 63.
(Л. Зубанъ.)
4. Едуарда Ионга ноћне мысли. — Ноћь прва. . 67.
(І. Павловићъ, Протопр. Шабачкій.)

Стр.

5. Миконъ. — Изъ Геснера 1830. (М. Светићь). 84.
6. О човеку. — Изъ Руссоа. — Изъ Мутшелла. 89.
(Божидаръ Любибратићь.)
7. Питіасъ и Дамонъ. — Изъ Беркена. (Г. Л. З). 91.
8. Писмо Цицероново своіой супруги Теренціи;
— Съ Латинскогъ. — (М. Светићь). . . 110.
9. Два Сократова разговора; — съ Єллинскогъ
изъ Ксенофонтовы знаменитостій. . . . .
а, Сократъ помирує свађену браћу. . . . 112.
б, Сократъ подстрекує на добро оне, кои
добро любе. . . . . 118.
(В. Радишићь.)
10. Родительи! Чувайте добро дѣцу вашу одъ
слугу и слушкиня. (Г. Л. З). . . . . 122.
11. На доброме сыну почива благословъ Божій;
Изъ часова одмора (Feierſtunden) одъ
Еберсберга. (Д. Исаиловићь). . . . . 131.
12. Къ чему насъ поредакъ и точность води? —
Изъ Пфенигъ-Магазина одъ год. 1833. . . 135.
(Вл. Стоядиновићь.)

III. ОРИГИНАЛНА СОЧИНЕНІЯ У СТИХОВЫ.

1. Зора є! — (М. Светићь). . . . . 137.
2. На србску Голубицу. . . . . 140.
3. Србству. . . . . 141.
4. На слогу. . . . . 142.
5. На пріятельство. . . . . 143.
(Божидаръ Любибратићь.)
6. Старацъ, ябука и деца. (М. Светићь). . 144.
7. Сонетъ или Сагласица. (Савва Меркаль). 145.
8. Ода Ньов. Сіятелствама Княжевићима Сербіє.
(Владиславъ Стоядиновићь). . . . . 147.

Стр.
9. Првый прелазакъ Црнога Ђорђа. (М. Светићь). . . . . 151.
10. Постоянство. (Ђорђе Малетићь). . . . 160.
11. Ода на открытіє Бібліоѳеки Гумназіи Ново-Садскія л. 1822. (Л. Мушицкій). . . . 161.
12. Ода Попечительству Просвѣштенія у Княж. Сербіи 5. Юлія 1838. — (В. Радишићь). 169.
13. Стихови. (Л. Мушицкій). . . . . 172.
14. Ода сѣни Гедеона Петровића, Епіскопа; (М. Светићь). . . . . 173.
15. Пѣснь Лорецца. (Терлаићь). . . . . 183.
16. Надписи; на а, Занешеновиће; . . . . . 185.
17. б, Човечность на гробу Вука Бранковића; . 186.
18. в, Младени. . . . . 187.
(Станко Воляновићь).
19. Поздравлѣ одъ брата сестри своіой . . . . 189.
20. Небо и дѣвойка. . . . . 190.
(М. Светићь).
21. Одзывъ С . . . . . у. . . . . 191.
22. Крепка молитва. . . . . 192.
23. Неєднакость . . . . . 194.
24. Парница. . . . . 195.
25. Србска Голубица. . . . . 197.
26. Ода Радоєлцима и Радопилцима, па безъ неволѣ задуженицима. . . . . 198.
(В. Радишићь).
27. Србљину (Г. Малетићь). . . . . 201.
28. Надписи (Лукіана Мушицкогъ):
а, Судба Србски Кньижника. . . . . 204.
б, У ученой младежи надежда. , ... 205.
в, Honos alit artes. . . . . 206.
г, Nomen et omen habet. . . . . 206.
д, Пирамида умногъ величія народногъ. . . 207.
е, Право народолюбивы писателя. 207
29. Умствованѣ. . . . . 208.

Стр.
30. Србскомъ стіхотворцу. . . . . 210.
31. Ноћь. . . . . 211.
32. Совѣтъ. . . . . 214.
33. Тихой ноћи. . . . . 215.
(Г. Малетићь.)
34. Милошу Светићу. (Исидоръ Стояновићь). 217.
35. Ода Лукіану Мушицкомъ (одъ Непознатога) 219.
36. Лепосави (Г. Малетићь). . . . . 220.
37. Съ Богомъ сродници садъ! . . . . . 222.
38. Людской добродѣтельи и сили подпора є нуждна —
39. Nemo diu gaudet, qui judice vincit iniquo. —
(Л. Мушицкій.)

IV. ПРЕВОДИ У СТИХОВЫ.

1. Благопоспѣшна пловитва. (Слоб. по Гетею). 223.
2. Надежда. (Слободно по истоме). . . . . 224.
(Вл. Стоядиновићь.)
3. Ода изъ К. 'Орація Флакка Кнь. III. 3. (М. Светићь). . . . . 225.
4. Ода изъ 'Орація Кнь. IV. 3. (Савва Меркаль) . . . . . 228.
5. Ода изъ 'Орація Кнь. II. 14. (одъ Непознатога). . . . . 231.
6. Анакреонове Оде (съ Єллинскогъ.)
а, На жене. . . . . 233.
б, На свой санъ. . . . . 234.
в, На Амора одъ воска. . . . . —
г, На самогъ себе. . . . . 235.
д, На ласту. . . . . 236.
е, На изобиланъ животъ . . . . . —
ж, На самогъ себе. . . . . 237.
з, На сребрну чашу. . . . . 238.

Стр.

и, Треба пити. . . . . 239.
і, На девойку. . . . . —
к, На богатство. . . . . 241.
л, На самогъ себе. . . . . —
м, На Амора. . . . . 242.
н, На своє любови. . . . . 243.
о, На ласту. . . . . 244.
п, На девойку. . . . . 245.
р, На Европинъ ликъ. . . . . —
с, На Аморове стреле. . . . . 246.
т, На старца. . . . . 247.
у, На самогъ себе. . . . . —
ф, Ядикованѣ. . . . . 248.
(В. Радишићь.)
7. Родови — изъ Шиллера. . . . . 250.
8. Надписи — изъ Шиллера. . . . . 252.
9. Стари пѣвцы — изъ Шиллера. . . . . 253.
10. Младомъ пріятелю, предавшемъ се мудролюбію — изъ Шиллера. . . . . 255.
11. Милицы — изъ Хорація. . . . . 256.
(Г. Малетићь.)
12. Надписи по Хердеру и проч. (Вл. Стојадиновићь). . . . . 257.

V. СМЂСИЦЕ.

1. Србски Споменицты:
а, Одъ Босанскогъ бана Кулина 1189. Авг. 29. 259.
б, Стефана Уроша около год. 1358. . . . . 261.
в, Стефана Уроша 1361. Септ. 29. . . . . 263.
г, Стефана Уроша 1362. Авг. 22. . . . . 267.
д, Воислава Кнеза 1362. . . . . 267.
е, Лазара Деспота 1457. Авг. 12. . . . . 268.

Стр.

ж, Александра воєводе 1566. Юн. 18. . . . 269.
(Тиролъ)
2. а, Приказъ Плеткашу. . . . . 271.
б, Прича. . . . . —
(В. Радишићь.)
3. Логогрифъ (Вл. Стоядиновићь). . . . . 273.
4. Іованъ Ковачь. . . . . 274.
5. Списакъ у Сербіи напечатаны кньига. . . . 275.
(Тиролъ.)
Голубица. (М. С.) . . . . . 292.

ПОЗЫВЪ

НА ДРУГУ КНЬИГУ ГОЛУБИЦЕ.

Кадъ самь обявіо прву кньигу „Голубице", мысліо самь, да неће већа быти одъ 6 — 7. табака овако ситно печатаны, и зато самь и опредѣліо овако малу цѣну одъ 2. цванцига; но ревность ГГ. списателя нати', коіомъ су ме у кратко време са многима прилозима преко надежде моє обасули, другоячіє є одредила; єръ желећи свакомъ задоста учинити, и нежелећи читателѣ моє лишити лепы прилога, усиліо самь се, ако бы и са штетомъ моіомъ было, Голубицу нашу до двоструке величине, одъ 13. ево табака, умножити. И при овако лепомъ изгледу я немогу доброй жельи моіой одолѣти, да у овомъ виду и одсадъ Голубицу неиздаємъ, докле годъ овако врућа ревность одъ стране наши Кньижевника мени у помоћи буде, коє и опетъ умолявамъ, да бы ми драгоцѣннима прилозима своима и у напредакъ притекли, съ тимъ додаткомъ, да къ већемъ олакшаню момъ не бы поштедили труда, прилоге своє по одређенимъ у наведеномъ плану оддѣленіяма оддѣлѣно написати, и къ томе іоштъ кодъ свакога свога дѣлца назначити: є ли оригиналъ, или преводъ, и овай слободанъ или строгъ, или само подражаніє, и одъ куда є, и съ коєга єзыка, да се таки разпознати може, у коє оддѣленіє спада; — и тако

да бы до конца Юнія месеца ове године мени у Београдъ послати доброду имали, да за тимъ одма у Юлію ове године дѣло у печатню предати могу, како бы сигурно до Дмитрова дне ове године изъ печатнѣ изићи и разаслати се могло. Цѣна кньизи према величини врло се умѣрена ставля одъ 3. *цванцига, да є свакій лакше прибавити може. ГГ. Скупителѣ іошъ умоляваль, да бы непоштедили труда и ревности, као свагда, имена и новце ГГ. Пренумеранта до конца месеца Юнія ове године на ову другу кньигу Голубице мени у Београдъ послати.*

Григорій Возаровићъ.

ГГ. ПРЕНУМЕРАНТИ.

АЛЕКСИНАЦЪ.

Адамъ Никарушъ, Коммиссіонеръ Алексиначкій. — Алекса Іоанновићъ, Спомощникъ карантина за кћеръ свою Милицу. — Анастасъ Шпарталъ, Коммиссіонеръ и трговацъ Алексиначкій. — Андрія и Мита Маичићъ, браћа, трговцы Алексиначки. — Васа Иліићъ Зће Єгерске Ротте Прапорщикъ на стражи Курилову. — Георгій Мушицкій, медиціне Докторъ и Карантина Алексин. Лѣкаръ. — Голубъ Томићъ, Членъ Суда Алексин. — Іоаннъ Димитрієвићъ, Лѣкаръ и Хирургъ — Іоаннъ Марковићъ, Учитель Алексиначкій. — Іоаннъ Николићъ, Писаръ Среза Баньскогъ. — Коста Янковићъ, Зће Єгерске Ротте Прапорщикъ. — Кузманъ Недељковићъ, Писаръ Среза Алексиначкогъ. — Лонгинъ Кишфалубацъ, Секретаръ Суда Алексиначкогъ. — Милосавъ Миниħъ, Практикантъ Суда Алексиначк. — Николче Христодуловићъ, Коммиссіонеръ Алексиначкій. — Петаръ Радојковићъ, Старешина Среза Баньскогъ. — Сава Іоанновићъ, Коммандиръ, Зће Єгерске Ротте Прапорщикъ. — Стефанъ Іовичићъ, главный ћумрукџія Алексиначкій. — Стоянъ Вељковићъ, Членъ Суда Алекс. — Христа Роми, Секретаръ ћумрука Алексин. за сына Константина ученика. — Ђорђе Димитрієвићъ, Коммиссіонеръ Алекс. — Ђорђе Димитрієвићъ, трговацъ Нишевачкій. — Ђорђе Єфтимієвићъ, Писаръ Карантина Алекс. за сына Чедомиля ученика. — Ђорђе и Теодоръ Х. Ђорђе К. Теодоровићи браћа, главни трговцы Румелійски (Косте и Х. Ђорђа) сынови.

БѢОГРАДЪ.

Библиотека вароши Београдске.

Нѣгово Сіятельство Господаръ Миланъ М. Обреновићъ, Княжевићъ, Наслѣдникъ Княжества Србскогъ и Султанскогъ нишана ифтихара Кавалѣръ.

Нѣгово Сіятельство Господаръ Михаихъ М. Обреновићъ, Княжевићъ и Султанск. ниш. ифтих. Кавал.

Нѣгово Сіятельство Господаръ Єфремъ Т. Обреновићъ, Генералъ-Маіоръ, Предсѣдатель Княж. Срб. Совѣта и Султанскогъ нишана ифтих. Кавалѣръ.

Нѣно Сіятельство Госпоѣа Томанія Єфрема Обреновића.

Нѣгово Сіятельство младый Господаръ Милошъ Єфрем. Обреновићъ.

Нѣно Сіятельство Господична Анка Є. Обреновића.

Нѣно Сіятельство Господична Катарина Є. Обреновића.

Нѣно Сіятельство Господична Стана С. Обреновића.

Высокопреосвященнѣйшій и Высокодостойнѣйшій Господинъ Петаръ Іоанновићъ, Архіепіскопъ Београдскій и Митрополітъ цѣле Сербіе.

Александеръ Димитрієвићь, шнайдеръ. — Александеръ Николаєвићь. — Александеръ Радоичићь, трговацъ. — Алекса Симићь, Попеч. фин. Полк. и Султ. ниш. ифт. Кав. — Анастасъ Теодоровићь, трговацъ. — Анастасъ Хаџія, за сына Николаћи. — Антоній Марићь, за сын. Христу, Симу и Іоанна. — Анѣелко Палашовићь. — Аргіръ Константиновићь, кафеџія. — Атанасіе Милановићь, у Кладову. М. Валахіи. — Атанасій Х. Савва Стефановићь, Словоливацъ при Княжеско-Србской Словоливницы. — Божидаръ Раіовићь, Практикантъ Суда Бѣоградскогъ. — Божићи Братія, магазаціе. — Василій Георгієвићь, Практ. Суда Бѣогр. — Василій Іоанновићь, Секр. Суда Шабач. — Василій Костићь. — Василій Лазаревићь, ц. к. Маіоръ и Бырг. Земунс. — Величковићи Братія, трговцы. — Вучко Комадина, тр. и житель Бѣогр. — Вучко Анѣелићь, калфа трговачкій .— Вучко Николићь, меанџія. — Вучко Топалъ-Ђорђевићь, трговацъ. — Гавріилъ Алексићь, магазаџія. — Гавріилъ Єремићь, Капет. пѣш. Гвард. — Гаја Кнежевићь, ковачъ Бѣогр. и членъ благоизбраногъ руфета ковачкогъ,

за сына Константіна. — Герасимъ Ващенко, надворный Совѣтникъ, Императорско-Російскій Агентъ по особенимъ порученіяма у Сербіи. — Георгій В. Іовановићь, Словослагатель при Княжеско-Србской Кньигопечатньи. — Георгій Милутиновићь, Црногорацъ. — Георгій Мирчетићь, редовой. — Георгій Петровићь, купеческій калфа. — Георгій Л. Стаићь, Словослагатель при Княж. Срб. Кньигопечатньи. — Георгій Янковићь, Фелдфебелъ. — Григорій Филипповићь, Рачуноводъ Суда Бѣогр. — Даніилъ Даниćь, Практ. Суда Бѣогр. — Даніилъ Медаковићь, Писаръ Совѣта. — Димитрій Діямандићь, за сына своегъ Јанћка. — Димитрій М. Ненадовићь, трговацъ и жит. Бѣогр. — Димитрій Поповићь, Писаръ Консісторіє. — Димитрій С. Петровићь, Писаръ Среза Моравичкогъ. — Димитрій Родовићь, трговацъ. — Димитрій Ђерманъ, ученикъ. — Живко Милетићь, трговацъ. — Живко Николићь, трговацъ роћ. у Колару. — Живко Панићь, унт. Офиціръ. — Живко Ђурђевићь, трговацъ изъ Ягодине. — Илія Миловановићъ, Словоливацъ при Княжеско-Србской Словоливницы. — Іоаннъ Димитріевићь, Намѣстникъ Ягодинскій. — Іоаннъ М. Іоанновићь. — Іоаннъ Капшова, магазація. — Іоаннъ Куюнциићь, терзія. — Іоаннъ Лукачевићь, Прапорщикъ. — Іоаннъ Миловановићь, Секр. воен. — Іоаниъ Хаџићь, Докторъ свію Права, Сенаторъ Новосадскій и Директоръ Гимназіє. — Благородна Госпожа Марія Хаџићь. — Благородна Господична Софія рождена Хаџићь. — Іоаннъ Х. Петровићь, мезулція. — Іоаннъ П. Рекалићь, трговацъ. — Іоаннъ Саввићь, Писаръ Суда Бѣогр. — Іоаннъ Стоядиновићь, ученикъ I. Нормалне классе. — Іоаннъ Јанковићь, Субєктъ у Апотеки. — Кимо Х. Бошковићь, сынови. — Константинъ Бояџићь, магазація. — Константинъ Х. Брзакъ, Практ. Суда Бѣогр. — Константинъ Јанковићь, ученикъ у Княж. Србской Кньигопечатньи. — Константинъ Стойковићь, терзійскій калфа. — Константинъ Хаділ, Магазіонеръ ћумрука за кћерь Любицу. — Лазаръ Арсенієвићь, Предсѣдатель С. Бѣог. за кћерь Елисавету. — Лазаръ Мильковићь за кћерь свою Драгиню. — Лука Милосављевићь, Редовой. — Максимъ Ранковићь, чл. Суд Бѣогр. за сына Милоша. — Максимъ Саввићь, Іеромонахъ М. Каленића и членъ Консісторіє. — Манойло Стефановићь, трговацъ. — Манойло Н. Теодоровићь, уче-

никъ Княж. Срб. Словоливнице. — Марко К. Ђерманъ, Писаръ. — Мата Ивановићъ, Апотекаръ. — Миланъ Антоновићъ, унтеръ офиціръ. — Миланъ Давидовићъ, Практ. Суд. Смедеревскогъ. — Миле Ђорђевићъ, привремен. Директ. Ђумрука. — Милосавъ Єремићъ, Редовой. — Милосавъ Милетићъ, Парохъ Ягодинскій. — Милошъ Станковићъ, Пис. Ср. Посавскогъ. — Милутинъ Будимировићъ, Секр. Полковничества Ужичк. — Милутинъ Василіевићъ, трг. и жит. Ягодин. — Милутинъ Радовановићъ, трг. за сына своегъ Светозара. — Мирко Цвѣтковићъ, папуція. — Миња Николићъ, магазація. — Наумъ Николићъ, рођ. у Ориду. — Никола Филипповићъ, ц. кр. Оберстлайтнантъ у пограничной Св. Ђурђевачкой Регименти, привременный Мѣстозаступникъ ц. кр. Аустр. Консула у Бѣограду. — Николай Економъ, трговацъ. — Николай Іоанновићъ, унт. Офиціръ. — Николай Іоанновићъ, Редовой. — Николай Стояновићъ, сація рођ. у Букаресту. — Обрадъ Обреновићъ, трг. за кћерь свою Анастасію. — Павле Марковићъ, Ревизоръ Ђумрука. — Павле Міхайловићъ, терзія изъ Шабца. — Панта Х. Стоило, Маіоръ и Конзулъ. — Пантелія В. Іовановићъ, Субєктъ при Княжеско-Србской Кньигопечатньи. — Петаръ Кара-Марковичъ, скупитель Пренумеранта, при Княжеско-Србской Кньигопечатньи Словослагатель. — Петаръ Лукићъ, Пис. Ср. Подунавскогъ. — Радованъ Іоанновићъ, рођ. у Смольинцу. — Ранко Іоксимовићъ, унт. Офиціръ. — Раша Міяльковићъ, трг. изъ Ягодине. — Рая Дамяновићъ, Секретаръ Г. Єфрема, и за сыновца своегъ Марка ученика кнь. 2. — Савва Іоанновићъ, лѣкаръ Гвардейскій. — Савва Куюн. Аксентіевићъ, Кньигопечататель у Княж. Срб. Кньигопечатньи, рођ. у Теленешту у Бессарабіи. — Станко Ивковићъ, терзія изъ Крагуевца. — Станко Ристићъ, мумція. — Спира Ставра, за кћерь свою Анну. — Стерія М. Юка. — Сима Николићъ, унт. Офиц. — Стефанъ Стефановићъ, Попеч. Правос. и Просвѣщт. Генералъ-Маіоръ и Султ. ниш. ифт. Кавалѣръ. — Стефанъ Лазаревићъ, пекаръ. — Стефанъ Стояновићъ, Полков. и членъ Совѣта за сына Милоша. — Стойко Спасићъ, сапунція рођ. у Крушевцу. — Таса Мисхиновићъ. — Тоша Желашковићъ, ћурчія. — Теодоръ Сретковићъ, рођ. у Карловцы. — Тома Х. за кћерь свою Даницу. — Урошъ Боришевићъ, Секр. ц. кр. Консул. — Христофоръ Соларъ, Практ.

Ђумрука. — Яковъ Димшићь, Секр. Аппеллаціон. — Яковъ Якшићь, Иншп. Кньигопечат. за сына Владимира и кћерь Милеву. — Янаћій Кумануда, трговацъ. — Янко Кушовићь, трговацъ. — Янко Тан. Соколовићь, кафеція. — Янко Цукићь, трговацъ изъ Крчмара. — Яня Ц. Маранда, трговацъ и житель Бѣоградскій. — Янко Хрістодулъ Кумануда, магазація. — Ђуро Главинићь, трг. и жит. Бѣоградскій, рођ. у Ерцеговини, у вароши Мостару.

БРУСНИЦА.

Андрей Ковиляцъ, Секретаръ Суда Брусничкогъ. — Арсеній Витомировићь, Парохъ Таковачкій. — Вукосавъ Симеоновићь, Членъ Суда Брусничкогъ. — Вучко Мутавцићь, Членъ Суда Брусничкогъ. — Григорій Поповићь, Писаръ Суда Брусничк. — Димитрій Миловановићь, Парохъ Майданскій. — Єфремъ Поповићь, Практ. Суда Брусничкогъ. — Живанъ Міхайловићь, Прэкт. Суда Брусничкогъ. — Петаръ Недельковићь, Учитель Брусничкій. — Савва Ніколаєвићь, Протоєрей Моравачк. — Танаско Міхайловићь, Членъ Суда Брусничкогъ.

ВАЛЂВО.

Аксентій Срећковићь, Старешина Среза Тамнавскогъ. — Василій Іоанновићь, Практікантъ Суда Валѣвскогъ. — Василій Поповићь, Парохъ Петничкій. — Димитрій Иліићь, Учитель Бранковиначкій. — Димитрій Крестићь, Учитель Среза Подгорскогъ. — Іоаннъ Араповићь, Членъ Суда Валѣвск. — Іоаннъ Димитрієвићь, Секретаръ Суда Валѣвск. — Наумъ Петровићь, Учитель Валѣвск. — Павле Ђелмашевићь, Практикантъ Суда Валѣвск. — Петаръ Іоанновићь, Писаръ Среза Подгорскогъ. — Петаръ Саићь, Протоєрей Подгорско-Колубарскій.

ГУРГУСОВАЦЪ.

Алекса Димитрієвићь, сынъ Г. Капетана Василія Димитрієвића. — Григорій Зубанъ, Практик. Суда Гур-

гусовачкогъ. — Лазаръ Максимовиħь, Писаръ Среза Тимочкогъ. — Магистратъ Гургусовачкій. — Манойло Огняновиħь, Писаръ Гургусовачкій. — Милованъ Ристиħь, трговацъ Гургусовачкій. — Стефанъ Новаковиħь, Секретаръ Суда Гургусовачк. — Стойко Трифуновиħь, Учитель Гургусовачкій. — Теодоръ Обрадовиħь, Учитель Гургусовачк. — Трифунъ Бариħь, Учитель общественне Школе Окр. Гургусовачкогъ.

ЗЕМУНЪ.

Васа Василѣвиħь, трговацъ. — Іоаннъ Стеиħь, Докторъ медиціне.

КРАГУЄВАЦЪ.

Александеръ М. Ненадовиħь, Протокол. — Александеръ Ђуриħь, Іве. год. любомудрія слушатель. — Андрей Засиħь, Іве. год. любомудрія слушатель. — Андрей Стаменковиħь, Іве. год. любом. слушатель. — Антоній Топаловиħь, Писаръ Полиціє Крагуєвачке. — Василій Поповиħь, ученикъ IIе. Грамм. классе. — Георгій Петровиħь, Канцелистъ Совѣта. — Голубъ Николаєвиħь, слушатель поєзіє. — Григорій Павиħевиħь, Секретаръ Совѣта. — Груица Ивановиħь, Іве. год. люб. слуш. — Димитрій Іоанновиħь слуш. Реторике. — Димитрій Матиħь, Іве. год. любомудрія слушатель. — Іоаннъ Николиħь, Секретаръ воєнный. — Іоаннъ Николиħь, Іве. год. любом. слуш. — Іоаннъ Симеоновиħь, Діяконъ и Учитель. — Константинъ Бранковиħь, Профессоръ Реторике. — Константинъ Іоанновиħь, трговацъ. — Константинъ Николаєвиħь, благоразумный юноша и Іве. год. любомудр. слуш. — Лазарь Мариħь. Практикантъ. — Лазарь Теодоровиħь, Членъ Совѣта. — Любомиръ Петронієвиħь, Іве. Грамм. классе ученикъ. — Марія Иліиħь, Господична. — Милета Радойковиħь, Членъ Совѣта. — Милосавъ Топаловиħь, Прапорщикъ. — Милошъ Тайсиħь, Капетанъ. — Міхаилъ Л. Зубанъ, ученикъ. — Міхаилъ Радивоєвиħь, Іве. год. люб. слуш. — Неделко Одабошиħь, Практикантъ. — Никола Тасиħь, Іве. год. люб. слуш. — Павле Вучковиħь, Практикантъ. — Павле

Илїићь, Апотекаръ. — Периша Марковићь, ученикъ старіе классе. — Петаръ Іованновићь, Практикантъ. — Савва Шильићь, Архиваръ Кн. — Светозаръ Давидовићъ, Практик. — Симеонъ Станойловићь, Практикантъ. — Стефанъ Груборовићь, Практик. — Стефанъ Марковићь, главный Секретаръ Совѣта. — Теодоръ Ђорђевићь, Писаръ.

КРУШЕВАЦЪ.

Іоаннъ Стефановићь, Учитель обществ. Трстеничке Школе. — Константинъ Антоновићь, Секретаръ Суда, Крушев. и за сына своегъ Илію — Лука Іоанновићь, Практикантъ Суда Крушев. — Миленко Радойковићь, Членъ Суда Крушев. — Милое Василѣвићь, Писаръ Среза Бугар-Моравскогъ. — Милутинъ Остоићь, Писаръ Среза Крушевачк. — Мойсило Стефановићь, Учитель Крушевачк. общ. школе, за сына своегъ Матею. — Навле Міхайловићь, Учитель Пре. Нормалне классе, за сына своегъ Павла. — Павле Тешићь, Писаръ Среза Іошаничкогъ, и за сына своегъ Драгомира. — Сима Зорићь, Писаръ Среза Козничкогъ.

НЕГОТИНЪ.

Алекса Младеновићь, Писаръ Капетана Дунавскогъ. — Анастасъ Економъ, Капет. и Членъ Суда Окр. Крайнскогъ. — Анђелко Петровићь, Членъ Суда Окружія Крайнск. — Атанасіе Ризићь, Писаръ за супругу Елисавету и кћеръ Персиду — Данїилъ Стефановићь, Старешина Среза Поречко-Рѣчкогъ. — Іоаннъ Міхайловићь, Членъ Суда Милановачкогъ. — Іоаннъ Милићевићь, трговацъ. — Константинъ Іоанновићь, тргов — Константинъ Марковићь, Секретаръ Окр. Крайнск. — Констэнтинъ Стоядиновићь, Писаръ Среза Ключкогъ. — Миленко Іоанновићъ, Прапорщикъ. — Миша Анастасіевићь, Капетанъ Дупавскій, за кћери: Єлену, Персиду и Анку и сына Милана. — Миша Миленковићь, Практикантъ. — Міхаилъ Петровићь, Писаръ Суда Милановачкогъ. — Марко Петровићь, Членъ Суда

Окр. Крайнсвогъ. — Стефанъ Исааковићь, трговацъ. — Стефанъ Стояновићь, Полковникъ, и за сына свогъ Милоша. — Теодоръ Владовићь, Членъ Суда Окружія Крайнскогъ.

ОДЕССА.

Высокоблагор. Г. Платонъ Симеоновићь, род. изъ Каменице (Фрушкогорске), Императорско-Русскій Колежскій Совѣтникъ, Инжп. школа, Проф. политическе економіе и финанц. и проч.

Высокоблагор. Г. Филиппъ Лучићь, Коммерціи Совѣтникъ и Кавалѣръ род. изъ Херцеговине.

ПОЖАРЕВАЦЪ.

Алекса Бошковићь, Учитель велике Градиште. — Вучко Тошићь, трговацъ. — Живко Вельковићь, тргов. — Іоаннъ Живковићъ, Писаръ Среза Моравскогъ. — Марянъ Ђерковићь, Старешина Среза Омольскогъ. — Миляйло Ђорђевићь, Старешина Среза Звиждскогъ. — Милойко Павловићь, трговацъ. — Мойсей Живоиновићь, Учитель старіе классе Пожар. — Ніколай Милосавлѣвићь, Прапорщикъ и Практикантъ. — Панта Стоядиновићь, за сына свогъ Алексу ученика. — Панта Поповићь, Практікантъ. — Петаръ Илићь, Старѣшина Среза Моравскогъ. — Риста Петровићь, Писаръ Среза Пекскогъ. — Станко Поповићь, Писаръ Среза Млавскогъ. — Степанъ Катићь, Предсѣдатель Суда Окр. Пожаревачкогъ. — Стефанъ Катићь, Старѣшина Среза Пекскогъ. — Стойко Димитріевићь, Писаръ Среза Рамскогъ. — Стафанъ Нешићь, тргов. за сына свогъ Ристу ученика. — Стефанъ Богоєвићь, за себе и за свою децу. — Стефанъ Обрштаровићь, Секретаръ Окр. Пожарев. — Янко Павловићь, Писаръ Среза Рѣчкогъ. — Янко Петровићь, тувекція за сына свогъ Лазара.

ТРЕСТЪ.

Поштенородный Г. Лука П. Милашиновићь. 50.

ЦАРИГРАДЪ.

Н. Превосходителство Господинъ дѣйств. Статскій Совѣтникъ, полномощный Министеръ Нѣг. Вел. Императора Всероссійскогъ при Порти Оттоманской. кавалѣръ крста свете Анне првогъ степена, свет. Владимира трећегъ степена, и имаюћій медалю за Турскій ратъ, и медалю за безпорочну двадесеттрегодишню службу, Аполлинарій Петровићь Бутеневъ.

Н. Высок. Павелъ Владимировићь Титовъ, Надворный Совѣтникъ, Секретаръ Посланичества, и разны ордена Кавалѣръ.

Высокоблаг. Г. Іованъ Антићь, Депутатъ Княжества Србскогъ, при высокой Оттоман. Порти, и Султ. ниш. ифтихара Кавалѣръ, за свою супругу Анету, за своегъ сына Милана, и за кћери Елисавету и Любицу. — Благор. Г. Сима Протићь, Секр. Княж. Срб. Депутаціе Цагиградске. — Преподоб. Г. Симонъ Петровићь, Постриженикъ М. Хилендара. — ГГ. Богданъ Черногорчевићъ, Капетанъ Поморскій. — Іоаннъ Черногорчевићь, Капетанъ Поморскій. — Христа Видовићь, Капетанъ Поморскій. — Никола Янковићь, Капетанъ Поморскій. — Милутинъ Павковићь, Капетанъ Поморскій. — Спиридонъ Ђурассовићь, Капетанъ Поморскій. — Богданъ Милиновићь, Капетанъ Поморскій.

ЧАЧАКЪ.

Вукосавъ Симићь, калайџія. — Максимъ М. Николићь, Докторъ. — Савва Рашковићь, ученикъ.

ШАБАЦЪ.

Александеръ Ристићь, Учитель старіе норм. классе. — Василій Нешићь, Настоятель М. Благовѣщенія. — Георгій Нинићь, трг. калфа. — Григорій Илићь, Іеромонахъ М. Боговаће. — Живко Матићь, трг. калфа. — Живко Николићь, црквенякъ. — Игнятъ Васићь, парохъ Богосав. — Іованъ Павловићь, Протоєрей и Членъ Конзисторіалный Шабачк. — Кузманъ Лазаревићь, трг. — Милованъ Кустирићь, Писаръ Подцер-

ске Капетаніе. — Максимъ Пантићь. — Матей Станићь, Учитель млађе норм. классе. — Младенъ Симићь, трг. калфа. — Станица Радковићь, у М. Благовѣщенію. — Симеонъ Леонтићь, трг. кал. — Симеонъ Радковићь, Епіскопск. Писаръ. — Стоянъ Миліевићь, трг. — Стоянъ Обрадовићь, Писаръ Среза Мачванскогъ.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
РПСр I 18
1839. 1